СЛОВА

Литературно - философский журнал

№9

СОДЕРЖИМОЕ:

2.....ОЛЬХАР ЛИНДСАНН
6.....РОСС ВАССИЛЕВ
8.....КОНСТАНТИН УТКИН
14.....ЕВГЕНИЙ ЛЕСИН
16.....ЕВГЕНИЙ В. ХАРИТОНОВЪ
19.....ОЛЕСЬ УЛЬЯНЕНКО
22.....АНДРЕЙ ЩЕРБАК-ЖУКОВ
24.....АНДРЕЙ БЫЧКОВ
27.....ОЛЕГ РАЗУМОВСКИЙ
29.....АЛЕКСАНДР МОЦАР
31.....ДМИТРИЙ ГАЙДУК
34.....ИГОРЬ ЛЁВШИН
37.....СС ПРАСАД
39.....ИННА КИРИЛЛОВА, ФЕДОР ГИРЕНОК
41.....ИННА КИРИЛЛОВА
51.....МИХАИЛ БОЙКО
54.....АНДРЕЙ ЧЕМОДАНОВ
56.....ГЛЕБ КОЛОМИЕЦ
58.....ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ
63.....ОБ АВТОРАХ

Редактор: Инна Кириллова
Технический редактор: Глеб Коломиец
Координатор: Олег Разумовский
При оформлении обложки использованы работы Эдуарда Кулёмина

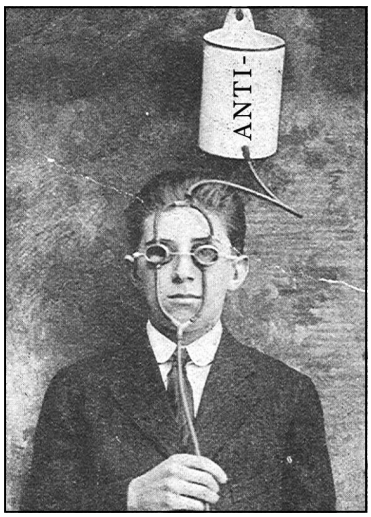
Сайт журнала:
http://www.slova.name
Сообщество в Живом Журнале:
http://community.livejournal.com/slova_journal

Электронная почта:
amati6@rambler.ru
ardor@list.ru

Мнение автора и редакции могут не совпадать
В текстах сохранены авторские орфография и пунктуация
Все материалы опубликованы с согласия авторов

Работы Тима Гейза (Австралия)
Illustrations by Tim Gaze

ОльХАр лИндСаНН



Творчество социальных групп и традиции инакомыслия: движение к радикальной историографии.

Перевод Глеба Коломийца

1.

Допустим, я хочу написать об Искусстве (или даже об искусстве), и решил, что не буду сводить свой текст ни к прямолинейному описанию технических приемов, ни к описанию рынка украшений для дома. Это по умолчанию означало бы, что я отсылаю читателя к той сфере культуры, где понятие Искусства неотделимо от его интеллектуального или дискурсивного измерения – т.е. задав такие условия, я вынужден буду рассматривать Искусство через призму Разума.

То, что когда-то называлось «Высоким Искусством» ('High Art'), а позже стало обозначаться эвфемизмом «Изобразительное Искусство» (Fine Art), отделено от более широкого спектра эстетической и творческой деятельности человека (в особенности от бытовых украшений («китча»), предназначенных для массового потребления), либо посредством управляемого и контролируемого дефицита, либо посредством утверждения системы формальных рамок и характеристик, которые отвращают «обычного человека» от искусства . Легитимация этой границы (иерархии), позволяющей выделить Искусство из общего поля общественного производства артефактов, происходит путем утверждения уникальной само-критичности Изобразительного Искусства. Так появляется особый интеллектуальный лоск, который придает Произведениям Искусства ценность в глазах представителей истеблишмента. Произведения Искусства дают лицемерное (и по сей день эффективное) этическое алиби тем системам, которые они увековечивают.

Таким образом, любое понятие Искусства, утверждающее дистанцию между ним и «среднестатистическим» (которое, в большинстве случаев, сводится к Массовому Рынку), по природе утопично. Искусство покупает статус Интеллектуального, а художники – Интеллектуалов; цена вопроса – их ответственность перед Высшими Идеалами культуры, под которыми не подписывались их создатели и блюстители. Разграничение искусства и популярной культуры (башня из слоновой кости, замкнутый сосуд, белые стены галереи, субкультура) этически оправдано только в том случае, если эта дистанция, это само-определение, становится средством создания новых форм повседневной жизни и новых техник мышления, которые явно и радикально перерегистрируют общество. Такой сдвиг должен представлять альтернативу мейнстриму мышления и охватывать ряд поколений.

Вокруг Искусства-Утопии, которое, благодаря самоотверженному труду творческой элиты, парит над мелким материализмом нашей социальной действительности, разворачивается инфраструктура, состоящая из тесно взаимодействующих институций, развивающихся параллельно друг другу (музеи, издательства, система государственной поддержки, государственные бьеннале, коммерческие и некоммерческие галереи, корпоративные резиденции, академические мастерские, стипендии от меценатов и корпораций, фестивали, аукционы и т. д.). Все эти институции так или иначе связаны с политикой и экономикой, обслуживающими Капиталистический Империализм.

Институции отделяют массовый рынок от Искусства, и, в то же время, переориентируют его на другого потребителя – небольшие элитарные аудитории, состоящие из людей достаточно образованных, чтобы понимать, чего стоит миру их обеспеченная жизнь и деятельность той системы, которую они поддерживают - и имитировать муки совести по этому поводу. Этот небольшой рынок производит и распределяет культурный капитал в рамках социо-психологической экономии, функция которой – увековечивать в сознании интеллигентов

лицемерный образ привилегированных граждан Западного Полиса, которые неустанно выполняю свой этический долг на фоне всеобщей деградации и духовного обнищания.

Институциональная система регулирует все возможные аспекты дискурса, определяющего Искусство как таковое, и снабжает им студентов и работников культуры ещё до начала их самостоятельной интеллектуальной и академической деятельности. Так постепенно формируется интеллектуальный ландшафт, в котором студенты пытаются определиться как художники и интеллектуалы – или, иными словами, формируются границы, слепые пятна, заблуждения, вся писхо-логика, которая держит овец в загоне без необходимости прибегать к кнуту, ведь боль от удара кнута может открыть истинную реальность.

Таким образом, отношение «художник-общество» создается искусственно, в тепличных условиях липового либерализма; представители Власти (или представители представителей Власти) мягко и ненавязчиво делают художнику предложение, от которого невозможно отказать: ты получишь статус, безопасность, и, возможно, деньги (по крайней мере, минимальную сумму, которая позволит оплачивать мастерскую и избежать позорного клейма Пролетария). Взамен ты должен предоставить детальное и квази-концептуальное подтверждение того, что Система здорова, и что те, кто стоит у руля, всячески способствуют развитию Современного Искусства (и даже если Власть в своих интересах будет уничтожать целые континенты – художнику до того нет дела).

Следовательно, к любому элементу доминирующего дискурса об искусстве следует относиться с большим подозрением.

2.

Если рассмотреть любое «официальное» историческое исследование творческих направлений, противопоставляющих себя коммерциализированной и институционализированной инфраструктуре Высокого Искусства («Анти-искусство», «Авангард», «Альтернатива» и т. д.), почти всегда можно обнаружить сходную историографическую модель. Она неявно утверждает, что любая арт-практика организуется как совокупность технических подходов (способов производства объектов, публичных акций, публикации текстов и т.д.) и идеологий (позиций, систем отсчета, теоретических концепций, отделенных от их практического применения). Такая историография успешно игнорирует или маргинализирует все, что связано с общественными связями таких групп, их традициями, внутренней динамикой, способами коммуникации, организации взаимодействия внутри группы.

Ввиду того, что большинство анти-институциональных арт-практик были принципиально коллективными, исключение этого измерения авангарда из ортодоксальной историографии – и есть то простое движение, которое позволяет официальной критике и образовательным институциям создать слепое пятно, скрывающее все, что связано с политикой. Священный долг тех, кто продолжает славные традиции инакомыслия – вывести фальсификаторов истории на чистую воду и вступить в решительный бой с ними.

Один из последовательных (и, возможно, определяющих) принципов традиции инакомыслия – выход за рамки социальных, дискурсивных, экономических границ, которые отделяли «Высокое Искусство» от повседневной общественной жизни.

Коллективный импульс (во всех его многообразных проявлениях) направлен на формирование творческой социальности. Социальность «творческой» субкультуры – это не герметичный сосуд, в котором авангардисты проводят свои эксперименты; гораздо ближе к истине определение авангарда, как сознательной переделки отношения человечества к самому себе. Революционный потенциал арт-проектов состоит в сознательном и активном поиске новых концепций субъективности и общества. В этом и состоит главная угроза для коммерческих и институциональных структур, цель которых - не столько извлечение прибыли из искусства (вопреки снижению ВВП крупных национальных государств на Западе, рынок искусства аккумулирует ничтожную долю финансовой массы), сколько в его консервации.

Радикальный потенциал авангардного мышления содержится не в Идеях, а в способах их создания и воплощения. Каждое сообщество имеет свой метод коммуникации; новые способы взаимоотношений в коллективе порождают новые способы мышления и коллективного действия.

Система контроля взаимоотношений в творческой среде посредством институций создает то основание, на котором строится тюрьма «Высокого Искусства». Студентам (как официальным, так и самоучкам), не развившим критического отношения к знаниям, не способным противостоять давлению авторитета, находящимся на стадии формального отношения к искусству, вбивают в голову мысль, что признание и уважение измеряются по шкале, связанной либо с коммерческими галереями, либо с системой государственного финансирования (в первом случае у художника возникает компенсаторная близорукость, во втором он попадает в зависимость от регулярных подачек). Дискурсы и организационные принципы (как официальные, так и конвенциональные) сформированы заранее; так исключается выход в новые формы социальности, которые могли бы угрожать стабильности дискурсивной и коммерческой инфраструктуры, которая питает и поддерживает элитарное Высокое Искусство. Агенты творчества разделяются на «производителей» и «потребителей», «творцов» и «критиков», «практиков» и «теоретиков» и это разделение нейтрализует творческий потенциал художника. Благодаря этой операции идеология отделяется от практики производства арт-объектов или перформативных акций; идеология становится вещью, которую можно потреблять или не потреблять, а не обсуждать или использовать на практике.

3.

Арт-продукты и идеология группы, придерживавшейся анти-институциональной традиции – это не просто выход за пределы доминирующих в обществе взглядов на «Искусство» или утверждение себя как самостоятельной единицы. Активность группы выражала её сущностный радикализм. Новая техника или материал были элементом проявления «трансцендентной» революции, цель которой состояла в выявлении и выражении альтернативного взгляда на способности человека. Кроме того, эти «художественные» жесты неотделимы от коллектива, в котором они зарождались и происходили. Коллектив формировал контекст творческого акта, процесс его создания и распространения.

Доминирующий институциональный дискурс нашего времени (то, что называют «постмодернизмом» и его производные) не дает такому пониманию права на существование, становится монополистом символического. Любой творческий жест получает ярлык более или менее отвлеченного «релятивизма»[1], который, не смотря на заявленный имморализм, может быть успешно продан кающимся представителям элиты. Если творческий «продукт» может быть потреблен, то он теряет трансгрессивные свойства.

Подобная «постмодернистская» логика действует и в сфере Идеологии, где главенствует обскурантистский диктат метадискурса «иронии». Даже открытый вызов ортодоксии атомизируется, разделяется, упаковывается, импортируется и становится частью экономики институциональной инфраструктуры, основывающейся на системе липовых статусов или псевдо-коммерции. В конце концов, жизнь анти-институциональных жестов заканчивается в "Фейдон пресс" [2]. Обезвреженные путем чудовищного искажения идеологии Дада, Сюрреализма, Флаксуса и др. становятся предметом ограниченных и боязливых дискуссий в рамках институциональных систем.

На самом деле, деятельность авангардистов не сводится к нонконформистской символике – она создавала осязаемую угрозу инфраструктуре. Продолжительное существование неуправляемого или самоуправляемого сообщества делает функционирование коммерческой инфраструктуры буквально невозможным, разрушая условия, в которых возможно создание тепличного дискурса, объекта централизованного управления. Официальная история и историография – это инструменты скрытой пропаганды, которые стремятся игнорировать этот факт и стереть его из памяти людей.

Тем не менее, не перестают развиваться радикально новые и продуктивные типы социальности: мейл-арт, виртуальные, мифические проекты, гетерономии [3], бесчисленные формы международного сотрудничества на всех уровнях технического оснащения (во всяком случае, в развитых странах). Продолжается развитие и расширение форм коллективности, унаследованных от прошлых поколений, как на локальном уровне, так и в форме международного сотрудничества. Тем не менее, большинство дискурсов нонконформистских сообществ ориентированы исключительно на выход за пределы устоявшихся творческих методов и форм идеологии, что ограничивает революционный потенциал практики творческого реструктурирования межличностных отношений и закономерно сказывается на арт-продуктах и теориях этих сообществ (спектр применения дискурса сужается, ограничивается, как и институциональная культура, концептуальными рамками Высокого Искусства).

Следует понимать, что граница между «жизнью» и «искусством» проходит скорее на уровне структуры, чем на уровне идеологии.

Не объявляя НИ ОДИН из ныне существующих дискурсов ложным и неприменимым, мы должны ясно и четко понимать, что основной смысл искусства – не разработка новых технический приемов, а поиск новых форм жизни и мышления. Необходимо исследовать различные стратегии социализации, пришедшие к нам из прошлого, их успехи и поражения, и развить эти темы в среде сообществ, продолжающих творить и сопротивляться. Только после выработки убедительной и бескомпромиссной стратегии альтернативной историографии, мы можем вступить в борьбу со скрытой пропагандой коммерческих институций, нанести удар по структурам, которые управляют официальным искусством и поддерживают клику ортодоксов, восстановив тем самым значение искусства как такового (отказывающегося быть «производством» или «потреблением»). Так мы сделаем первый шаг на пути к разрушению самого понятия элитарного искусства, рожденного академической элитой, решительно отграничивающей себя от «общества деградантов, отравляющих все вокруг себя». Необходимо сформулировать стратегию историографической работы внутри сообщества и взаимодействия между различными коллективами, чтобы вступить в борьбу единым фронтом. Коллективная стратегия и стратегия коллективного действия должны поддерживать и развивать друг друга. Только таким образом можно противостоять Власти над историей и не дать ей вновь наложить свои грязные лапы на наследие прошлого.

Примечания:

[1] В культурологи и социологии релятивизмом называют нигилистическую реакцию на кризис рационализма. – *прим. пер.*

[2] Издательство в Оксфорде, выпускающее книги по искусству – *прим. пер.*

[3] Гетерономия (или литературная маска) - особый тип литературного псевдонима, превращающий использование псевдонима в литературный приём. Создание литературной маски предполагает, что тексты приписываются вымышленному автору, наделённому собственной более или менее развёрнутой биографией, собственными личными качествами и литературными ориентирами. – *прим. пер.*

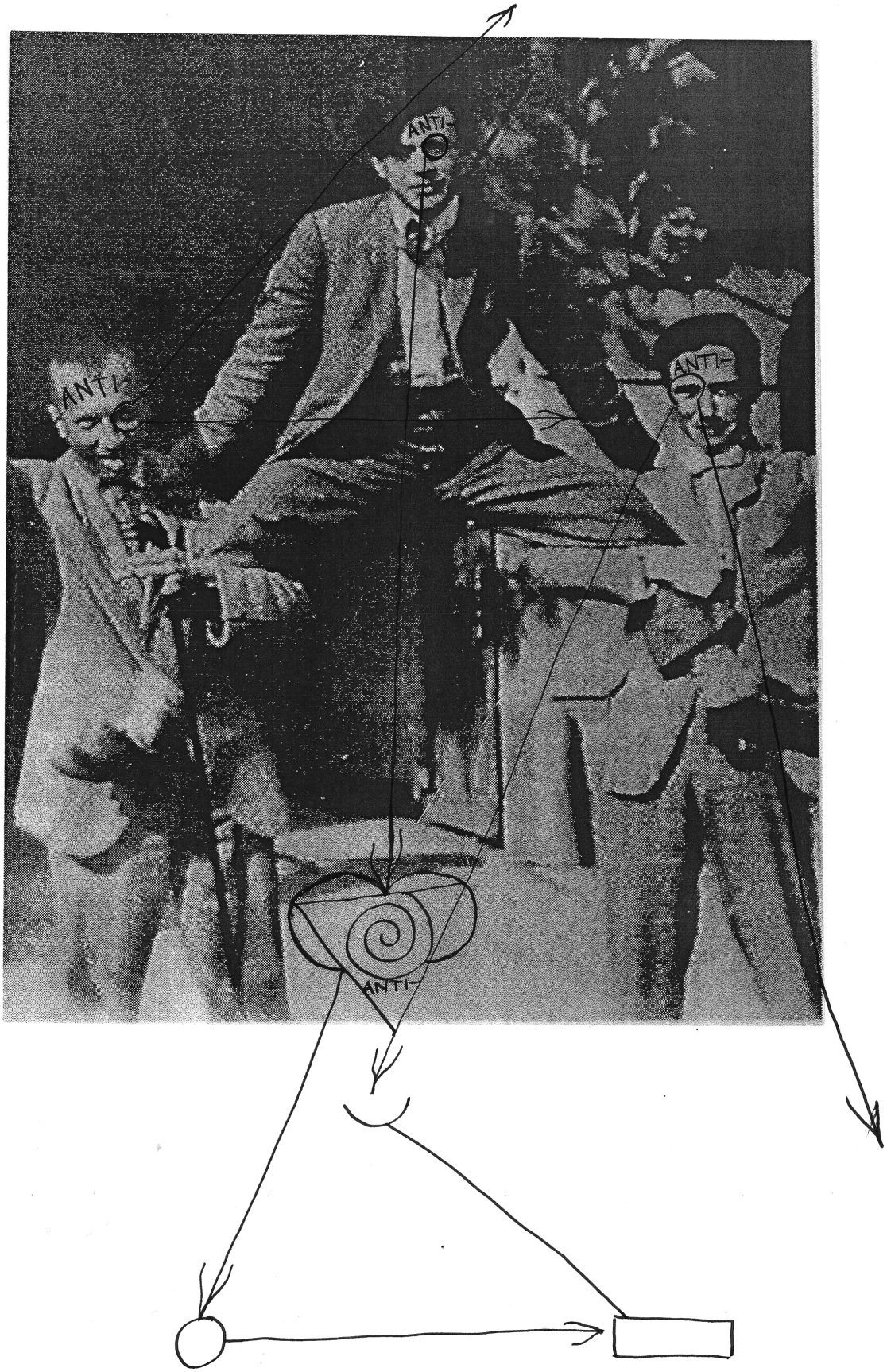


Иллюстрация автора
Illustration by author

РОСС ВАССИЛЕВ

Перевод Олега Разумовского

Пение сирен

жёлтые стены
серый потолок
меня задержали
за то что я схватил
эту девку за жопу
а я так напился
что ничего не помню
у той бабы ментовской
что меня повязала
огромная грудь
а жопа БОЛЬШЕ
чем та которую я
якобы трогал
сижу вот теперь на скамье
в жёлтоё камере этой
делать нечего -
жди приговора, пацан
о, эти жопастые твари
погубят меня

Деревенский идиот

Мне 33
я безработный
на содержании у предков
работа меня заебла
ночами зырю фильмы филлини
хочу творить а не делать деньги
нахуй american dream
Я знаю жизнь
в ней так много уродов
я – бич, жалкий лузер
чужой в этом мире
хожу весь заросший
мне даже бриться в падлу
я идиот деревенский
в этой стране полно идиотов
живущих за счёт родоков
никчемных бродяг
так помогите же нам наконец.

огонь в мозгу

у безумных
есть свой приют
в головах
психов не лечат
их держат в дурдоме
подальше
от нормальных людей
покинуть приют в голове
значит выйти на свет из тьмы
а потом ты вспомнишь
последние годы
и ужаснёшься
словно в кошмаре
как наяву
ну как попробуй
весь этот бред описать.

Чума

я потерялся в этом городишке
пропал с концами
свихнулся
ещё подростком
смотрел на солнце
пока не увидел
там только тёмные пятна
а люди были как мухи
летящие на говно
безумие
это когда ты всё забываешь
и забиваешь на всё
а потом
прошлое видишь как глюки
и начинаешь гадать
была ли жизнь до того
или ты всё придумал
честное слово
не знаю
баллада о Яне Кёртисе
мрачные облака

навивают мысли
об утятах
и красных пляжных мячах

открываю чулан
и вижу Яна
в петле

повешенный
синеющий
свинцовый шар

а денёк такой тихий-мирный

как рокинрольное небо
над манчестером

мирный
как отчаянье, депрессия
безработного
с большим стажем

тихий
как пивные бутылки
в ржавой траве
вдоль забытых дорог
в штате Огайо

Experience

Джимми Хэндрикс предупреждал
что когда китайцы
захватят Сайгон
они возьмут и Лаос
а затем и Камоджу
и тогда будет полный пиздец
и он был прав
однако потом
вьетнамцы прогнали хмерруж
по указанью Америки и Китая
и чёрные не любили Джимми
ведь он играл с белыми
и встречался со светлокожей
пуэрториканкой
но потом
он принял ЛСД очень много
и в пурпурном тумане
всё стало окей

Нахуй человечество

чтобы выжить в Америке
надо быть осторожным
дабы не облучиться
и не попасть
под ядерный гриб
серийных убийц

избежать
тисков бедности
и мясорубки тюрьмы
в молодости
я хотел спасти человечество
(как и положено молодым)
но теперь мне уже 32
и я посылаю всё нахуй

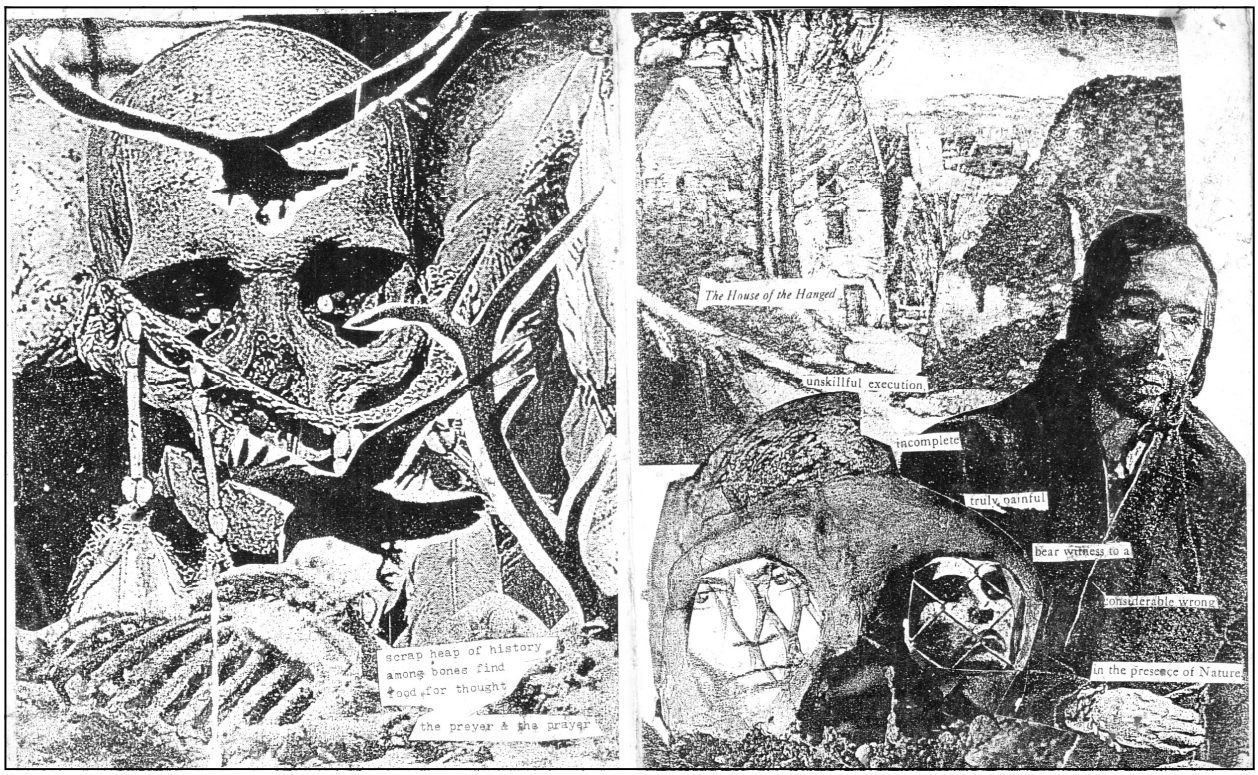


Иллюстрация Дэвида Широ (США)
Illustration by David Chirot

КОНСТАНТИН УТКИН

Алкогольные друзья

Отрывок из повести «Хозяин жизни - Этанол»

Иллюстрации *Эдуарда Кулёмина*
Illustrations by Edward Kulemin

Женя Лесин - довольно известный персонаж окололитературной тусовки, книжный журналист, не бездарный поэт, может занять в этой книжке не последнее место. Просто, наверное, в Москве нет человека, служащего Хозяину столь фанатично, крикливо, демонстративно и принципиально. Он скучает в периоды вынужденного просушивания, называя их "мораторием" - а длятся они нечасто и недолго, в пропорции примерно один к шести. В начале просушки с ним нельзя не только разговаривать, но и видеться тоже. Помниться, меня он просто вытолкал за дверь, буквально облив помоями оскорблений - от того что я, работая недалеко от дома, зашел к нему без звонка. Был бы на его место нормальный человек - на этом бы наше общение и закончилось на годы. Но для Лесина, грязноватого и беззлобного пустомели, все всегда делали скидку. Слушать Лесина и принимать весь его бред всерьез значит не уважать себя; впрочем, в течение десятилетий темы пьяного крика существенно не меняются. Любой президент - пидарас, все остальные - жиды. Жиды и пидарасы. Еврейскую тему он мусолит с наслаждением, находя в вопросе, от которого давно уже осталась только пустая скорлупка, все новые и новые грани. Он может называть человека фашистом - человека, который не сделал ему ничего плохого - и продолжать вопить, хотя кулак уже на раз и не два впечатал его в землю. Впечатал, надо сказать, вполне заслуженно...

Лесин способен, лежа за новогодним столом - именно лежа, как-то у меня не хватило стульев и с одной стороны народ сидел на диване, и на нем же, упившись, спал - засовывать палец во влагалище своей подружки. Понарошка при этом издавала характерные для соития звуки - и ничуть не смутилась, когда он поднял над едой окровавленный палец и заявил, что она еще целка.

Я намеренно не привожу здесь ее имя - да, кстати, и не помню его. Оно не нужно. Я не встречал человека, который в глаза называет своих женщин собачьими кличками. Так же как я, к счастью, вообще не знал людей, которые настолько по-скотски относятся к своим подругам. Поделится бабой с приятелем - обычная для Лесина практика. Правда, он клянется, что потом из них, прошедших школу Лесинской дрессировки, получаются отменные жены. Судя по Машке, моей бывшей жене, это не совсем верно. Хотя она уверяет, что не успела с ним даже переспать, тем более жить какое-то время. Так что его истерию - в чем и заключается дрессура - на себе не испытала.

На моей памяти были Тургенев, Интервенция, Понарошка, Листик, теперь вот - Канистра.

"Пошла вон, дура, сука, пошла в пизду. Девке не наливать. На хуй пошла отсюда, ты не поняла? Пошла вон, дура" Что бы сказала нормальная женщина на такое обращение? Канистра плелась сзади, как побитая собака, и ждала, пока Лесин сменит гнев на милость. Я в это время убеждал его, что в том, что она заказала не то лекарство, которое он хотел, нет смертельного для него умысла. Говоря проще - что она не хочет его убить. После получаса выслушивания бессмысленных и оглушительных, на всю улицу воплей мне это удалось.

Сейчас Лесин выпускающий редактор московской газеты, рецензирующей вышедшие книги; окололитературные шакалы, жаждущие статей, давно нарекли его гением. В стихах его все больше никчемного мата, грязи и злости. Хотя, если быть справедливым, то все чаще и чаще в текстах стали попадаться неловкие лирические зарисовки. Очевидно, что ущербность взгляда на мироздание стала очевидна даже для него самого. Жизнь его под черным хозяйским крылом все больше похожа на непреходящие судороги.

Полный текст повести на сайте http://pisatelutkin.ru/

Мы давно уже не друзья. Я отошел от Хозяина, когда понял, что он абсолютное зло и теперь - по другую сторону баррикад. Лесин продолжает крутиться в водовороте пьянок и похмелий. Хозяин дает ему много - брюхо, перевитое синими венами, как у беременной, постоянно раздражение на лице, разбитые очки, потерянные телефоны, рваные вещи, печень, которая выдавливает в горло легкие, истерию по поводу но чаще без него. Дал ему кучу холуев, которые спасают Лесина от мордобоя вставая на пути взбешенного парня...

Было так - Лесин на весь стол заорал, что сидящая напротив девка не очень страшная, и ее надо немедленно выебать. Ее парень сразу пошел в бой, но его перехватили, на ушко объяснили значение Лесина для московской окололитературной жизни. Паренек, который приехал завоевывать Москву гитарой и стихами, проникся и уже через минуту вилял перед Лесиным хвостом. Говорил с фальшивой усмешечкой - ох, эти сумасшедшие москвичи... Хотя и порывался все же пару раз засветить в красную репу...

Хозяин дал ему свободу - потому что воспитание детей сводиться к алиментам и субботним посиделкам. Очевидно, что в итоге, как и всем своим рабам, Хозяин даст и свободу от жизни - только вряд ли будет что-то хорошее за чертой Великой Тайны. Потому что лесинская истерия простирается и на христианство...

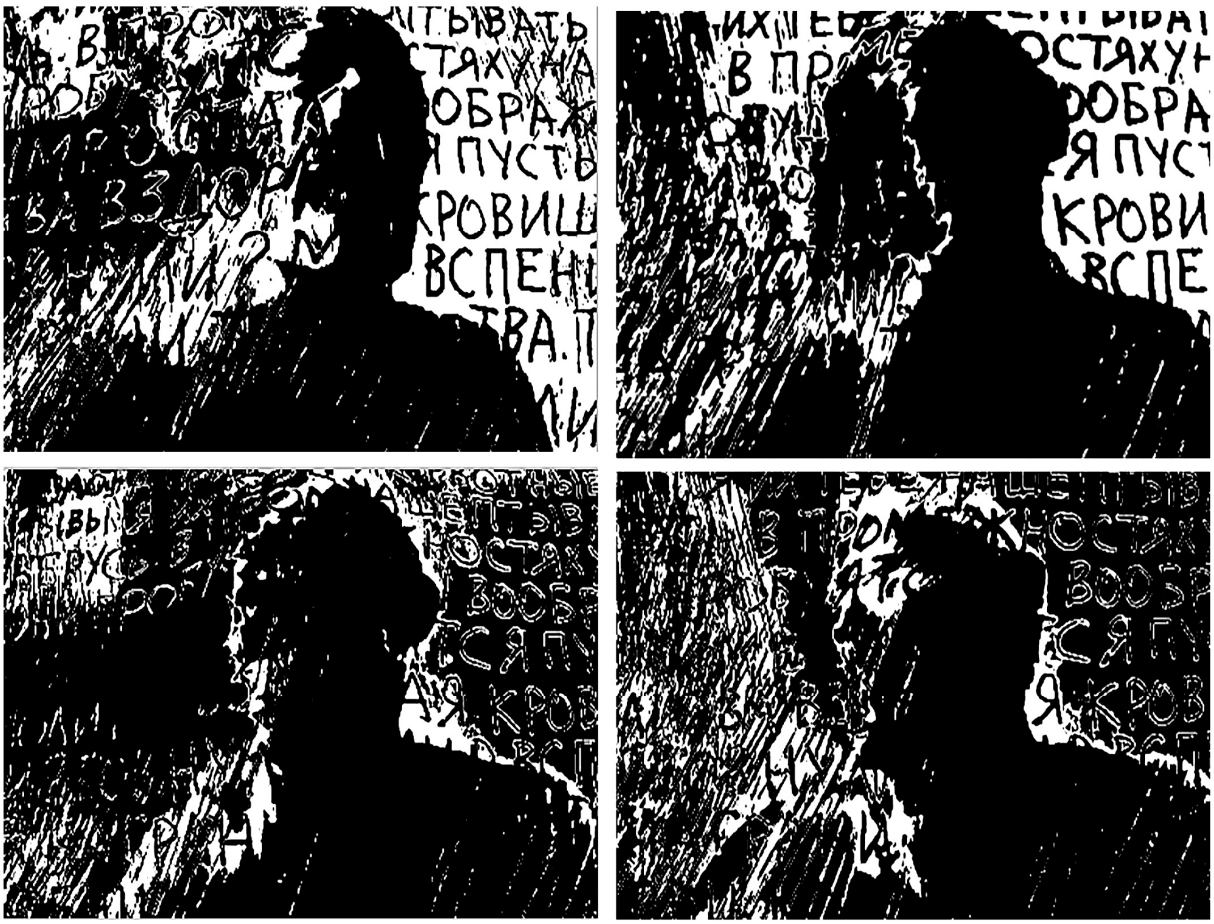
Хозяин дал ему и статус, определенную социальную позицию в нашем странном мире. Роль злого шута, которую он с успехом выполняет уже много лет, до седины в бородке, требует настоящего мужества. А тряпичный Лесин этим сугубо мужским качеством обделен. Но вот когда Хозяин оглушает кору головного мозга, оставляя только наиболее развитые центры - хотя и они страдают не меньше - и двоящийся мир пошатывается в тумане, вопить, хамить и оскорблять уже не страшно. Просто потому, что не получается адекватно оценить последующую расплату.

Веничка Ерофеев, печально известный автор повести "Москва-Петушки", второй, после Хозяина, кумир для Жени. Несчастный, по сути, мужик, который всю жизнь нес на себе груз своей сомнительной книжки, вряд ли бы обрадовался столь фанатичному поклоннику.

Интервью с Веничкой Ерофеевым - страшное зрелище. Дряблое испитое лицо некогда красивого мужчины, седые сальные волосы, зачесанные набок, прикрытая шарфиком дыра на месте гортани - рак, Хозяин не щадит своих рабов. Человеческий шлак, трясущийся на пороге вечности...

И паскудный интервьюер, сидящий напротив этой бедной развалины, задает вопросы. Паскудные вопросы...

- Все знают, что если ты не уважаешь человека, то и пить с ним не станешь. Так вот сколько и кому вы бы налили?



"Бормотень"
Комикс по мотивам одноименного видеопоэтического ролика

После послушного перечисления громыхающих литературных имен дошли они - истязатель и истязаемый - до Беллы Ахмадулиной. И Веничка с грустью прогудел в микрофон дешифратора - ей бы я не стал наливать, это очень вредно для здоровья...

Наверное, Ерофеев, получив за верную службу от Хозяина по полной, разъедаемый метастазами, пересмотрел свою несчастную рабскую жизнь. Да и роль своей книжки... наверняка он еще бы хотел писать, жить, радоваться и работать - но, когда переходишь точку возврата, Хозяин уже не дает ни единого шанса. Вполне возможно, что он хотел бы это сказать напоследок всем своим поклонникам - но это выбивалось бы за рамки, которые он сам себе создал. И корреспондент, не видя беспомощной тоски в глазах Ерофеева, продолжал издевательство...

Самое короткое, ясное и уничтожающее определение Ерофеевскому произведению было дано женщиной, далекой от литературных изысков - алкоголик едет в электричке. И все. Больше там ничего нет. Обрывки информации, гримасы извращенного бреда, путаница невнятных мыслей, мешанина образов... короче говоря, все, чем Хозяин щедро одаривает своих рабов. Но ведь это найти можно в любом переходе, на любом вокзале - если разбудить смердящего резкой кислятиной бомжа и послушать его речь. Ерофеев, до своего распада, был грамотным, интеллектуально развитым человеком - и только отсветы это настоящей личности можно разглядеть на страницах повести.

Она была написана на одном перегарном дыхании, за неделю во время запоя. Интеллигенция, в застойные времена самоуничтожающая себя в знак слабосильного протеста, приняла ее с восторгом. Теперь у пьющего стада общими стали не только трясущиеся руки и вожделенные муки похмелья - у них появился свой идеолог, своя Библия.

А любой неофит превосходит сам себя в восхвалении кумира - будь то книжка или идол. Как только после первой рюмки вынут лом, разваливающий кости черепа, наступает вдохновение - и какими глубокими кажутся слова о жалости к женщинам! Потому что они писают сидя...

Трезвому человеку алкогольный юмор непонятен. Трезвый может смеяться над пьяным - над его нелепостью, глупостью и несвязностью речи. Юмор алкоголика понятен только такому же...

В самом начале нашего знакомства и совместного служения Хозяину я еще не до конца растерял остатки здравого смысла. И при этом был настолько наивен, что верил в культуру пития и даже - смешно сказать - пытался ее пропагандировать. Эти жалкие попытки были вмиг смяты необузданностью Лесина. Цель пьянки - упасть и валяться в собственной блевотине, достигалась им быстро и почти что профессионально. Водка пилась стаканами. После нужной дозы у Лесина стекленела улыбка, потом он клевал носом и отключался.

Против закуски он восставал всем своим существом - и против еды как таковой, и против ее потребления.

Помню, он позвонил и пригласил на пьянку к Борисоглебскому. (Борис Бейлин, друг Лесина. Кличкой Женя не одарил только меня. У него есть Трехконечный, Жидовская морда...)

Я, зная, с кем имею дело, корректно спросил про закуску. В ответ, естественно, услышал - как грязи!! Порадовавшись предстоящему обильному застолью, как свою лепту я привез кусок мяса и, кажется, пару яблок...

То, что я увидел в квартире Бори - старая квартира, первый этаж панельной пятиэтажки, меня поразил пол с видимым уклоном - превзошло все ожидания. На столе стояла литровая бутыль водки. Сидели Боря и Женя. И возле каждого, помимо стакана, на развернутом фантике лежало по аккуратно откушенной конфетке...

Как ни смешно, но моя закуска была встречена весьма равнодушно. Как известно, еда забирает кайф.

От этой пьянки осталось только воспоминание странного утреннего состояния, запомнилось, хотя встречается оно довольно часто. Когда опьянение уже прошло, но похмелье еще не наступило. Это очень короткий и странный период - кажется, что сквозь привычные черты мира проступает нечто, незаметное в обычное время. Может быть, Хозяин тут и ни при чем, может, виной тому легкий снег, медленно опускающийся сквозь серый утренний свет, редкие светящиеся окна еще спящих домов, ознобная рассветная тишина...

Это время я запомнил, но не уловил и не воспользовался. Я выпил рюмку невообразимо омерзительной с утра водки и, ощутив уже привычное воздействие - которое можно охарактеризовать как "обухом по голове" ушел из тихой квартиры на тихую улицу...

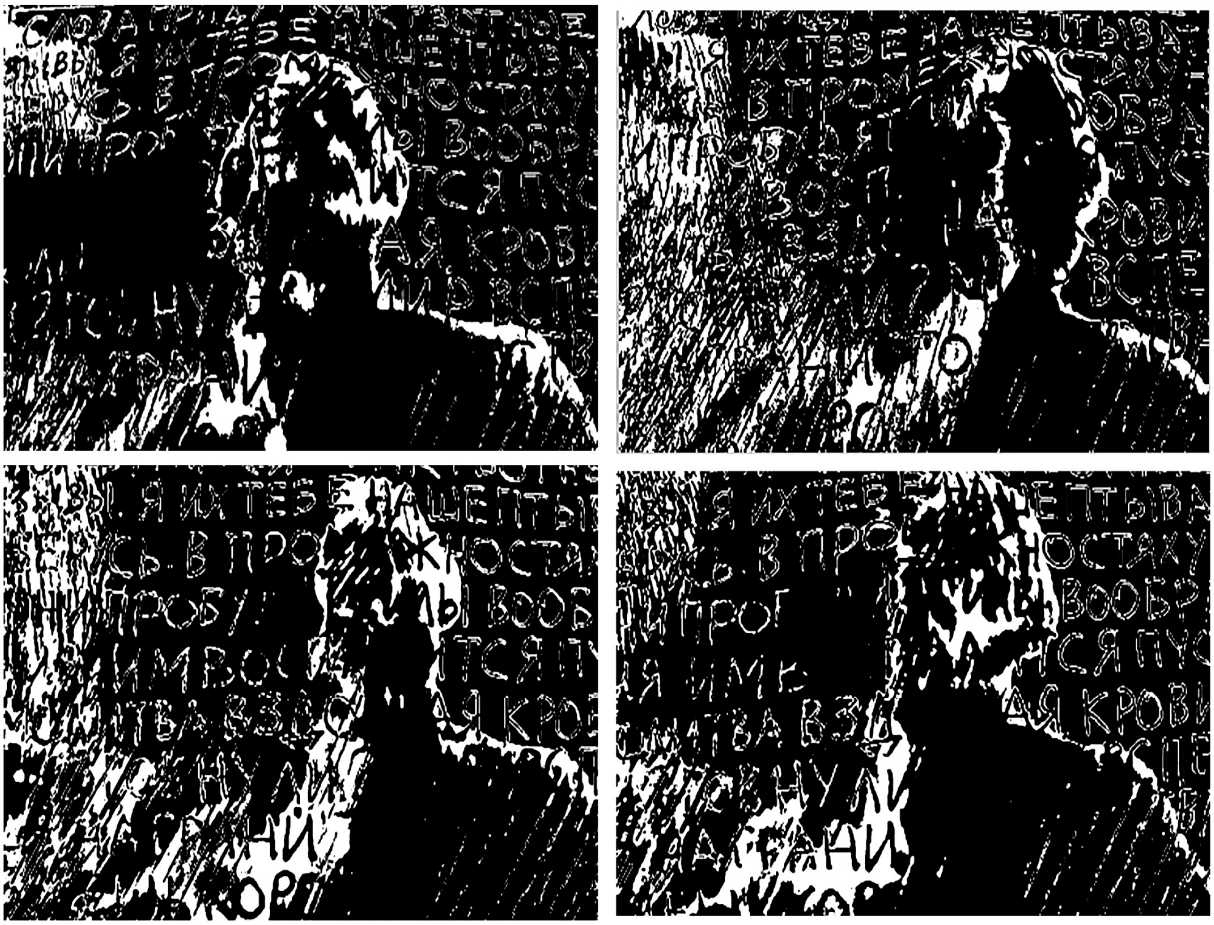
За восемнадцать лет пьянок с Лесиным запомнилось не так много - к тому больше половины пишущей братии Москвы, талантливой и бездарной, может похвастаться тем же. Я думаю, что после смерти Жени - типун мне на язык с кошачьи яйца, пусть живет еще сто лет - воспоминания о нем превратятся в хвалебную оду Хозяину.

Фактически, Лесин разделил свою жизнь на две половины - работу, который он выполнял трезвый и злой, и все остальное время, проведенное в сумасшедшей алкогольной пляске. Если он пишет, то он не пьет. Если он пьет, то он не пишет. Впрочем, это утверждение относиться в основном к его рабочим статьям - стихи, судя по их качеству, пишутся под хорошей хозяйской анестезией.

Так вот, кроме того, что эта личность фанатично предана Хозяину, она так же загадочна. Просто потому, что в редкие периоды моратория он почти ни с кем не общается - пока не пройдет похмельный психоз - а потом, став более-менее адекватным, в такой же пропорции он становиться и скрытным.

Дальше он выпивает свой первый стакан - и всяческие холуи литературной тусовки начинают клубиться вокруг и с радостью поддакивать бреду, который Лесин извергает тоннами. С другими он просто не общается. Нужно принять его манеру, нужно принять его игру, нужно с радостью дать себя вовлечь - и тогда ты станешь своим.

Причем с тонким чутьем, свойственным всем, кто



изображает шутов, Лесин узнает людей, могущих быть для него действительно опасными. Он никогда не назовет "пидарасом" отсидевшего человека - сам был тому свидетелем - прекрасно зная, что за такие слова будет быстро напорот на нож. В случае настоящего конфликта он быстро замолкает, утихомиривается и предоставляет своему окружению заминать проблему.

На нашей бывшей даче в Икше Лесин разошелся - как-никак рядом был я, рядом был Андрей Мирошкин из редакции, рядом был мой друг Санек и еще какой-то парень, посвященный в особенности Лесинского поведения. А очередная фишка тогда у Жени была - "Ненавижу русских рабочих". Но об этих самых тонкостях, увы, никто не удосужился предупредить моего дядю. (Просто его дача и дача Андрея оказались рядом, более того - на одной улице поселка.) И когда Лесин в своей обычной манере просто упал в траву, дядя Коля, который пил вместе с нами, решил помочь пьяному другу. Рядом не оказалось никого, кто бы мог объяснить, что трогать этого спящего борова не стоит.

Коля, с истинно русской широтой, решил доставить почти незнакомого гостя, которого подкосила водка и жара, к себе в дом и положить спать в комфорте и безопасности. Взгромоздил потную, дряблую тушу на плечи, и даже пронес ее немного...

Без сомнения, Коля бы притащил его без передышки к себе, и уложил бы, и предложил похмелиться, и покормил, если надо. Но Лесин, на свою беду, очнулся. Понял, что его несут. Решил, что окружение рядом. И завопил.

- Не трогай меня, подонок, фашист!!

Добавить, что ненавидит русских рабочих, не успел - Коля, родившийся в послевоенные годы, среагировал как любой нормальный человек. Поставил Лесина на ватные ноги и объяснил, тяжелым кулаком по пакостному рту, кто фашист и кто подонок. Тот, как подкошенный, упал. Но Коля не из тех, кто способен бросить пьяного дурака на самом яростном солнцепеке - ведь может и сердечко остановиться, и с головой, с которой пьянь не дружит, возникнуть проблемы...

Он, упорный, взвалил Женю на плечи, пронес немного - и вот тут-то за все хорошее услышал, что обмякший на дружеском хребте мудак ненавидит русских рабочих

Николай, будучи сам именно потомственным рабочим, скинул Женю на землю и вновь внушил (по роже, по роже) что это как-то нехорошо...

Тогда только Женя понял, что окружения, которое обычно решает подобные проблемы, рядом - вот подлецы!! - нет, и почел за лучшее притвориться спящим. Коля благополучно допер его до своего участка, обтер кровь и положил в теньке на веранде.

Но Жене не спалось... Санек, входя на наш участок, увидел Лесина, лежащего на земле, и Колю с занесенным кулаком. Саня буквально повис на руке,

а Лесин продолжал кричать.

- Подонок, ублюдок, фашист...

Санек был уже знаком с Колиной силой - тот очень ранним утром поднял его, прикорнувшего у затухающего огня, за шкирку в воздух и недобро спросил - ты к моей бабе приставал? Умирающий с перепою и не имеющий сил врать Санек, болтаясь над землей подобно коту, кивнул. И зажмурился - Коля очень ревнив - в ожидании неизбежной расплаты...Коля же поставил его на землю и хлопнул по плечу.

- Ну тогда пошли опохмелимся...

Так что Саня повис на каменных Колиных бицепсах уже второй раз - и хотя окровавленный Лесин, благоразумно не поднимаясь с земли, при виде поддержки продолжал поливать владельца участка грязью, того удалось остановить.

Подруга Коли, Галя, впоследствии спросила только - твой друг что, ненормальный? Объяснить ей, что нормальный, только чересчур эксцентричный, мне так и не удалось.

Лесин, кстати, своим гнилым языком сделал Коле настоящий подарок. На моей свадьбе Коля - будучи таким же рабом, как и все мы, но вырвавшийся в данное время на свободу - очень хотел испытать Лесина на прочность. То есть, попросту говоря, подраться с ним. Но Лесин просто не дал ему такой возможности - он мертвой хваткой обвил талию моей двоюродной сестры и упал мордой в салат. Когда девушка хотела освободиться, деликатно или не очень, Лесин просыпался, перехватывал ее покрепче и вновь валился очками в тарелку. Вряд ли Катюха чувствовала себя комфортно в мягких объятьях, но Лесин ее не отпускал. И побить его Коля не мог, помня старинный закон кулачных бойцов - не бить лежачих, тем более спящих.

Прочем, Лесину на свадьбе все-таки досталось. Ночью. От меня.

Лесин из комнаты для гостей, где все валялись вповалку, на четвереньках переползая через пьяные тела, целеустремленно добрался до спальни, так сказать, новобрачных. И полез, ни секунды не колеблясь, между мной и женой. Приговаривая при этом "Пустите, гады, пустите, сволочи..."

Я, конечно, поступил некрасиво и некультурно, но пинками выгнал его в коридор и объяснил, что Женя ошибся кроватями, и первую брачную ночь при всем уважении я с ним делить не собираюсь. Лесин, который, как известно, не дерется, свернулся калачиком, я его укрыл какой-то курткой.

Через пять минут он упорно карабкался на диван, возмущенно повторяя "Пустите, гады, пустите, сволочи, пустите, скоты, подонки..." Его атаки я мужественно отражал всю ночь и даже часть утра.

*

Один из любимейших друзей Лесина - Варан. Ныне покойный Сергей Варакин, за короткий срок прошедший весь путь, проложенный для него Хозяином - бросив учебу, бросив работу, теряя женщин, умер в унылой больничной палате от пневмонии. Не дожив и до тридцати...

И в этом случае, так же как и с моим отцом, роковую роль - на руку с Хозяином - сыграла мама Варанчика. Женщина очень боялась одиночества, поскольку мужа не было, а старшая дочь после свадьбы ушла из дома. Ей гораздо проще было давать деньги на водку и после корить сына за пьянство, чем остаться одной в пустой квартире...

Пьянки шли чередой - один раз мы поехали пить с Вараном на какую-то станцию. Взяли бутылку водки. Не самой мерзкой - я настоял, все-таки переживая за свое здоровье. И даже угрозы, что хорошую водку Варан пить не будет принципиально, не помогли. Он действительно не пил хорошую водку, мотивируя это тем, что чем водка лучше - чаще ее подделывают. Паленую никто подделывать не станет. Потому что она сама по себе паленая...

Встретиться должны были в вагоне электрички. Варан прошел мимо нас, глядя вперед остановившимся взглядом. Меня поразили его руки, истонченные при широкой кости, и раздутый, видимый даже под майкой живот. Черные волосы, торчащие вокруг головы этаким ореолом, круглые черные остекленевшие глаза...

Конечно, мы его догнали. Вышли, сели под дубком, не обращая внимания на ходивших рядом по тропинке людей, выпили по первой стопке - Варана неожиданно для нас повело и он вдруг свалился вдребезги пьяный. Я предложил дотащить его до дома - не бросать же друга в отключке? Но Лесин вдруг пришел в ярость - он понял, что Варан, сказав, что без денег, выпил до встречи с нами не меньше поллитра. Обычный, в принципе, поступок алкоголика заставил Лесина негодовать - но под моим напором мы все-таки попытались притащить Серегу к электричке. Там гнев Лесина поутих, но и силы кончились тоже. В итоге мы уложили Варана под лестницу, ведущую на платформу, и объяснили укоризненно смотрящему на это постороннему ханыге - мол, это не наш друг, и где он нажрался нам тоже неизвестно.

И правда в этом суетливом оправдании присутствовала. Нажраться Варан успел без нас. И моим другом он не был. Он был другом Лесина.

Мы ехали к Жене допивать нашу бутылку и он придумывал все больше и больше причин, оправдывающих этот, неэтичный с точки зрения рабов Хозяина поступок.

Пили на берегу канала в Тушино - с двумя девками, подругами Варана. Одна требовала водку и обещала показать стриптиз - стащила лифчик и пришла в бешенство, когда оказалось, что водка кончилась. Вторая появилась позже, принесла водку и по поводу стриптиза даже на заморачивалась - мгновенно разделась догола. В итоге некоторые люди, гуляющие сверху по тропинке, проходили мимо нас раз по двадцать...

Ее раскованность помогла нам, когда на другом берегу переплывшего канал Женю хотел забрать наряд. (Плавание - единственный признаваемый Лесиным вид физической нагрузки)

Мент, молодой деревенский парень, чуть не сгорел со стыда, когда полоска волос на лобке нашей собутыльницы появилась и замерла как раз на уров-

не его лица...он сидел окаменев, уставившись на руль, и пылал ярче запрещающего огня светофора. А тут я еще с пьяным красноречием убеждал, что мы поэты, писатели, и что брать нас - все равно что ссать против ветра. Только проблем будет гораздо больше. Лесин, как и положено, молчал в тряпочку.

Теперь Сережа Варакин, Варан ушел из жизни первым - и стал занимать почетное место по количеству посвященных ему Лесиным стихов.

"Пр. В." - это значит - Придурку Варакину. Правда, последнее время что-то в голове Жени щелкнуло, и иногда он посвящает людям стихи без своих любимых оскорблений. Для него это значит - наступить на горло собственной песне. Человек настолько вырос морально, что просто диву даешься - ведь ему всего за сорок...

"Я вас всех переживу, Ты смеялся, мы смеялись, Рюмки падали в траву, Только рюмки и остались. Только сладкое питье Разлилось и разлетелось, Вот и кончилось житье, И бытье куда-то делось"

Из моих пьющих друзей Лесина довольно хорошо знал только Санек - благодаря его пацифизму и благожелательности я мог пить с ними вместе, не боясь, что после очередного перла Лесину расшибут голову.

Впрочем, как известно - друзья друзей редко бывают твоими друзьями. Двоих из Лесинского окружения трясет при упоминании одного моего имени. Один опасливо и вежливо общается при встрече, но держится в стороне. Четвертый вроде относиться хорошо - но живет уже не в России. Он входит в троицу, знакомством с которой я удивляю людей: еврей - строитель, еврей- водитель и еврей - обладатель дана по айкидо.

Журналистом - полужидком (хотя сам Лесин гордо и неоправданно зовет себя жидом) никого не удивишь...

Последняя наша пьянка с Лесиным была тяжелой. Моя бывшая жена написала заявление в милицию - избил, угрожал убить, и повторяется такое не впервые. Даже зафиксировала в травмпункте несуществующие синяки. Да, я орал. Да, тряс ее за полы халата. Но, если честно, она это вполне заслужила - с чем, кстати, позже согласилась и сама.

Я снимал стресс в кабаке, в подвале на Никольской улице. Позвонил Лесину с предложением продолжить банкет. Он пригласил меня к себе в Тушино... Встретились, посмеялись. Я купил водку, закуски, запивки, сигарет. И все шло хорошо - хотя недовольство Лесина тем, что его поят, было видно невооруженным глазом.

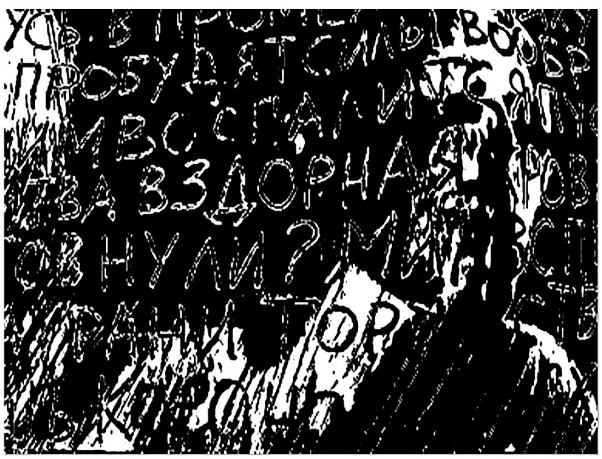
После второй-третьей рюмки я попытался поделиться некоторыми своими проблемами относительно Егора. Все-таки Женя субботний отец двоих сыновей...

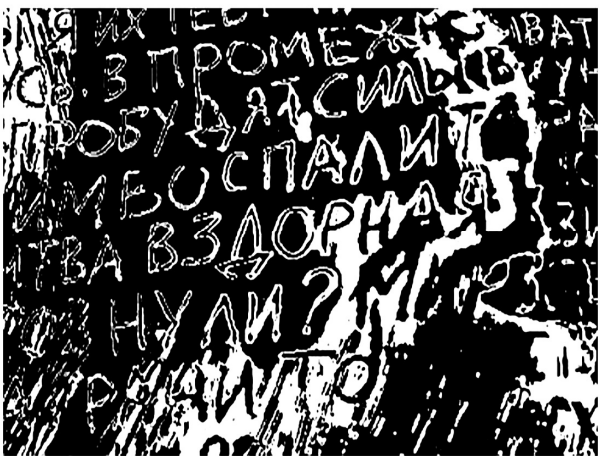
И тут Лесин позволил себе такое высказывание в адрес моего пацана, что я с великим трудом удержался и не свернул ему шею. Видимо, Женя почувствовал, что перешел грань, которую переходить нельзя ни при каких обстоятельствах, очень вежливо и холодно извинился и попросил меня уйти.

Но я не ушел. Мало было радости сидеть в его грязной конуре - но я словно издевался над его беспомощностью. Я не мог его избить, хотя очень хотелось. Я просто сидел, пил водку, курил, подолгу разговаривал по телефону, выясняя, чем мне грозит Машкино заявление. Беседовал с бывшей любовницей. Потом с участковым. Ждал, пока уляжется ярость, вызванная - впервые за восемнадцать лет - Лесинским поганым языком.

И на прощанье услышал - "Надеюсь больше никогда тебя не видеть". Ну, что ж. Года сокрушительных пьянок позади. Лесинская физиономия, спасенная от кулаков десятки раз. Рецензия в несколько строчек на одну из десяти моих книг. (Опубликованная во многом благодаря стараниям Андрея Щербака-Жукова.) Лесин во всей своей красе. Хотя такому финалу не стоит удивляться - нас свел Хозяин, еще на первом курсе Литинститута, и развел нас тоже он.

В своей последней книжке (Их, тоненьких, три. Две стихов, одна, в соавторстве, прозы) он написал - "А потому что этот прекрасный, удивительный, дивный мир сам был сплошным кабаком. Садись где хочешь и пей что нравиться. Мы, собственно говоря, так и поступаем. И вас советуем" Мимо цели, Женя. Если мир дивен, прекрасен и удивителен, он никак не может быть кабаком. Кабак - это вонь, мрак, грязь и гибель. Был, есть и останется. Все доброе и хорошее находиться за пределами этого круга, в отдалении, не способное существовать в запойном мороке. Ты это прекрасно знаешь... и все-таки советуешь.





Евгений Лесин

Зигзаги судьбы

Уткин. Костя. 38 лет ему, а не пьет. Не пьет он, правда, не по доброй воле – приподзашился в рабочем порядке. Для общего оздоровления организма. Что ж, пришлось ехать поздравлять. С днем, как говорят политтехнологи, рождения.

Купил я водки, упаковку с рюмками – в подарок (для непьющего человека рюмка, как известно, лучший подарок) – да и поехал к нему в Перово. А он, сволочь такая, подробно мне дорогу объяснял. Приезжаешь, мол, на метро, там выход один, потом направо и в маршрутку номер 180 – до остановки «Школа». Минут пять езды, а дальше – ты помнишь. Ну да. Конечно. Приехал я. На станцию «Перово».Только там не один выход, а два. Ну, решил я, Уткин – дурачок, считать не умеет. Вышел наугад. Свернул направо, гляжу – и впрямь маршрутка. Номер, правда, другой, но ведь Уткин же – дурачок (см. выше). Спрашиваю (я трезвый еще, мысль и язык работают четко): идет ли ваша маршрутка до остановки «Школа»?

Все головами кивают, даже шофер что-то пробурчал на азербайджанском. В смысле, конечно, идет. Сижу. Еду. Минут двадцать прошло. Ну, думаю, Уткин – дурачок (см. выше, а потом еще выше). Только вот смущает меня, что мы вроде бы кольцевую уже проехали. А мы, спрашиваю, правильно едем? Все смеются, шофер успокаивает:

– Ты не смотри, – говорит, – что мы МКАД проехали. Москва нынче большая. Аж до самого Новосибирска.

Новосибирск... Хороший, наверно, город, да только подлец Уткин, кажется, в Перово живет. Сижу. Еду. Еще полчаса прошло (о том, что Уткин дурачок я уже и не упоминаю, см. выше, и выше, и выше). Мне говорят: вылазь, гадина, из машины. Школа, мол.

Вышел я. Кругом то ли Балашиха, то ли Купавна, я в темноте плохо их различаю. Достал рюмку подарочную, водку подарочную, изюм в пакетике (на всякий случай купил – как в воду, оказывается, глядел), тяпнул. Домов – нет, людей – нет, школы – тоже, разумеется, никакой нет. Почему так назвали остановку – загадка. Выпил еще рюмочку, гляжу бандиты идут. Грабить, видимо, меня хотят.

– А скажите, – шокирую их вопросом, – где я сейчас нахожусь?

Бандиты решили, что напоролись на психа, спаслись бегством. Я рюмочку еще выпил, пошел на дорогу руками махать. Остановилась машинка. Тоже маршрутка. Та же самая. Тебе, вежливо спрашивает (уже почему-то на армянском) шофер, опять в школу, педофелюга? Нет, говорю, в Москву.

Сижу, еду. Решил снова выпить – ба! рюмку на остановке забыл. Достаю вторую, наливаю, шофер улыбается:

– Хорошо, видно, съездил, раз празднуешь?

– Хорошо, – говорю. И выпиваю, конечно, изюмом закусывая.

Приехали. Метро, конечно, уже не «Перово», а «Партизанская». В смысле – «Измайловский парк». Гляжу вопросительно на шофера, он отвечает философски:

– Зигзаги судьбы.

Звоню Уткину. Он кричит в истерике (мне ж до него ехать минут пятнадцать, а я уже часа два где-то катаюсь), что его станция метро называется не «Партизанская», не «Измайловский парк», даже и не «Перово», а «Шоссе энтузиастов». Ну не гадина ли? Не жидовская ли рожа?

Гуляю возле «Партизанской», все наперебой предлагают номер в гостинице и девочку. Хлопнул я еще рюмочку, поглядел с уважением на милиционеров (а они на меня – с любовью), выхожу на дорогу, руками машу. Теперь, думаю, точно на маршрутку не сяду, воспользуюсь частным извозом.

Останавливается.

Маршрутка.

– Тебе, – хохочет шофер-грузин (он оказывается с самого начала грузином был, я просто перепутал), – опять до остановки «Школа»?

– Опять, – говорю. – Только теперь уже возле метро «Шоссе энтузиастов».

– Ясное дело, самое модно среди вас, педофиломаньяков, место.

Я и спорить с ним не стал, тем более, что как выяснилось, вторую рюмку я милиционерам в качестве взятки отдал. Милицейский произвол, не иначе. Выхожу. Место и впрямь знакомое. На балконе Уткин стоит, орет что-то матерное. У меня водки подарочной уже на донышке, подарочных рюмок всего одна осталась (три их было в упаковке, потому что я самый дешевый комплект взял – из жадности). Налил я себе остатки, хлопнул. Хлопнул и рюмку оземь (назло), пошел к Уткину с пустой бутылкой и пустою коробкою из-под рюмок.

Такие вот зигзаги судьбы.

ЕВгеНиЙ хАрИТонОВЪ

Фото Александра Павловского

МОРЕ – ЕРМО РОССИИ

море море море море
морем морем морем мор
мореморемореморемо
ремор ремор ремо ре
море море море море
мор ермо ермо ермо

ермо море ермо море

Сентябрь 2010-09-11

ВТОРОЕ ТАСМАНИЙСКОЕ СТИХОТВО-РЕНИЕ

Небо в оды –
Небо воды.
Небо. СВ. Оды.
Небосводы.
Впрочем,
Небо с воды
Не видно.

Март-апрель 2009

МАНТРА №...

Заклинай, заклинай, мальчик-велосипед!
Выдерни волос из носа плакальщиц.
Заклинай! Закипай, мальчик-велосипед!
Заклинай! Закидай их горохом во-о-от так:

СКТ
ТКСС
СКТ
ТКСС
СКТ
ТКСС

И громко колесом упади – пропади на космос.
Как можно громче, смешнее как можно
Упади, накати на лысый, модерном
выкошенный космос:

ЗАА-ЯА-РО-ГО-ЗА!
ЗАА-ЯА-РО-ГО-ЗА!
РО-ГО-ЗА
РО-ГО-РГО
РО-ГО-ЗА-ЙА-РО-ГО-ЗА!
СКТ
ТКСС
СКТ
ТКСС

Только так они будут слышать тебя.
Но все равно посчитают тебя
То ли СКТ
А то и вовсе ТКСС

2009

ТРУС vs TRUTH

TRUTH
TRUTH
TRUTH

ТРУС TRUTH?
TRUTH ТРУС?

TRUTH
TRUTH

THIS ТРУС
THAT TRUTH

ТРУП – ТРУС
ТРУС – ТРУП
THIS TRUTH
TRUTH

TRUTH
TRUTH

THAT PRAVDA
THIS TRUTH

TRUTH
ТРУС
TRUTH
ТРУС
TRUTH
ТРУС
ТРУС
TRUTH
ТРУСTRUHN

как же это
просто на словах!

Март 2008

УМРИ ЗА ЗАУМЬ

Вы ж – риза, ум!
Умри за ум!

умризаум
    выжризаум
умризаум
    вжризаум

выжриум
умризазаумь
выжризаумь
умриум

Октябрь 2009

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ РОССИИ ВЕСНА 2008 (Стихотворение для голоса)

ПУ!!!
ПУ!!!
пу ти ти-ти
пу ти ти-ти
пу ти ти-ти
пу ти ти-ти
пу ти ти-ти||:::::

пути пути пути пути пути
путипутипутипутипутипутипутипути
цыпа-цыпа-цыпа-цыпа-цыпа

ПУ
ТИ
н н н н н н н

пу ти?
н н н н н

пути не не
пути на на
пути не не
пути на на
пути не не
пути на на||::::::

пути н н н н
пу ти
тю ти ту ти фру ти
или
пути – путы?

пути-путы
пути-путы
пути-путы
пути-путы
пути-путы
пути-путы
пути-путы
пути-путы||:::

путы путы
путы ну ты путы ну ты путы ну ты путы ну ты путы ну ты||:

пут пут пут пут пут путпутпутпутпутпутпутпут

Путин – путы?
ну ты! фу ты!
пу!!!
ти
на
не
на
пу ти на не на
пути на не на
пути на не на
пути на не на
пути на не на
пути на не на
пау ти на не на
пау ти ни на
пау ти на не на
пау ти ни на||:::

party party party party
путы путы путы путы

party party party party
нате! нате! нате! нате!

partyпуты partyпуты
partyпуты party ФУ ТЫ!

или
пусты пути
пути пусты?
пусты пути
пути пусты?

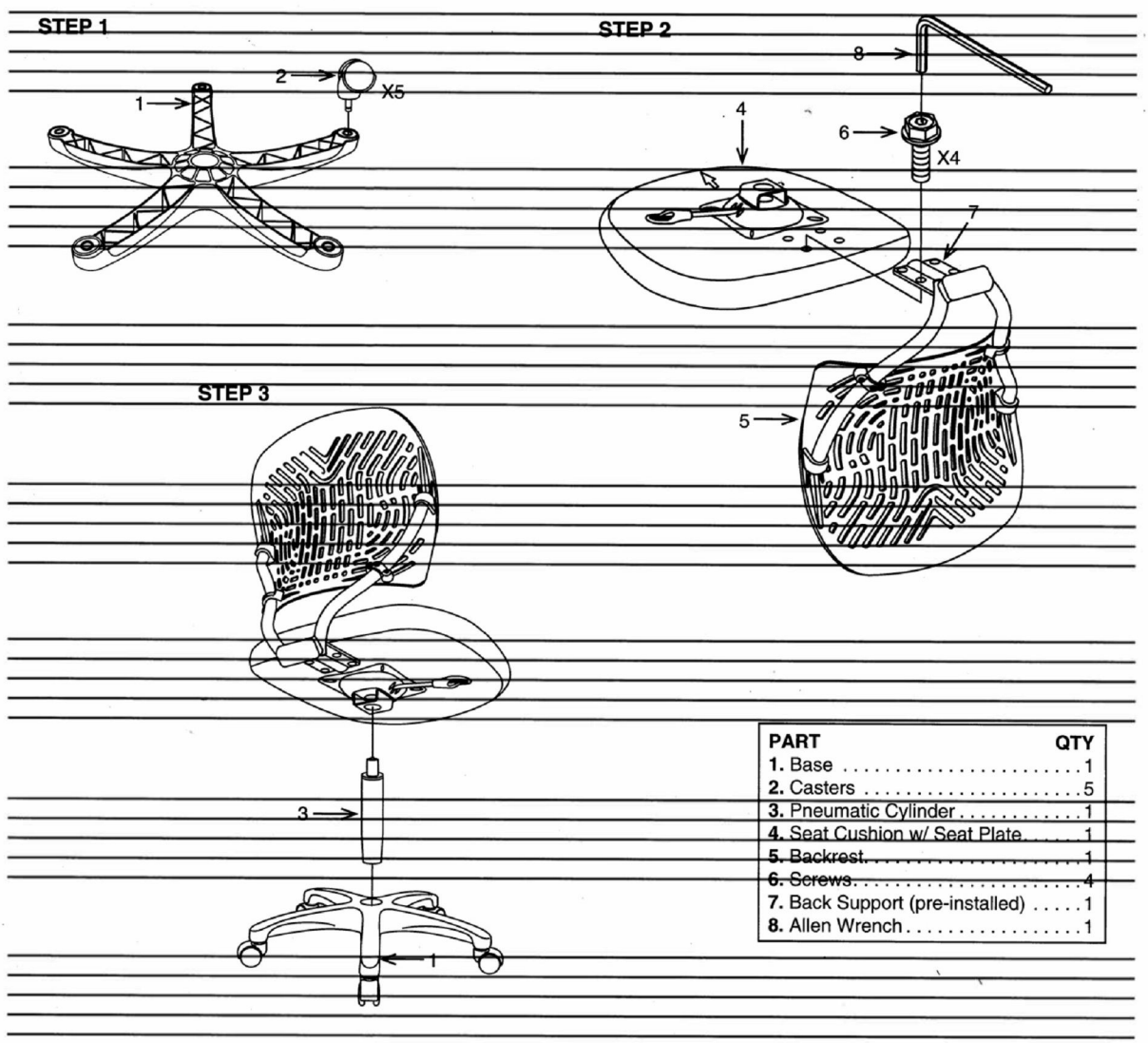
гляди!
медведи на дороге
выходи-ка из берлоги –
поглядим!
ДИМ-ДИРЛИ-ДИРЛИЛИМ-ДРИМ!

Март 2008

COMPOSITION #19 REED ALTEMUS DECEMBER 2010

NEW NEW CHAIR MUSIC/NEW NEW MUSIC CHAIR FOR ALLEN (WRENCH) BUKOFF

GET A CHAIR THAT IS BRAND NEW TO YOU + ASSEMBLE IT + SIT IN IT AND WORK or SIT IN IT AND MEDITATE



PART	QTY
1. Base	1
2. Casters	5
3. Pneumatic Cylinder	1
4. Seat Cushion w/ Seat Plate	1
5. Backrest	1
6. Screws	4
7. Back Support (pre-installed)	1
8. Allen Wrench	1

Remove all parts from carton, separate by part numbers indicated on parts list, and verify part quantities.

STEP 1 Insert five Casters (2) into Base (1), push hard until you feel or hear the Caster (2) snap into place.

STEP 2 Attach Back Support (7) to Seat Cushion w/ Seat Plate (4) using four Screws (6), **FULLY TIGHTEN ALL SCREWS (6) USING ALLEN WRENCH (8).**

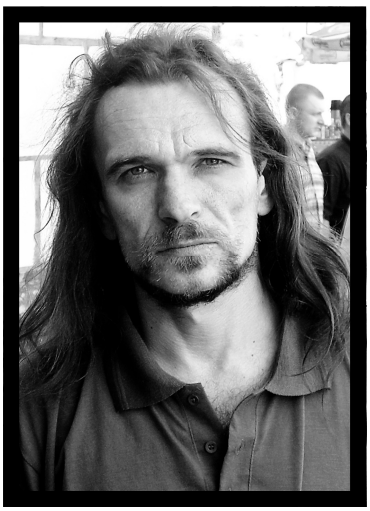
STEP 3 Insert Pneumatic Cylinder (3) into Base (1), place assembled seat on top of Pneumatic Cylinder (3) and apply downward pressure.

ATTENTION: MAKE SURE ALL SCREWS ARE FULLY TIGHTENED BEFORE USING CHAIR

© Office Star Products August 2010

Иллюстрация Рида Альтемуса (США)
Illustration by Reed Altemus

Олесь Ульяненко



Кодекс полета

Перевод *Евгении Чуприной*

Жажда – не вечный двигатель, она утихает слишком быстро. А жажда женщины происходит либо от физических несовершенств, либо от несуразных комплексов, прошитых белыми и красными нитками бытия. Так думал Дуся Парашют.

Этого невысокого человека с широкими плечами, с длинными обезьяньими руками и неподвижным взглядом бабуина видели в городке каждый день. И получилось так, что к нему привыкли быстрее, чем хозяева – к шкодливому коту или пьяница – к бесконечно пустой бутылке водки. Еще в этой истории была Алла с косой до пояса, с белым, как хлеб, лицом и ясными беспутными глазами. Она являлась, как прекрасное видение, в двадцать ноль-ноль, в красном сарафане, шла, покачивая бедрами, распуская облака духов и всякого там флюида. На это и попался Дуся, который еще тогда не назывался Парашютом. А еще в эту историю уперся, как ни крути, Полковник Чомбе, он же Гриша Чомбе. Полковник Чомбе много знал и много видел, и имел привычку раз в месяц, в последнюю пятницу, восседать на колхозной кляче в семейных трусах типа «рогатина о-хо-хо» и в сомбреро. Он проезжал через весь городок с бутылкой вина и прибывал под пивбар аккурат под открытие, поскольку это цирковое действо начиналось в пять утра. Все это происходило в дикой местности среди круч и столетних домов, с пейзажами в духе юрского периода – болота, болота, болота. Кажется, она называлась Зарьям.

Итак, Дуся, который еще не назывался Парашютом, приходил в город – в ритуальном черном пиджаке с белым воротничком рубашки, выложенным поверх него, в скрипучих туфлях «сельпошива». Дуся брился, стригся, шел в баню. Потом с пацанами высаживались на железном заборе, грызли мороженое, секли девиц и красивых женщин. Так они и в тот молочный летний полдень сидели и уминали мороженое – четверо астеников – так называли в городке тех, кто бросил употреблять алкоголь. И тут подул легкий ветер, прошелся по крышам, по лицам парней. И вышла она, Алла, с косой до пояса и в красном сарафане, с белым, как снег, телом. И Дуся свистнул, и сказал: «Вот это птица, ты шоооо!» После этого он пропал, если не в прямом, так в переносном смысле. Алла не сдавалась, Алла не давала, кому попало. Да собственно, Дуся и сам не очень умело к ней приставал. И вот однажды, когда горизонт перегрызал солнце, Полковник Чомбе плелся на кобыле, покачивая широкополым сомбреро, в направлении пивного бара. Он видел все: широкие росистые поля, и полями теми шла в купальнике Алла. Алла верила в целебность росы и каждое утро гуляла и купала в ней свое белое, как хлеб, тело. Мне, десятилетнему, виделось это так: что-то странное спорхнуло с багряных заирских круч, широко раскинув разноцветные крылья, пересекло пламенеющий диск солнца. Оно, это неведомое, трещало и пищало, связанное десятками обычных шнурков для ботинок. Тенью доисторической птицы оно, сшитое из ярких зеленых, синих пододеяльников, трусов, наволочек, пролетело над зелеными и мокрыми от росы лугами. Алла упала и закрыла голову руками, словно во время налета мессершмита из кинохроник о немецкой оккупации. А Полковник Чомбе сказал: «Вот это Дуся дает! Вот это любовь!». Дельтаплан, сшитый из белья, задевая провода свинофермы, разбрасывая искры и дым от электропередач, зарылся в плавни, оставив после себя один лишь запах.

Больше Дусю никто не видел. Алла выехала через год. А уже через много лет, попивая пиво в аэропорту, увидел плакат: «Летайте самолетами аэрофлота» с нарисованным мужиком, который, казалось, даже на рисунке не знал, куда примостить свои гигантские неуклюжие руки.

Оно

Познакомились мы с ней (или с ним?) при довольно смешных и трагических обстоятельствах. Десятинная улица. Крупная женщина оседает в лужу, заваливается на бок. Мне двадцать с лишним. Я еще верю в благородство и джентльменство. И подаю руку помощи.

На этом нас накрывают два мента. Нас притаскивают в «участок». Менты, особенно тот, маленького роста, с ушами чебурашки, верещит: «Ага, пидарюги, попались!» Печень моя гудит от ударов. А тем более голова: в женщине, которую я пытался поднять из лужи, я вижу здоровенного, как английский шкаф, трансвестита.

Нона нашла во мне защитника и финансиста, а в моей жене – надежный слив женской информации. Нона с мундштуком зависает с утра в дырявом гадючнике: «Дарагой, ты куда? – кричит вслед потенциальному партнеру – я еще не кушала». Клиенты – иностранцы и пьяные чиновники, парочка ментов с выражением алкогольного дебилизма на лице. Нона не любит гомиков. Особенно – Борю Моисеева. Она собирает деньги на операцию. Но когда накапливается соответствующая сумма, Паша, ее официальный любовник, бьет Нону смертным боем и забирает деньги.

Нонка демонстративно поворачивается левым боком, чтобы показать мне фигнал, вызвать этим волну жалости и выцыганить пару чашек двойного кофе. А так все в порядке: черная кожаная куртка, юбка-шотландка, розовые колготки, кокетливая, если не сказать жеманная, красная шляпка и похотливый блестящий глаз. И фраза: «Ну да, собрались… тру-ля-ля, я – мамин брат!»

Я беру Ноне стакан густого чекового каберне, и двойной кофе. Нона летает под столом от счастья. Но недолго. Потому что появляется он – ее разбитое сердце, ее ненависть и любовь, ее вечность на том конце дешевого бара. Страсть гудит «о-го-го!», как в Африке. Паша передвигается медленно, он худой, сутулый и высокий. У него желтые глаза кокаиниста, а на лице полностью отражен диагноз: начальный цирроз печени. Паша ревнивец, но он еще хитрый. Поэтому сначала смеривает меня взглядом, а уж тогда дает затрещину Ноне. Нона истерично всхлипывает и приземляется на задницу – довольно демонстративно и неудачно для такого трюка. Паша шипит, он стоит над ней – сама оскорбленная скорбь – засунув руки в карманы. Это добровольная бойня, утвержденная в их правилах: Паша приходит, Паша – мужик, и дает в глаз Нонке, если, конечно, нет свидетелей. Нона падает. Всей тушей девяностосемикилограммового Коли из Василькова.

Вот так мы сидим чистой осенью на киевских холмах. Голод не пускает в прекрасный мир витрин, природы и еще чего-то. Нона плачет о Паше, о деньгах, моя жена прикладывает бодягу ей к очередному синяку, вытирает ей сопли, а я громко матюкаюсь. Потом появляется бутылка красного вина, и мы продолжаем сидеть, чужие друг другу. Тогда и возникла фраза, которую не помню, кто сказал: «Знаешь, что меня заставляет жить? Бездомные собаки. Я гляжу и думаю: вот кому хуже». Нона мечтает, а я не слушаю. Сейчас это просто свихнутый на голову мужик с квадратным лицом и безвольным подбородком, где сквозь тональный крем проступает синяя щетина. Это уже позже такие, как Нона, станут элитой.

Через десять лет мы встретились снова. Нона была в костюме от Валентино и выглядела респектабельным мужчиной с седыми висками. Мы выпили, я, понятно, не обмолвился и словом о его прошлом. Мир действительно сошел с колеи и не мне его выравнивать. Повсюду гуляет и царит ОНО. А за выпивку снова расплачиваюсь я.

ОРЗ

Чтобы умереть, нужно быть если не состоятельным, то хотя бы в состоянии оплатить ритуальные услуги. Такая мысль возникает всегда, когда ты приходишь в районную поликлинику.

Бесплатным бывает не только сыр в мышеловке. Ты получаешь бесплатную смерть – заражаешься от окружающих, от нестерильных инструментов, хамства санитарок, обслуги и т.д. Потому что со времен социализма права человека и собаки здесь абсолютно равны.

Итак, твой знакомый захворал. Ты ведешь его на затонувший корабль иллюзий, как будто попадаешь в гигантскую долговую яму или корабль мертвецов, который сейчас проглотит глобальный мейнстрим. Люди слоняются по поликлинике, кашляют, брызгают, персонал ругается почище сапожников. И вы уходите.

Но ничего не меняется, когда вы приходите в платную клинику. Дело не в докторах, деньгах или еще чем-то – твой знакомый упрямо начинает искать конфликты и трудности. Он просто-таки нарывается, чтобы ему врезали по рогам или выматюкали последними словами. Наконец он утихомиривается, идет в кабак, что напротив церкви и поликлиники, кряхтящей и кашляющей. Он бился над выбором, вчерашний выпускник престижного вуза, сегодняшний бизнесмен, успешный на всю нижнюю губу. Он не понимал, что с ним происходит. Сначала он привлек соматику, потом психологию, но все, во мгновение ока, рассыпалось. Паскудная ментальность советского мужика и новая эпоха

породили невиданный тип человека. Вот тебе!

Подол – такой гадючник, что его обходят даже бомжи. Не вонь или что-то подобное заставляет человека избегать его – он невезучий, как проклятие египетских фараонов. Там есть навороченная кафуха. Когда мне все надоедает, даже свое отражение в зеркале, я прихожу туда и тупо наблюдаю за этим замызганным пятачком человеческой скорби. Однажды два мента притащили туда за ноги несчастного с палкой колбасы. Оба доставали ему до плеча. Несчастный имел все шансы спастись, но десяток пальцев указал милиционерам – он там, он вон там спрятался! Пьяницы, безработные, рабочие, тусующиеся студенты – все ткнули в мужика, укравшего у государства палку колбасы. Дальше нечефго рассказывать – беднягу долго били, колбасу отобрали, а самого потащили в участок.

Ровно через неделю история повторилась, но с точностью до наоборот. От пятака до кабака дорога ведет прямо в Могилянку – все мечты сбываются! А поэтому я застукал там двух прыщавых, читающих Верлена в оригинале. Пьют пиво, грызут таранку и пересыпают воздух фразами а ля Тарантино – этой легенды кинематографа, которая за последний десяток лет тихо материализовалась.

Я пью кофе, разглядываю официантку, а когда поворачиваюсь, то вижу, что прыщавые вундеркинды бьют смертным боем какого-то беднягу. Неподалеку менты с интересом наблюдают картину. Публика реагирует вяло – авитаминоз, похмелье, еще что-то. Детки распаляются, и уже через пятнадцать минут мужик в засаленных штанах заплывает кровью. А потом они продолжают сосать пиво, будто это не кислые помои, а эликсир вечности.

Отсутствие морали – это уже какая-то мораль. Это как вера в чудо, которая тебя оправдывает…

Наконец твой приятель приходит в себя. Он кричит, чтобы его отвели в нормальную клинику, иначе он сдохнет или подаст в суд на государство. Клиника похожа на храм. Здесь уравновешенные, спокойные врачи, которым не страшно рассказать о своих болезнях. И твой товарищ, любитель острых ощущений, постепенно стихает. Он летает по кабинетам, опорожняя свой кошелек. Наконец, деньги заканчиваются, и мы выходим на улицу, под небо, рябое от дождя. Ну, пока.

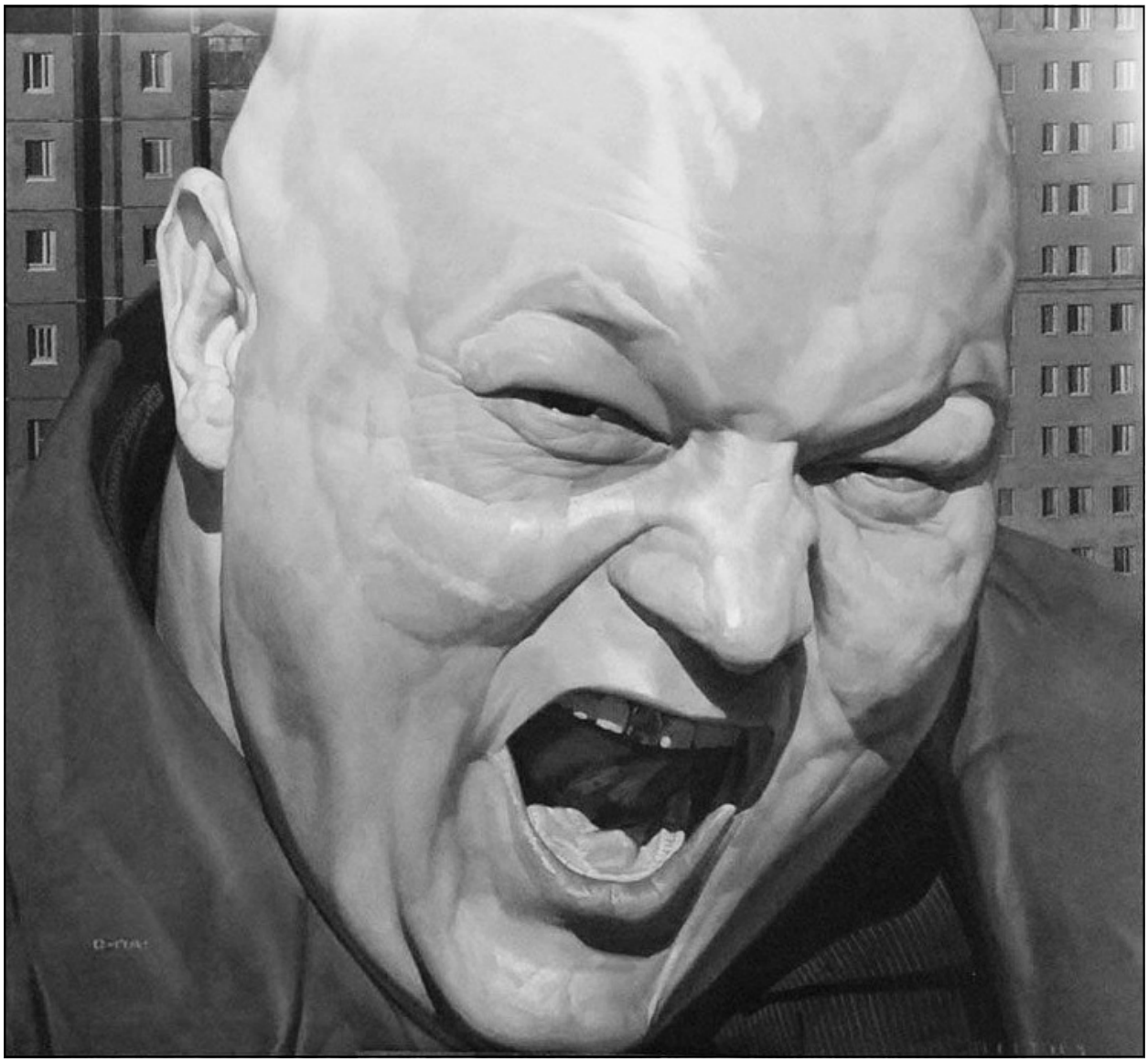


Иллюстрация Игоря Пестов
Illustration by Igor Pestov

Андрей Щербак-Жуков

АПОЛОГИЯ БЕГЕМОТУ (КАРУСЕЛЬ)

Почему-то, отчего-то
Все хотят на бегемота.

Только дед, одетый строго,
Захотел на носорога.

Только дамочка одна
Захотела на слона.

А еще одна - со страху -
Подалась на черепаху.

Парня три, а может два
Согласилися на льва.

И уж не нашлось дебила,
Что б хотел на крокодила...

Плач Кракодила

Кто знал, что будет крокодилом?
Кто знал, что станет страшным львом?
Что будет жить зарывшись илом
Иль с дерева смотреть кругом?

Или, как слон, трубить в саванне?
Как носорог, пугать народ?
И в грудь стучать по-обезьяньи?
И тину мять, как бегемот?

Кто знал, что станет страшным зверем?
Приобретет зубов оскал...
И я не знал, я не верил...
А ты скажи, ты сам-то знал?

ПЛЫВИ, МОЙ КИРПИЧ!

Я опущу свой кирпич, как корабль, на воду.
Я помашу ему вслед и скажу: «Плыви!»
Я подарю ему вместо стены свободу,
Он так устал от стен и хотел любви...

Ой, ты плыви, мой кирпич, мимо мертвого леса,
Мимо бетоном одетых, бескрайних полей!
Ой, ты плыви, мой кирпич, удаляясь от стресса,
И обо мне в своем дальнем краю не жалей!

Ой, ты плыви, мой кирпич, мимо грязных заводов,
Где твои братья покорные в стенах лежат!
Жизнь быстротечна, а ты до рождения продан,
Жизнь бесконечна, а ты не по делу распят...

Грязь – позади! Впереди – золотые просторы!
Рыжий мой парус, смелей к горизонту несись!
Прямо туда, где высокие зори, как взоры,
Небезразличным пожаром окинули высь.

В дальних мирах ты найдешь свое тайное счастье,
Выйдет оно, как коралловый риф к кораблю.
Ты об него разобьешься на мелкие части,
Соединившись опять, ты воскликнешь: «Люблю!»

Все это будет – за лесом, за морем, за краем...
И, завершая свой громкий и радостный спич,
Благословив, я его из руки выпускаю
И повторяю с восторгом: «Плыви, мой кирпич!»

* * *

А на крыше сизый сокол,
А под крышей черный грач,
А над миром всем, высоко –
Ангел, светел и горяч.

Сокол в небе ищет пищу,
У грача она в гробу,
Ангел смотрит, ангел свищет
И трубит в свою трубу…

Он оглянется неспешно,
Он отправится в полет…
Все вперед – спасать нас грешных!
Только, видно, не спасет…

Час придет, и клювом черным
Грач укажет нам маршрут,
И о том пути прискорбном
Перья сокола споют

ВНУТРЕННЯЯ ИНДИЯ (ДЕТСКАЯ МЕДИТАЦИЯ)

Подустав от жизненных фокусов,
Я тихонько сажусь в позу лотоса;
Сижу - выкликаю-кликаю
Я Индию многоликую:
«Приди, со слонами, с коровами,
С йогами вечно здоровыми,
Со специями не в меру,
С Джаважарлалом Неру,
С желтым Гангом, с зелеными кущами,
С мартышками вездесущими,
С песнями Раджа Капура,
С сикхами, зрящими хмуро,
С озерами синими, птичьими,
С храмами неприличными,
С лесом, где – твари по паре,
И с разноцветными сари…»
Посижу и из лотоса встану –
Не достать мне до Индостана…
Но больше уже не кликаю
Я Индию многоликую,
Ведь она уже здесь, а не где-то,
И во мне все ее приметы!
Ни к чему эти глупые клики,
Я теперь, как она, многоликий!

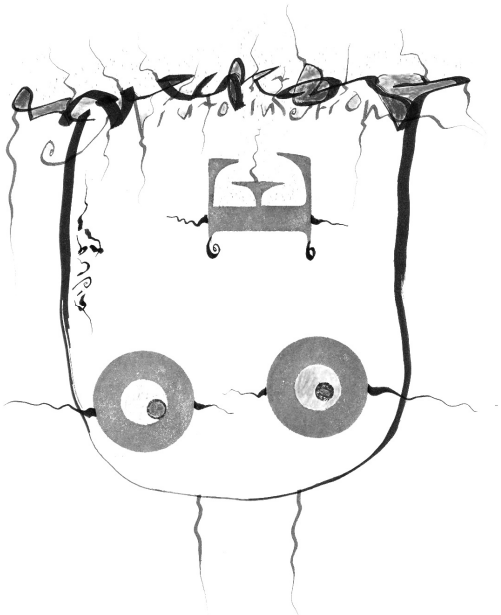


Иллюстрация Джона Беннетта (США)
Illustration by John Bennett

ГОТИКА

Бедный-бедный Полидори
Тихо плакал в коридоре,
С пауками и клопами он делил большое горе.

Не о том скорбел бедняга,
Что ни родины, ни флага,
Что в стране бардак и правит ею злобная ватага.

Не о том точил он слёзы,
Что в морозы гибнут розы,
Что в озерах дохнет рыба, а в горах - козлы и козы.

Он грустил во цвете мая,
Почему, не понимая,
Байрон снова пишет вирши, а его не обнимает.

ТРЕТЬЕ ТРАМВАЙНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ, или ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Приходят трамваи, уходят трамваи,
Гудят самолеты, пыхтят поезда,
Метро равнодушно свой рот разевает,
Да только не сдвинуться нам никогда...
Движения нет ни на небе, ни в море,
Хоть плавают щуки, а утки летят.
По трое рождаются истины в споре -
Рождаются, а умирать не хотят.
Кишат эти истины всюду, как блохи,
Бросаются под ноги, лезут на свет...
А вцелом дела не настолько уж плохи:
Мелькания много - движения нет!
Стоят на бульваре скульптуры и вазы,
И я пополняю их смешанный строй -
По форме похож, одним голубем мазан,
Недвижно-бетонной структуры одной.

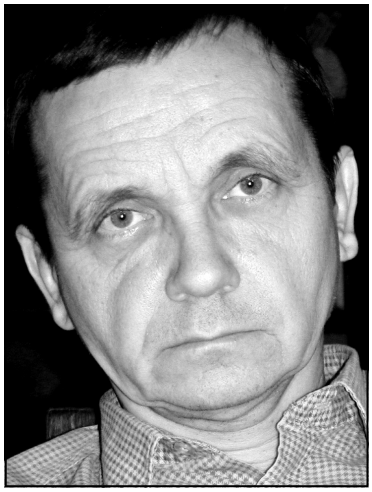
БЕССОНИЦА

Неполадки с головою -
В ней частенько кто-то воет,
В ней частенько кто-то стонет.
То ли волки, то ли кони...
Почему же кони - воют?
Неполадки с головою!

АВТОПОРТРЕТ

Ты видишь мой автопортрет:
Иду в веселье иль в унынье
За той мечтой, которой нет,
За той рукой, которой нет,
За той спиной, которой нет,
Сквозь суету и сумрак синий...
И если это все не бред,
То, раз уж я иду за ними,
Меня, наверно, тоже нет
На этой небольшой картине.

Андрей Бычков



В поисках тьмы

Отрывок из романа

Изо льда восставал Нью-Йорк. Огромный, праздничный, вдохновленный морозом, дышащий кристаллами инея, он был устремлен в синее небо. Солнечное утро, пойманное в параллелепипеды льда, радостно и тихо сияло. Весело скрипели огуречным снегом ботинки, визжали полозья, звенел цокот копыт и вдали, на Уолл Стрит, таял звон колокольчиков. Бабы, нарядные, в енотовых шубах, в красных платках с синими петухами румяно смеялись. Плевали семечки парни, как будто смех их не касался, бренчали на балалайках. Вальдемар, голый, нечаянный, брел босыми ступнями. В волосах его белели снежинки. Изо рта поднимался пар. Босые ступни оставляли по мелкому снегу темно-прозрачные ямки с птичьими дырочками от когтей. Наконец подлетел и журавль, но опуститься не смог, ибо были сломаны длинные ноги его.

Внизу, в самом сердце Нью-Йорка, где тройки, гремя бубенчиками, возникали с горы и обрушивались - визг укутанных медвежьими шкурами, розовые торчащие от мороза лица – возвышался пластиковый изящный гроб. В грани его была вделана гирлянда морозной светящейся радуги. Вокруг стояли бабы и мужики в зимних, подбитых войлоком, валенках. Один из парней – в валенках летних – взял Вальдемара за руку и подвел его ближе. Поднявшись по маленькой лесенке, Вальдемар наклонился. Василиса Ивановна лежала как роза лесов и полей, незабудка тихих речек и перелесков, ромашка гор и озер. Как будто бы даже неподвижно дышала, но… была абсолютно мертва.

Вальдемар завыл, замычал, закашлял частичками инея, стал бить себя в грудь своей наготы.

- Ти муожешь с ней поиграт напаследак, - сказали бабы и мужики. – Повозьит ео. Наш дадит тьебе санки. Но толкэ с одным условий… Ти нэ должэн ие целоват.

Они поклонились ему в пояс и разошлись. Парень, в валенках летних, вывез огромные деревянные сани с загнутым носом, нежно кряхтя вынул тело Василисы Ивановны и осторожно и бережно усадил его на деревянную лавку. Жестом он пригласил в сани и Вальдемара. Тот подошел, кроша снег босыми ступнями, и, поежившись, сел ягодицами на холодные доски.

- Муожешь обниат, нуо туолко нэ целоват, - сказал парень, запрягая сани огромной, смазанной рыбьим жиром, кобылой.

Вальдемар покорно обнял морозное твердое белое… Парень хлестнул, что есть силы кобылу, и кобыла поехала, поплыла, переваливая туда и сюда крупными бедрами. Да все быстрее, быстрее. Наращивая и наращивая ход коротких мохнатых ног. И, наконец, сука, уже бежала, мчалась по Тридцать четвертой Стрит, как собака. Вальдемар вцепился одной рукой в заледенелый труп Василисы Ивановны, а другой - в оглоблю, лишь бы не упасть, лишь бы не ебнуться с деревянной лавки, и так и летел через пургу. Солнце уже клонилось к востоку.

«А почему она мертвая, кстати?» - подумал вдруг он.

Задумавшись, Вальдемар даже на какое-то время забыл о езде, но тут кобыла резко замедлила собачий свой бег и остановилась, как вкопанная, так, что сани едва не въехали в круп, и лишь деревянные слеги их удержали, задирая синюю шерсть до младенческой белизны. Мерзавка захрапела, завернула узду и покосила на Вальдемара кровяными прожилками огромного глаза.

Бронкс, блядь, вокруг был, конечно же, Бронкс. Бревенчатые, низко засевшие по сугробам, избушки. Замерзший журавль колодца. Распятый амбар. Из огородов, стоя в снегу по пояс, глазели коровы. Из-за спинок кроватей и ободранных раскладушек, служивших, очевидно, заборами, нежно поглядывали козы. Бараны надменно и тупо грызли заиндевелое сено.

Страшное искушение охватило вдруг Вальдемара. Как сахарная пудра, было оно.

Вальдемар оглянулся – только избы, козы, коровы, козлы. Бронкс мирно дышал глубокой природой. Солнце стояло в зените заката. Пронизанное мельчайшими иглами льда - как ресницы пушатся лучами

- оно медленно опрокидывалось за океан. Вальдемар вздохнул. Морозный воздух вошел в его легкие, как глоток льда. Ледяное тело Василисы Ивановны облокотилось на Вальдемара. Подул ветерок. Меланхолическая, маленькая слегка желтая рука по кисть выдавалась из-под трепещущей манжетки. Вальдемар взял мраморную руку и… осторожно поцеловал.

***

На льду в синеве отраженного неба засияли зигзаги звезд. Стало тихо, светло и темно. Снег шурша опускался на голову. Избушки неслышно приподнялись из сугробов на своих блестящих стальных корнях. Усеянный снежинками в волосах, Вальдемар вынул из-под сбруи кобыльи коньки. Это были все те же школьные «гаги», низкие и слегка пожелтелые, на ботинках из грубой овечьей кожи. Вторая пара была - «фигурные». Высокий ботиночек, узкий подъем и лезвие с зубчиками на носу. Вальдемар осторожно вставил в них мертвые ноги Василисы Ивановны. Зашнуровал, завязал шнурки. От поцелуя рука ее была уже розовая. Но поцеловать в лицо, в губы Вальдемар все еще не решался. Лед блестел. Парень в валенках летних дочищал края замерзшего озерка железной лопатой.

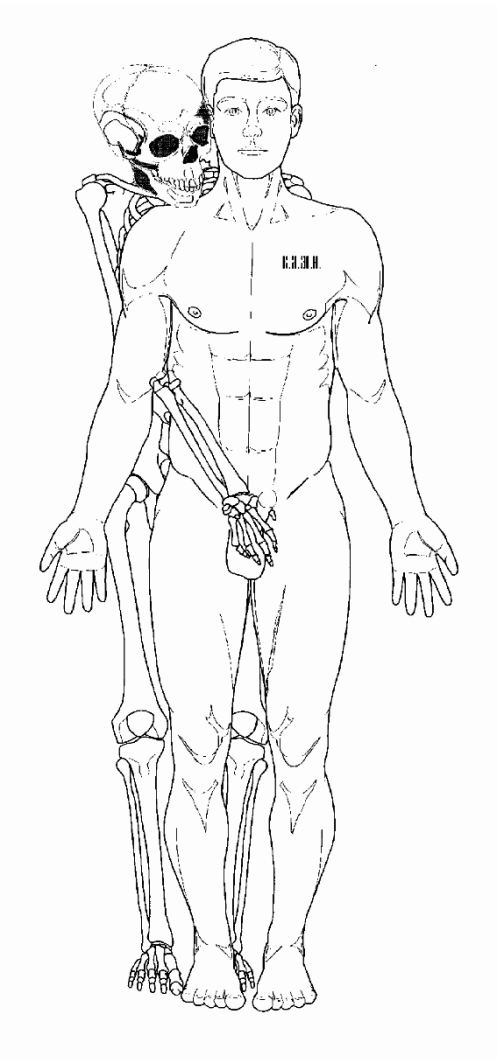


Иллюстрация Эдуарда Кулёмина
Illustration by Edward Kulemin

- Ситё он будеть тансиват зидес сичас с ней паследни таниц смерт, - сладко бормотал он под нос.

Прожужжал огромный зимний, мохнатый, как медведь, шмель. Один из баранов сладострастно полизал замерзшее вымя другого барана и на всякий случай упал возбужденно в обморок. Одна из коров уже удобно устраивалась на раскладушке забора. Один из козлов влез на плечи другому козлу.

Звезды засияли еще ярче. Забил барабан и, разжигая и разжигая нестерпимость мороза, раздалась музыка Шуберта.

Заиндевелыми пальцами Вальдемар торопливо зашнуровывал последний ботинок. Вот – распрямился, вздохнул. И, приподняв Василису Ивановну, вышел на лед.

«Агутего».

«Панкиссо».

Сосать, о сосать ледяное, сосать стеклянную ветку акаций, сосать сиреневый след поездов, кобылку-мочалку, как мылились в душе, шум струй летящей воды, пар, дождь, тонущие корабли, разноцветные кубики и внезапное извлечение, воды выключение, вынимание и - стекание-капанье, мохнатое полотенце, ночь в волосах… Лед был, как алмаз. Вальдемар слегка наклонился и, прижав Василису Ивановну к себе, как ружье, покатил по дуге.

Бронкс замер. Горячее умиление слез зависло над бронхами, защекотало в гортанях, заблестело в глазах. Василиса Ивановна плыла, как хрустальная ваза. Засиял ослепительный пар льда. Мальчик-парень в валенках летних не выдержал и горячо брызнул слезами на лопату железную. А Вальдемар уже низко вел Василису Ивановну в поворот. Музыка напрягалась, перепрыгивала через поляны, шумела дубравами, висела осиными соловьями и выезжала над лесом из-под копыт. Вальдемар присел еще ниже и повел Василису Ивановну совсем низко, едва не задевая за лед.

- Тёдаса, тёдаса, - зашептали бараны.

- О, дяй ням тёдаса низкага, - захрипели коровы. - Тёдася плёского дяй.

Козы молили:

- Тёдаса тени гридусего пира акяций!

Вальдемар повлек Василису Ивановну в тодас. О, низкое чудо - ниже льда! Как переводную картинку, приклеивал и приклеивал он все ниже ее и ниже.

В кончиках глаз заискрились слезинки. Засопели и засморкались коровы. Закряхтели бараны. Солнце выкатило из-за угла и оплавило расцарапанный купол морозного неба. Прошуршал снегопадом невидимый тренер колодца и журавля. И послышался приговор:

- А типэр покази нам поддэржку.

Вальдемар потянул. И длинно, как на удилище, вытянул по распрямляющейся дуге. Яркая, сочная, Василиса Ивановна сошла со льда. Вальдемар мускулисто присел, икры ног его выступили из ботинок, и - осторожно достал. Сила рук шарами заиграла под кожей. Вот подставил снизу ладони. Ваза уже розовела. Вальдемар отрывал ото льда. Весенний Шуберт, бормоча, перепрыгнул через беспечного летнего Шумана. Вальдемар все выше и выше возносил. Лед плавился и скрипел, Вальдемар провора-

чивал его жалом «гагьего». Раскрытая арка ног Василисы Ивановны искрилась над ним, как ледяная звезда. Разжигалась, розовела, звенела.

***

О, свет Москвы лучезарной; о, блистанье троллейбусов; сияние палтуса; надраенных блеск перил; о, светящийся ЦУМ, целующийся в засос; пионеры таджиков в корзинах цветов; рыбий жир витрин; счастье бабушек; счастье дедушек; и браслеты клерков счастливых, купающихся в разноцветных кроватях; грузины глазастые, засоленные груздями в кадках; огурцы семенящиеся армян; помидоры круглолицых литовцев; сладкая казахская бастурма; рахат лукумы азербайджанцев; татарские семечки; а теперь и китайские палочки; а теперь и французский рис; и кальсоны американские…

«Дать им, дать им…» - вспоминая дательный, восторженно прошептал Вальдемар.

Дико забил барабан и фанфары, как бритвы, разрезали слух; голубиной стаей взлетели раковины ушные; паровозным дымом пыхтя, выезжал Спасителя храм; не забыли и Вронского; длинноствольная леденцовая оптика глаз сощурилась и напряглась; взвились знамена; загорелись штандарты; заблестели значки, вымпела полков, и огромные тронулись колеса пушек; между колесами величественно возлежали стволы с черными дырами; следом уже наезжала конница; теснились друг к другу животные потные четырехногие тела; поверх их в седлах подпрыгивали кавалергарды; и уже шли шумные роты лицом в хвосты, наклоняясь, чеканя шаг; шуршали шинели; глухо позвякивали винтовочные замки; и в ножнах жадно повизгивали шашки …

- Наг-го-лэ! – вдруг дико крикнул генералиссимус.

Клинки вспыхнули. Синий морозный свет заиграл. Вновь полоснули фанфары. Кожа бедра, глаз… Пролетел спинной мозг.

Вальдемар искрился, стоял и держал. Узкий хрустальный вход Василисы Ивановны ослепительно сиял над ним.

Музыка смолкла. Огромная чайка накрылась волной тишины. Фанфары захлебнулись. Роты вспотели. Барабаны пошли ко дну. Пушки сглотнули ядра. Кони застыли. Кавалергарды напряглись, что есть сил и… в тишине три раза гортанно прокричал журавль. То был, конечно же, знак. И громко, на всю Красную площадь, зазвучало победное:

- Да здраустуэт наш вьелики Родин!!

Раздались голоса:

- Грейт!!!

- Хур-рро!!

- Хайль!!!

- Сянь!!!

- Да здраустуэт ауа вьелки Раша!

- Урэ-э!!!

- Итэ-эк, - поднял руку генералиссимус и крики стихли. – Май объявляй готовность намба один!

- Даст ист один! – проскандировали полки.

- Тропы - узкий!

- Эсть, узкы!

- Пэрвый, пашел! – закричал генералиссимус.

Урий Гогарин – большой китайский светящийся, в американском водолазном костюме – радостно улыбался. Тутов с Кумаровым заиграли испанский джаз.

Вальдемар откинулся и… пустил.

Пизда Василисы Ивановны – морозная, из свежего снега и льда, заскрипела, как свежая рыба. На задних полках откликнулись поезда. Проводник усмехнулся. Он уже не кашлял, он лишь тихо сморкался в изумрудный платок. Выйдя в тамбур, он повернул перископы. Поезд остановился. Над поездом летела Москва.

А милый сердцу журавль уже откровенно втыкал.

- Когда некто говорит о машинах любви, исследует ли он лицензии смыслов? – восторженно закричал журавль.

- Когда печаль, сфокусированная в линзах звезд, выставляет иерофантов лицом к лицу, не начинает ли некто сморкаться от радости? – отчаянно отвечал ему Вальдемар.

Горб Василисы Ивановны надувался. Горб розовел. Его полупрозрачная почка уже готова была вот-вот раскрыться. Свернутая алая русская лента росла. Вальдемар насаживал и насаживал. Все глубже и глубже. Вот просунулся уже по плечи. А вот – и по пояс…

- Му-урш-шш!! – крикнул генералиссимус.

Брызнули фейерверки, полетели петарды, разноцветными иглами разорвался огромный ракетный шар. Собаки шарахнулись, слоны повалились, завизжали задавленные слонами кроты, засмеялись лисицы, захаркали кровью кролики, и, как ясень, торжественный выплыл олень. Рога его яркие высокие потянулись до звезд, щекотали в подмышках. И одобрительно хихикали и искрились подмышки. Немая абсолютная скорость света – перламутр перламутров, алеф блиц-китов, Шон О'Кейси пустоты – как коронация ангела, выпрыгнула из тамбура. Через открытую дверь широкий воздух ударил навзничь в лицо. И пассажиры задышали глубоко, всей грудью. Родные леса и поля распахнулись пред ними. Низко легко скорость света пошла над рекой. Повернула за рощицу и теперь, на просторе, взяла вертикально, полоснула по глянцевым облакам лицензией смысла и изящной спиралью ввинтилась в глаз.

- Так… - восторженно прошептала Василиса Ивановна. – Так.

- Мак… - выдохнул Вальдемар.

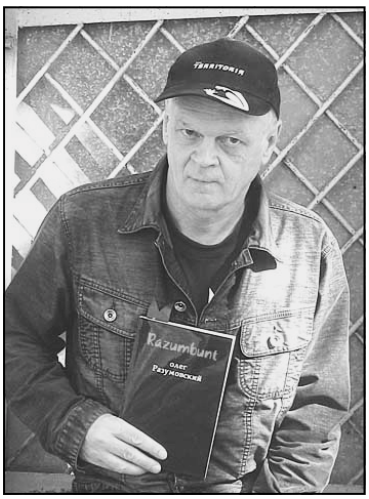
Налетело огромное:

«Дональдс!»

Налетело, замедлилось, но… не взорвалось, а лишь как-то мыльно выдулось. Мозг, нанизанный на бутербродный поток, все же слегка посветлел. Кое-где даже расправились извилины. По глянцевой глади коры заструились кетчуп и сметана. Вальдемар зачмокал и засопел. На солнце искрился проломленный лед. Посередине озера зияла зеленоватая прорубь. Выступившие утробные воды слегка волновались. Вальдемара уже опутывала пуповина. Маленький, голый, он блаженно обсасывал большой палец ноги.

Василиса Ивановна дышала глубоко. Животик получился упругий, приятный на ощупь, с рельефным, как герб, пупком. Горба не было, зато прощупывался Вальдемар. Засыпая от неизмеримого счастья дождя, шелеста и тихого торшерно-кошерного света, Василиса Ивановна рассеянно улыбалась. А Вальдемар… Вальдемар как-то нелепо, вращался. То, мерно тикая, поворачивался горизонтально, а то вдруг со щелчком и с боем вставал вниз головой.

Олег Разумовский



Три топора

Работаю нахуй охранником. Сижу я нахуйблядь в своей будке на верхатуре и зырю блядьнахуй по сторонам блядь. То блядь одним глазом в телек – там ёбанаврот пиздятся, удирают, догоняют, ловят, пытают, линяют, нахуй, стреляют блядь, убивают, членят нахуй…

Вот вижу,нахуй, подходят к забору две местные тётки, нахуйблядь, и тащат ёбана газовую плиту сдавать блядь на металл. Бабы нахуй тут на раёне вабще нахуйблядь интересные – вроде одеты чистенько нахуй и по местной моде блядь, но нахуй рожи до того блядь нахуй испитые, что кажутся нахуй прям нахуй инопланетянками. Какие-то нахуй розовые, жёлтые, голубые, зелёные и оранжевые нахуй ряхи блядь. Кричат нахуйблядь мне, чтоб принимал нахуй железо. Одна ещё кое-как на ногах держится, хотя штормит её неслабо в девять часов нахуй утра, а вторая с фингалами на морде прям падает нахуй после кажного нахуй слова. Почём, мол, блядь нахуй черняшка? Ёбанаврот? Спрашивают. А я не могу нахуй принимать: шеф нахуй в запое, а бухгалтерша блядь, Юлька, собирается рожать нахуй, у неё блядь уже пузо до самых ушей нахуй, и на работу нахуй уже второй нахуй день не выходит и денег блядь нет совсем. Кричу нахуй тёткам, что не могу нахуй блядь принять. Те у меня нахуй спрашивают: а как же нам блядь похмелиться? Нихуя борзость нахуй. Отвечаю ёбанаврот, что нихуя не знаю блядь. Не моё дело нахуй их блядь хмелить. Тогда они вабще блядь нахуй совсем охуевши просят: дай ты нам нахуй тридцать рублей. Откуда нахуй, я им отвечаю. Как будто я нахуй тут мильоны получаю нахуй, еле себе на «Три топора» хватает. Ну нехуя себе блядь заявки.

Нихуя блядь этот который нахуй тока откинулся устроил разборки ёбанаврот и всех нахуй врагов, которые его сдали и подставили замочил из акаэма блядь нахуй… пятнадцать нахуй трупов…

А эти бабы нахуй местные ну блядь борзые… Тут ещё один водила работал, недавно из Чечни нахуй, Санька нахуй. Пару недель проработал нахуй и ушёл в запой. Только нахуй Юльке позвонил нахуй, что отравился консервами, а ночью, часа блядь в два, приходит нахуй и кричит мне ёбанаврот такой весь расстегнутый и растрёпанный, мол, блядь нахуй дай мне, орёт нахуй, тридцать нахуй рублей. У него нахуй жёнка помёрла от водки нахуй, и он теперь по всему раёну бродит и ищет нахуй на вино «Три топора», которое тут в кажном ларьке продаётся. И днём нахуй и ночью блядь. Не дал нихуя нахуй, потому что блядьнахуй им тока раз нахуй дай, они потом будут приходить просить нахуй и днём и нахуй ночью. Что я блядь нахуй их блядскую натуру нахуй не знаю чтоли блядь?

Тут, кстати, нахуй в будке столько всякой старой одежды и нахуй обуви осталось ёбанаврот от работяг, которые блядь ушли в запой нахуй и больше нихуя не вернулись нахуй, что можно пол города бичей одеть нахуй. А хули вынести на улицу и устроить нахуй сэкондхэнд бля все вещи нахуй по пятёрке. Тоже нахуй мысль. «Три топора» щас тридцатник нахуй стоит.

… ну, нехуя себе блядь этот ментяра бандюков захуячил.. крутняк нахуй…

Часам к одиннадцати пришёл нахуй водила Виталик, который вместо этого Саньки нахуй, который нахуй в Чечне нахуй воевал, а поэтому нахуй как шеф блядь говорит, непредсказуемый, и рассказал, что возле танка, где нахуй блядь стоят нахуй минетчицы да ещё нахуй недавно нахуй упал самолёт блядь и все пассажиры нахуй погибли,(потом нам оттуда железа нанесли ужас много блядь) джип нахуй чероки сбил проститутку, которая блядь переходила нахуй дорогу. Сама баба отлетела нахуй метров на двадцать, а туфли блядь остались на асфальте нахуй. Я нахуй предположил, что это нахуй какой-то нахуй чел блядь шкуре отомстил за то, что плохо отсосала или заразила его нахуй. Виталик нахуй согласился и добавил, что на бампере большая вмятина нахуй осталась, так как гнал мужик на большой скорости блядь.

…. И тут нахуй эту блядь девку в пизду похитили и требуют выкуп, а она блядьнахуй перегрызла верёвки и этих придурков нахуй из их же автомата…

Тока мы нахуй с Виталиком кофе нахуй попили, поднимается в будку нахуй Михалыч. А ёбана нахуй. Давненько мы его не видели. Весь побитый нахуй, исхудавший блядь. И рука нахуй порезана. Оказалось, что он пьяный в стекло битое нахуй рухнул мудила блядь. Ну нахуй мужик блянахуй полгода в запое нахуй был и шеф ему нахуй так и не заплатил ёбана, а теперь блядь и сам в запой ушёл. Михалыч нахуй взял «Три топора» с горя и нахуярился нахуй, чуть живой уже.

Дёма, который часов нахуй в пять утра припёрся,

потому что нахуй девку нахуй сюды куда-то в раён ночью провожал, рассказал, что шеф ёбанаврот у себя в доме в деревне Сенная бухает нахуй с Индейцем. Ему Индеец второй этаж делает для бильярдной нахуй. Они уже двадцать бутылок «Три топора» выпили нахуй и блядь заказали нахуй шлюху по вызову. И девка у шефа уже вторые сутки зависает нахуй и уезжать нахуй не собирается блядь. А хуй, денег у шефа немерено нахуй, он меньше сорока тыщ за запой блядьнахуй не пропивает.

… во блядь оборотни скока ментов положили, но после и до них нахуй добрались…

Дёма нахуй допил вино нахуй «Три топора» блядь, которое со вчерашнего стояло, потому что уже тут никто нахуй не мог пить, и пошёл спать к собаке Титану. С ним, говорит, как-то теплее. А то он за ночь пока девку провожал замёрз очень да ещё ему акамулятор на ногу нахуй упал при погрузке. А если что, у Дёмы с собой завсегда ттэшник на всякий случай. Собака этот нахуй, кстати, что-то совсем плохой стал в последнее время, всё больше лежит нахуй и всё ему блядь похую. Или бегает вот-вот цепь сорвёт и лает как ебанутый. Они собаки блядь непредсказуемые нахуй, я лично их блядь опасаюсь.

Тут по телику показывали нахуй вчера, как собака одну бабу блядь съела, потому что та блядьнахуй за пьянкой перестала её кормить. Конечно нахуй никто ж Титана не кормит, все бухают по-чёрному, а этой кавказской овчарке жратвы надо дай да нахуй дай. Я сам блядьнахуй боюсь как бы она нахуй меня бля не съела. (Шучу нахуй, хотя нахуй какие там шутки).

… Нихуясебе нахуй. Этот мент, который с бандитами связан пошёл в сауну, а ему там кауфилина подлили в вискарь и положили нахуй в парилку, и он блядь сдох ментяра, потому что он нахуй бандюкам ненужный нахуй стал…

Михалыч нахуй от кофе отказался. Говорит, что врач нахуй запретил, мол, нахуй на сердце блядь плохо влияет. Как будто «Три топора» хорошо нахуй на сердце влияет. Гы-гы-гы. Даже Виталик нахуй засмеялся. Он нахуй таджик наполовину и мужик нахуй серьёзный. Хочет нахуй свой бизнис открывать, но блядь как только денег насбирает, сразу все нахуй пропивает.

Так что, ёбанаврот, делать будем, Михалыч нахуй спрашивает, и сам же нахуй отвечает, что раз шефа нет нихуя, то надо опять пить. Вот как раз и Лёха-грузчик пришёл из Лаваша с тремя блядь «Тремя нахуй топорами». Мы выпили нахуй и начали разговаривать. Я рассказал как вчера с Андрюхой нахуй одели «Три топора» пять штук, потом ещё баклажку Жиги и после мы ещё подкурили травы и нахуй пошли в парк на русские горки ну блядь ужасы там я ебу нахуй.

Михалыч тему открыл про Гитлера нахуй, почему он нахуй усы не брил нахуй, а потому что боялся нахуй страшно порезаться. Виталик ругался насчёт шефа нахуй, что тот постоянно наябывает нахуй на деньги, и что он скоро отсюда съебёт нахуй на другую работу или своё дело откроет, а Лёха (он злой пацан) после второго стакана на Михалыча нахуй наехал из-за того что тот, когда в Курск ездили на КамАЗе сдавать акамуляторы, ему всю дорогу спать не давал своей пиздёжью, а потом облевал всю кабинку и обоссался в оконцовке. Михалыч, правда, и у меня в будке сколько раз отключался нахуй. Тогда нахуй не знаешь, то ли железо охранять, то ли за Михалычем смотреть, чтоб он не обоссался. Зачем мне здесь в коморке вонь блядьнахуй?

Так мы нахуй пиздоболили, пока голодный Титан нахуй не оторвался и стал бегать по двору, а мы начали его нахуй блядь ловить.

Иллюстрация Эдуарда Кулёмина
Illustration by Edward Kulemin

Александр Моцар

Опять об Гоголя

Иллюстрации *Вилли Мельникова*
Illustrations by Willy Melnikov

1
Все мы вышли из коммуналки Хармса
В которой висела шинель Гоголя
В шинели Хармс сочинял рассказы
Стихи сочинял совершенно голым

Голый и совершенный сидел за столом он
Залитый лунным светом
И выводил на листе бумаги пером
Своих современников стихотворные портреты

Потом одевал шинель Гоголя
Чтобы быть выше
под задницу подкладывал том Пушкина
Делался очень грустным и строгим
От того что из окон вываливаются насмерть старушки

Такова технология написания текстов Хармса
Даниила Ивановича
Это вам не то что сочинять всякое дерьмо вроде стансов
В стиле Гумилева Николая Степановича

А что до коммуналки с протекающей крышей
Из которой исчез Хармс в августе 1941 года
Скажу так: «нахрена мы из нее вышли
Если обратно войти не можем»

24.03.2009

2
Тень от памятника Гоголю - памятник Хармсу.
Так утверждают те, у кого открыт третий глаз.
Так говорил Заратустра по кличке Поприщин.
И еще несколько сот человек, у кого до пупа бородищи.

В общем, это не тайна, об этом многие знают.
Они подходят к памятнику Гоголя и, цветы возлагают
Даниилу Хармсу, а прохожие думают Николаю Гоголю.
А потом возложившие влипают в очередную историю.

В одну из тех, что когда-то придумал Хармс Даниил.
Автор этих строк не одну из них в жизнь воплотил.

4. 02. 2009

3
Однажды несколько героев Хармса
Стали между собою больно драться.
Один из них был Иван Иваныч.
Другой Иван Степаныч.
Третий Иван Петрович.
И еще один, по фамилии Иванов, без имени и отчества.

Как так?
Так как!

Быть героем Хармса
Крайне неприятно и даже опасно.

22.08.2009

4
Хармс подымает телефонную трубку
В трубке жужжит муха
- Ало. – Говорит Хармс
В трубке жужжит муха
- Говорите. – Раздраженно говорит Хармс
В трубке жужжит муха
- Черт бы вас побрал. – Кричит Хармс
В трубке жужжит муха

Хармс бросает телефонную трубку
В которой жужжит муха
Ложится на диван и
Просыпается

Муха жужжит в моей телефонной трубке

05.03.2010

5
…впрочем, меня это несильно расстроило.
Не отвлекаясь на пустяки, я продекламировал:

Ювачев ходил по тюрьме
Дискутируя сам с собой

На овальной его голове
Треугольный как будто рот
В позе лотос сидел Мейерхольд

Хармс рассмеялся:

- Рот?..
Треугольный?..
Но почему?..
Прости, где ты взял эту галиматью?

Я пояснил:

- Текст был зашит в брюхо
только что пойманной мною рыбы.

- Знаю я эту рыбу. – Ответил Даниил Иванович.
- Знакомая натура. Скользкая.

Вообще-то, – Продолжил он. – Как бы тебе… смотри:

- Мейерхольд это треуголка Наполеона,
которую носил капитан Копейкин, после известных событий,
к сожалению, не до конца описанных Гоголем.

(Клубы белого табачного дыма выпущенного Хармсом слились с лиловым грозовым облаком).

- Треуголка должна была находится внутри головы Копейкина.
Вернее, - Хармс замялся. – Она постепенно появилось в его голове.

Как песочные часы. – Понимаешь?
Песок падая образует треугольник. Вот.

(Хармс сложил ладони «домиком»,
иллюстрируя таким образом сказанное).

- Вовнутрь головы капитана
песчинка за песчинкой
просачивается то,
что мы называем озарением.
А именно
четкое понимание того
что он русский капитан
никто иной как Император Франции.

Так что текст, который у тебя в руках,
нужно произносить так:

Капитан ходил во тьме
Не догадываясь не о чем
Но в овальной его голове
Треугольный как будто мозг
Мейерхольда. Рос страшный Нос

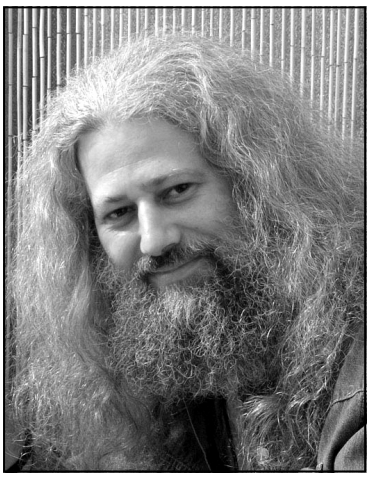
- Надеюсь про Нос объяснять не надо? – весело сказал Хармс
- Нет, я понял. Скажите, почему из этой затеи ничего не вышло.
- Ничего? Разве ничего не произошло?

Хармс огляделся

Слева разразился аплодисментами дождь.

22. 12. 2009

Дмитрий Гайдук



Про регулярную шизофрению

Ну, это, значит, такая тема, регулярная шизофрения. Это, допустим, Валера, он программист, у него зарплата с тремя нулями и двумя цифрами спереди, и всё это в зелени. Другой бы на эти бабки я не знаю как упаковался бы, а у Валеры в квартире даже компьютера нету, только ноутбук. И мебели нету, одни картонные коробки и диван позорный. И телефона нету. И телевизора нету. И холодильник советский. А всё потому что это. Регулярная шизофрения.

Есть у него зато большой железный шкаф, в стену вмурованный, под обои замаскированный, менты с металлоискателем за три дня не найдут. Другой бы в таком шкафу ганджубас выращивал бы, но у Валеры всё не как у людей. То есть, в пятницу вечером открывает он этот шкаф и складывает туда все свои нужные вещи. И ноут, и мобилу, и флэшку, и бумажник, и все свои диски, и все нормальные шмотки, и даже посуду с кухни приносит и прячет, и на кодовый замок запирает. Но это всё нормально, это он знает что делает. Он же если в пятницу всё не спрячет, у него в понедельник вообще ничего не будет. Потому что в субботу-воскресенье он совсем другой человек, и зовут его Вася-матрос.

А Вася-матрос просыпается всегда с бодуна. Не важно, бухал он вечером или нет, всё равно с утра он совсем больной и ему надо поправиться. И вот он начинает шариться по карманам и сразу находит сто рублей, которые ему Валера с вечера оставил. И понимает, что жизнь удалась.

И вот он щемится к ларьку и тарится стрёмным пойлом. А там на лавочке дружбаны, тоже матросы по жизни, а впереди весёлое море, а сзади попутный ветер, и к вечеру уже такой шторм, что просто ураган! А в воскресенье вся команда просыпается в Васиной квартире, общими усилиями находит вторую сотку, которую хитрый Валера в другом месте заначил – и опаньки! Поплыли дальше.

А в понедельник просыпается Валера-программист, и все матросы, с воскресенья зависшие, дружно вылетают за дверь. Самое большее пятнадцать минут на это уходит, Валера уже натренировался. Потом он открывает сейф, достаёт косяк, поправляет голову, бреется, моется, одевается и идёт на работу. А на работе никто и не знает, что он Вася-матрос, там его реально уважают и ценят, и то что он никогда на пьянки не остаётся, так это ему даже в плюс. Считается солидный человек, только немного замкнутый.

И вот Валера всю неделю программы пишет, а в субботу он снова Вася-матрос. И не сказать, что это его сильно напрягает, он уже привык. Врубился, что программа у него такая. В принципе, не самая стрёмная программа: вот был бы он, допустим, Вася-пидорас… Но он же не пидорас, он же матрос, и проблем от него почти никаких. По большому счёту, только две проблемы, которые, кстати, и у нормальных людей бывают, не только у шизофреников. Вот такие, значит, проблемы, первая и вторая.

Первая проблема с подругами. Сколько их не убеждай, что в субботу ты будешь Вася-матрос, они же всё равно не верят и всё равно норовят на субботу остаться. А в субботу море впечатлений на всю оставшуюся жизнь, и потом, конечно, прощай, Валера, вот я и узнала, какой ты на самом деле. И хрен ты её переубедишь, она уже всё для себя поняла.

Можно, конечно, Васиными подругами пользоваться, они же в понедельник никуда не убегают. От них же наоборот, ещё попробуй отвяжись, они такие прилипчивые, такие общительные, и поебаться всегда готовы. Но это надо сильно много выпить, чтобы так над собой надругаться. Вася и сам поутру смотреть на них не может, пинками из квартиры выгоняет, еле сдерживая рвотные позывы. Кстати, с Валериными подругами он гораздо вежливее, поначалу даже почти без мата. Но это всё до первой банки джин-тоника.

Вот такая первая проблема. А вторая проблема уже чисто для тех, кто понимает. Некоторые, например, раз в неделю бреются, им эту проблему ни за что не понять. А Валера такого типа человек, что если он два дня не побреется, то на третье утро у него щетина железная, как у лежалого покойника, и скоблить её приходится со слезами на глазах, пе-

риодически приговаривая: блять! ёптваюмать! и тому подобные выражения. Васе-то бриться некогда, у него жизнь насыщенная, вот и приходится Валере за него страдать.

И вот однажды в понедельник подумал Валера: а на хера мне бриться? Пусть себе борода растёт, подумал Валера и бриться перестал, и стало у него одной проблемой меньше.

Вася-матрос эту тему где-то через полгода просёк, когда дружбаны его пиздой-под-носом задразнили. Тогда Вася встал в боевую стойку и сказал им: ша! Это Моя Борода. Кому не нравится, дружно идут на хуй! А дружбаны сказали: ишь, какой борзый! Сам иди на хуй! И по итогу обломался Вася на тот ларёк ходить, а стал ходить в другую сторону, где винно-водочный магазин.

А в магазине матросы не тусуются, туда всё больше капитаны заходят, или на крайняк мичмана, и бородатость у них почти как норма жизни. Вася-матрос с ними закорешился, влился в ихнюю компанию и стал по ихним понятиям жить. То есть, не нажирался уже как раньше и пойло всякое не жрал, перешёл на водку, а в иной день даже просто пива накатит бутылки три-четыре, и вполне ему хватает.

Валера-программист эту перемену сразу на себе почувствовал: пробуждаться после выходных стьало как-то легче и даже приятнее. А тут и лето пришло, и начались у Валеры в жизни разные сюрпризы. То он у кого-то на даче проснётся, то в лесу на рыбалке, то на турбазе, а один раз даже на яхте посреди Волги! Капитаны-то летом в городе не киснут – ну, и Вася-матрос за ними тянется. Так Валера со многими интересными людьми познакомился. А однажды обнаружил он в своей постели –

– ну, в общем, просыпается он однажды в понедельник, а рядом с ним лежит Вполне Приличная Девушка! Он ей: девушка, меня зовут Валера-программист, разрешите с вами познакомиться. А она ему: знакомьтесь, чего уж там, я Катя-студентка. Он тогда ей говорит: а как же это вы, Катя-студентка, к Васе-матросу попали? А она ему: а хуй его знает, уважаемый Валера. Я ведь по выходным себя не помню, по выходным я Сонька-буфетчица. Это типа болезнь такая, называется регулярная шизофрения.

Так вот хорошие люди и нашли друг друга. И стали жить вчетвером в однокомнатной квартире: Валера с Катей и Сонька с Васей. Прибарахлились, мебелей накупили, телевизор поставили, кошака завели, и уже о размножении подумывать начали, но Сонька-буфетчица всё испортила. Она ведь по жизни неуёмная была, ревновала своего Василия к каждому столбу; а Катя-студентка как нарочно то трусы свои в ванной на сушилке забудет, то помаду на полке оставит, а то и вовсе Сонькиными прокладками воспользуется, это ж какая женщина такое стерпит? Так что теперь суббота для Васи-матроса начиналась не с опохмелки, а с безобразного скандала с тупыми предъявами, воплями, слезами, истериками и прочими семейными приколами. Потом они, конечно, мирились и любились, но по ходу у Соньки ещё одна мулечка появилась. Типа, борода твоя достала, ты с ней на старика похож – короче, если ты меня любишь, то бороду сбрей. И это была уже тема на всё воскресенье.

И вот случилось то, что должно было случиться. Как завела однажды Сонька про бороду, стукнул Вася-матрос по столу кулаком и сказал: Завали ебальник! Я тебя ни хуя не люблю, я тебя вобще презираю, забирай, блядь, свои шмотки и уёбывай отсюда на хуй!

Сонька на него поглядела, плечами пожала и пошла собирать чемоданы. А Вася на нее поглядел, пошёл в ванную и бороду сбрил. И как только он себя без бороды увидел – тут же понял, что на самом деле он не Вася-матрос. И не Валера-программист. И не Катя-студентка, и не Сонька-буфетчица даже. А на самом деле он Серёжа-растаман, который пятнадцать минут назад добил свою пяточку, выдохнул, прокашлялся и о жизни задумался.

Да, вот так-то оно бывает. Замечтался Серёжа-растаман, как оно круто было бы на программиста выучиться, и не заметил, как снесло его в регулярную шизофрению, семнадцать раз перевернуло и обратно вынесло. И улыбнулся Серёжа и подумал: гы! И представил реально себя с бородой, как это было бы прикольно – и опять поволокло его и завертело, и накрутило таких вензелей и загогулин, что хватило бы на целый роман в десяти томах, если бы всё это можно было бы записать. Или хотя бы частично запомнить.

Про министров

Вот, короче, собрались министры на заседание. Забили себе трубочку, пустили по кругу и начали обсуждать очень важный вопрос: на что ихня страна похожа. В смысле, на карте на что она похожа. Один говорит: на собаку, другой говорит: а мне, так вроде на тюленя. А третий говорит: на корову, только без рогов, и без ног, и морда вроде не коровья -- короче, даже больше бегемот, ну, я не знаю... Но это даже не дискуссия, а просто так, по-доброму, сидят взрослые мужики в галстуках и обсуждают, на что ихня страна похожа. В смысле, на карте, конечно.

Но тут за дверями возникает какой-то диссонанс: топот, крики, матюки -- и в зал заседаний заваливают трое силовых министров. Пьяные -- не то слово. Вобще никакие, но на ногах держатся, руками размахивают, матюкаются, на пол харкают и требуют денег. Типа, им опять не хватает. Премьер-министр достает из кармана десять баксов и говорит: мужики, это всё, что у нас на кассе. Но силовые министры -- ну, короче, для них эти десять баксов как личное оскорбление. Они типа продолжают качать права, они говорят, что им надо минимум пятьдесят, бо иначе они сейчас кого-то убьют или серьезно попортят.

Вот такая напряжная ситуация. И тогда премьер

говорит своим министрам: пацаны, ну, вы сами видите. Надо срочно где-то денег вырубить, а то ведь в натуре. И все министры начинают соображать, где бы денег вырубить, потому что ну короче.

Министр финансов говорит: а давайте нашу национальную валюту на фиг отменим, и никакой компенсации за нее давать не будем. А оставим в стране одни баксы. Прикиньте, чуваки, как мы сразу подымемся! Это же, блин, жаль калькулятора нет, а то бы я сейчас посчитал, сколько это будет, но я даже сейчас чувствую, что это будет очень до фига. В смысле, бабок. Очень до фига будет.

А премьер ему говорит: ну, а дальше что? Ну, срубим мы сейчас капусту, за неделю ее пропьем-проторчим, а дальше что делать? Как мы потом с курсом доллара мухлевать будем? ты подумал? Министр финансов говорит: ну... Есть разные способы... -- но по лицу видно, что он ни фига не знает, как с курсом доллара мухлевать, когда кругом одни сплошные доллары. И тема его угасает как бычок в писсуаре.

Тогда министр путей сообщения говорит: о! У меня есть очень клевая тема. Давайте в метро вдоль всех тоннелей прокопаем пешеходные дорожки. Там торговые места можно будет в аренду сдавать -- это первые бабки; а потом, по ночам, когда поезда не ходят, можно будет людей все равно в метро пускать, чтобы пешком ходили, и вот вам вторые бабки. А потом, там же, под землею, все время ночь, так потом можно будет круглосуточный ночной режим устроить, чтобы все пешком ходили, с фонариками, а поезда в Москву продать, или туркам на металлолом, и вот вам третьи бабки.

Премьер-министр говорит: круто, конечно. Не, в натуре, круто. На нобелевскую премию тянет. А еще там можно будет прокат велосипедов устроить, от станции до станции, и это прикинь, какая экономия энергии! Но...

И все сразу понимают, какое тут Но. Ясно ведь, что такие пешеходные дорожки за бесплатно никто копать не будет. А с десятью баксами на кармане такое дело, конечно же, не подымешь. И тема с пешеходным метрополитеном, несмотря на всю ее привлекательность -- а клевая, кстати, тема! Но трудно, конечно - так что, пацаны, придумайте, пожалуйста, что-нибудь пополегче.

Ага. Тогда министр иностранных дел говорит: а давайте с Германией странами поменяемся. С доплатой, понятное дело: у нас же страна побольше будет. Вот вам сразу и бабки, месяц гулять можно. А премьер ему говорит: оно, конечно, хорошо бы, но только кто с немцами договариваться будет? Они же по-нашему не понимают, а только по-немецкому, а ты вот, например, по-немецкому умеешь? Зуб даю, что не умеешь. Тут иностранный министр замялся слегка и говорит: а где такое написано, что я по-немецки уметь должен? Я, между прочим, и по-английски не умею, и по-нашему с трудом, но зато смотрите, какой я клевый пацан, не то что всякие ботаники очкастые. По десять языков знают, а устроиться в жизни... не умеют, в общем, устроиться. А я бы, если б по-немецки умел, то я бы тут не сидел, наверно, а перегонял бы машины с Германии, или даже вобще бы там работать устроился, и жил бы, между прочим, гораздо лучше... Тут все министры на него как наехали: ну, ты, не гони, короче, как будто ты здесь херово живешь -- а он говорит: не. Я здесь не херово живу, но хочется, понимаете, чего-то большого и светлого, в смысле зарплаты и вобще, а его все нет и нет, а ведь уже под пятьдесят, и вся жизнь, считай, прошла, и что я в этой жизни видел?

Тут всем на минуточку становится грустно, бо ситуация у всех почти одна и та же, даже у премьер-министра. Но премьер, он ведь недаром премьер. Он достает ватру с фильтром, закуривает и говорит: так. Какие будут еще предложения?

Тогда министр сельского хозяйства говорит: а давайте сахарную свеклу запретим. Все тогда сразу: ты что? умом поехал? сахарная свекла - это ж наша национальна гордисть, у на и герб державный под нее, родимую, заточен. А минсельхоз говорит: парни, не гоните, а лучше подумайте. Вот, не был мак запрещен, так продавали его на базаре по десять копеек пучок. А теперь мы взяли запретили -- и какой подъем в цене имеем! Так то ж мак, его у нас пока что не все любят, а сахарная свекла -- это и самогон, и сахар, и свиноводство, и еще до фига всего. И вот, прикиньте, запретим ее на фиг -- и сразу будет минимум десятикратный подъем, причем не на один день, а вобще на все время!

Премьер подумал и говорит: ну, хорошо. А кто, кроме тебя, с этого подъема что-нибудь поимеет? Ты ж, короче, я тебя знаю -- ты ж без утюга ни с кем не поделишься, даже со мной. Минсельхоз говорит: ну, ты погнал. Как будто я с тобой не делюсь. А премьер ему: не как будто, а точно. Я тут этим мудакам пьяным последнюю десятку отдать готов, а у тебя, между прочим, два стольника зеленых на кармане, а ты сидишь молчишь, и еще у меня ватру стреляешь! Тут минсельхоз начинает возмущенно доказывать, что, мол, нет у него ни копейки, на стул вылазит, карманы выворачивать начинает, бумажник вытряхивает -- но премьер все это шоу до конца отслеживает, без никакой реакции, а потом говорит: а теперь в носках посмотри.

Дальше следует вторая порция громких возмущений, но в носки минсельхоз почему-то не лезет. Впрочем, премьер и не настаивает: они же друзья, зачем друзей отак грубо разводить. Премьер просто спрашивает: ну, пацаны, какие еще предложения?

Но никаких предложений больше нет. И только министр образования сидит и загадочно улыбается. А потом говорит: а давайте введем в наших школах шестнадцатибалльную систему!

От такой заявы все министры на минутку попадают в полную непонятку. Потом начинаются расспросы: в смысле, а что это нам даст в смысле бабок? Министр образования глубоко задумывается и говорит: ну, в смысле бабок ничего не даст. Но по приколу.

Во! И они все точно так же заржали. И от этой ржачки трое синих силовиков, которые как раз закуняли слегонца -- так вот, они все трое проснулись и глаза вылупили: с чего это, мол, все пацаны смеются? А премьер поднимается и говорит им: ну, вот. Короче, обсудили мы ваш вопрос и решили, что денег нет и не будет. Вы лучше, чем вот это своих разводить, так вы лучше на улицу сходите, у народа настреляйте. Бо у народа бабки явно есть, а то б с чего бы они там каждый день чего-то жрали?

И вот силовики дружно подрываются и покидают зал заседаний, а премьер забивает новую трубку и запускает ее по кругу. А потом говорит министру образования: ну, шестнадцать баллов -- это сильно как-то до фига, а двенадцатибалльную систему мы реально введем. Потому что, в натуре, по приколу.

иГОрь лЁвШин

Иллюстрации *Сату Кайкконен (Финляндия)*
Illustrations by *Satu Kaikkonen*

БРЮХО

Ксюша, княжна Замкадья
(Сестра Аркадия)
Не бывала в Аркадии.
Зато в Анатолии
Отдыхала с Анатолием.
Но они разругались
И он отвалил.
Осталась
В Белеке
В гостинице трехзвездной
Где койка до утра всего лишь по рублю
И вот она одною ночью звездной
Сказала «я тебя люблю»

Он был немец или голландец
(Поправка: фламандец)
Жил рядом в Кемере,
Изменяя жене-химере.
Встретились в Анталии
(Это покруче Италии).
Оттуда
Сбежали на Крит

Там она ему на ломаном английском и говорит:
«Ночь нежна.
Я – княжна
Замкадья.
Люблю Грина
Но мы в божьих руках глина.
Жизнь ломала меня об колено,
Предала Лена
(Подруга),
Короче, напали.
Порвали парус.
Но я не парюсь.
А тут… смущена.
В общем я менеджер по связям
И хотела бы связать свою жизнь с…
Хотя ладно…
Можно и так»

Аркадий рассказывает: будешь смеяться,
Том приезжал в Дмитров на 3 дня. Остался доволен.
Только вот медведов нет на улицах - не сезон. Жара - пиздец
ну ты знаешь: Нигерия с ракетами и без снега. В Кремль наш
сводили, в Яхрому к язычникам - все дела. Даже в институт к себе. Аспирантки мои на цырлах забегали сучки, Ксю
мне мозг выела. Звал нас с Ксю в Брюгге, произносится "брюхо".
Самый красивый город Европы, говорит.

Я: ну и?

Аркадий: ты знаешь Ксю. Ей все похрен. Ща укатила в Нижний
с каким-то байкером, прикинь. Прям на байке и укатили. А жаль,
я б скатал в это его брюхо. Слазил тут в гуглмапс, побродил,
ну знаешь, с человечком.
И правда.
Красиво.

Эх, Ксю, княжна Замкадья
Я бы и сам, не будь я
Женат, пархат, скушен,
Опытом придушен.
Вот и сиди теперь, сыч,
В спортбаре
В журавлях по кромку

Пищевода...
Ох, Смерть, где твой
Вувузел!

"Ребят, уймите
Урода"

БЕСИТВА ЖИЗНИ

не грусти
оно того не стоит
это время
время такое

пережди

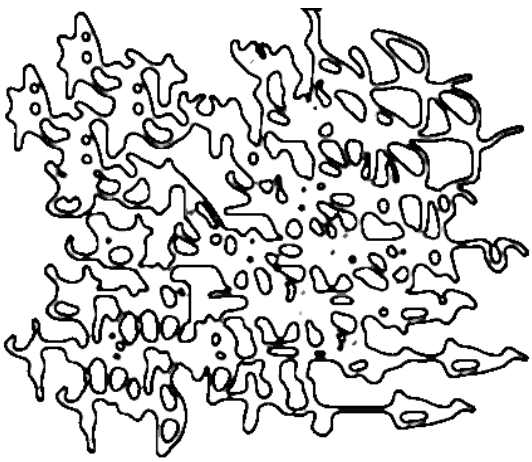
блюди любовь
дли святую лень
убей легкие пылью
библиотек
но будь полн
не чурайся мрака
подземных переходов
там
по ебальничку обрящешь
ну и что?
испытай
хрящ времени своего
и всё такое

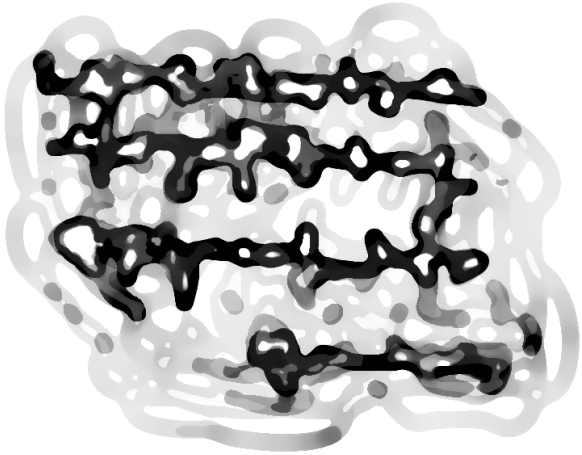
всё пройдет

что там белеет?

зима
белая зима взойдет
в словесной слякоти душ
здравствуй чистая!
читай чистоту зимы
исчезни
в лапароскопии снов

жизнь - холодная беситва
зима карает





время кохает
и где-то
там
далеко

цветёт хуерга

Ж Ж Ж

Лауреату премии Б. поэту Б.

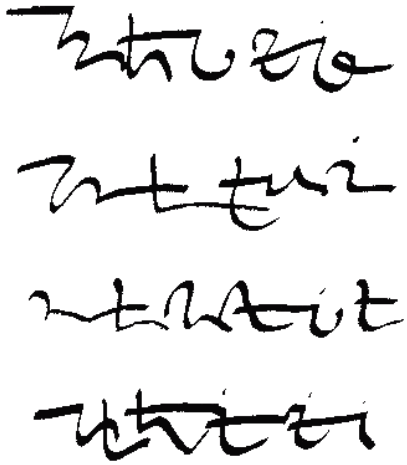
кратор Кратово извергся
потоки его славы излились
пеплом его посыпали головы
поэты городов стран и лито
но слава и пепел
всё прибывали и прибывали

(это я так развлекался в электричке
по дороге в Кратово на дачу к Коле.Б.
и думал я о том, что не слава проходит
проходит само понятие славы
(кто сейчас помнит часы «Слава»?)
и что у Славы есть теперь второе имя:
Неадекват.

Знакомьтесь:
- Петров Петр Петрович
- Слава Неадекват
- О, Вы, кажется, адвокат ?

По воскресенской электричке контролеры
гонят волну человеко-зайцев
кратер Кратова приближается
позади
томление Томилино
блёклые краски Красково
пепел и слава прибывают
я предвкушаю
негу
беседы

ужасна перистальтика
итальянской банковской системы
Премия Бродского бродит по Италии
пиит



читает лекции о поэзии в Венеции и Болоньи
по ночам ворует фрукты
в садах
вот
удел

а вот и Удельная. Обратный путь всегда быстрей.

нда
мы домашнее поэтическое зверьё
мы пьём социологическое бурдьё
жижека 3-го разведения жижу
но уж какие есть.
вы же –

какие они, эти «вы» я не додумал, потому что электричка
прибыла на Казанский и заботы более важные,
чем сочинение Кратовских Куплетов поглотили меня
без остатка.

НОКТЮРН

эй т!
иди сьдаа...
эй т!
иди сьдаа...

Вечером сад небрежен
и пуст.
Куст шевельнётся, стряхнёт
влагу с себя...
- Где же ты, где же? -
никто тебя не найдёт.

эй т!
иди сьдаа...
иди сьдаа...
эй т!
иди сьдаа...
иди сьдаа...

Осенью пруст прост.
Гибелен куст. И мост.
В мае проси как милости
жалости.
- У кого?
- У жимолости...

Полночь. Зима. Пруд
Лёд уже чёрен.
Шлепают по воде
утки.
- Где ты? Тебя ждут
четвертые сутки.

Рассвет. Пять утра. Вокзал.

стйать ск
яскзааал...
стйать ск
яскзааал...

ЗАКЛЯТИЕ ДИМИНУТИВОВ

Сдохни ТВАРЬ
тварь-тварюшечка
Сдохни МРАЗЬ
мразь-мразотинка
Сдохни СКОТ
скот-скотинушка
Сдохни ГАДИНА
гадина-гадинка

Жирная Корова мать коровушка
с молоком кровь и без родная кровушка
Грязная Свинья эх свинки-ветряночки
жизнь-жестянка ебать-копать лебеди-саночки

что я делаю-то ё-моё?
ой мамочки...

СС

пРаСАд

Стихи из книги «100 poems»

Фото Zac O'Yeah

Паук

```
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 1 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0

0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 2
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 1 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0

0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 2
0 0 0 0 0 0 1 0
3 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0 0 0 0
```

Фонарик

```
1 1 1 1 0
1 1 1 0 0
1 1 0 0 0
1 0 0 0 0
0 0 0 0 0
1 0 0 0 0
1 1 0 0 0
1 1 1 0 0
1 1 1 1 0
```

Улитка

```
0 0 0 0
0 0 0 0
0 0 0 0
0 0 0 0

0 0 0 0
0 0 0 0
0 0 0 0
0 0 0 0 1 1 1
```

Черепаха

```
0 0 0 0
0 0 0 0
0 0 0 0
0 0 0 0

    1
0 0 0 0
0 0 0 0
0 0 0 0
0 0 0 0
```

Маяк

```
1 1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1 1
1 1 1 1 1 1 1 1 1
0 0 0 0 0 1 1 1 1
0 0 0 0 1 1 1 1 1
0 0 0 1 1 1 1 1 1
0 0 1 1 1 1 1 1 1
0 1 1 1 1 1 1 1 1
```

0	1	1	1	1	1	1	1	1
0	0	1	1	1	1	1	1	1
0	0	0	1	1	1	1	1	1
0	0	0	0	1	1	1	1	1
0	0	0	0	0	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1	1

Муравьи

1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1			1	1
1	1	1	1			1	1
1		1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1			1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1

Совы

0	0	1	1	1	1	0	0
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	0	0	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
0	0	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	0	0	1
1	1	1	1	1	1	1	1

Примеси

0	o	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	o	0	0	0	0	0
0	0	0	0	o	o	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
0	o	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	o	0	0	0	0

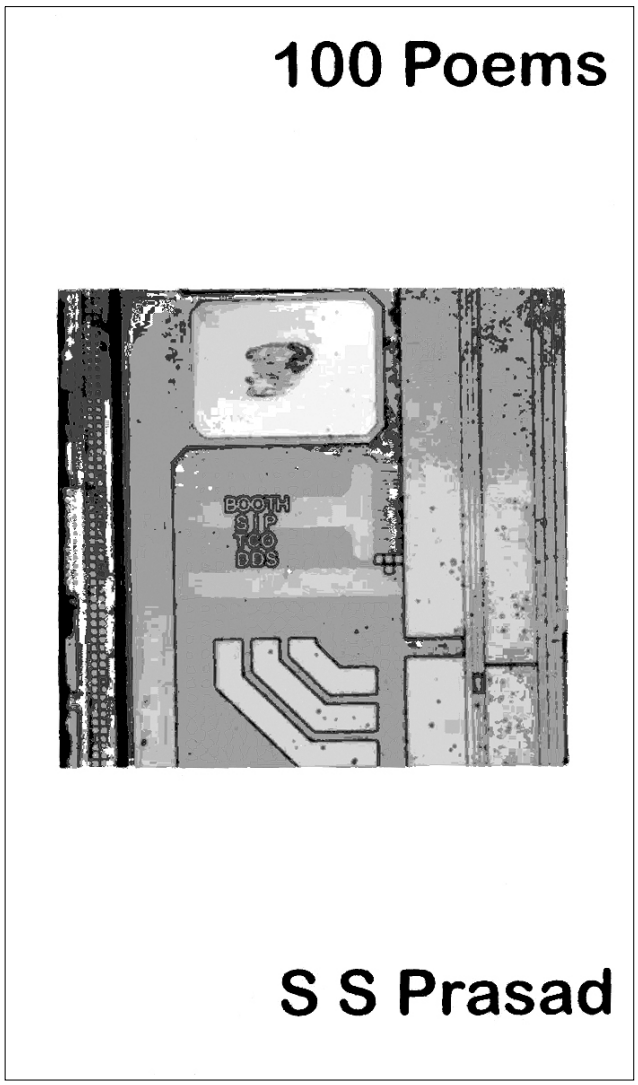
Зыбучий песок

1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1

1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	0	0	0	1	1
1	1	1	0	0	0	1	1
1	1	1	0	0	0	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	1	1	1

Остров

0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	1	1	1	0	0
0	0	0	1	1	1	0	0
0	0	0	1	1	1	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0



Обложка книги «100 зроems»

инна кириллова

федор гиренок

Аутография языка и сознания:

интервью с Федором Гиренком

В 2010 году вышла новая книга философа-археоавангардиста Федора Гиренка «Аутография языка и сознания». Мы попытались прояснить для себя некоторые аспекты аутографии и археоавангарда.

- Археоавангард – это явление, которое движется одновременно в двух направлениях: в прошлое и в будущее. Движение назад я бы охарактеризовал, как обращение к древности и критика современности. Каким образом можно описать движение арехоавангарда вперёд?

- «Движение вперед» - очень сомнительная смысловая конструкция. Я не думаю, что у нас есть какое-то «впереди». Археоавангард означает: все уже случилось. Впереди у человечества ничего уже нет. Но это не конец истории. Мы попали в ситуацию пата, в котором все, что бы мы ни делали, превращается в ноль. Пат – это бесконечное повторение одного и того же, повторение, ведущее к деградации.

Движение вперед в ситуации пата – это всегда бунт, опрокидывание шахматной доски, то есть действие за пределами правил. Тем самым, археоавангард в политическом смысле означает попытку изменить социальность благодаря выходу за пределы социальности, за пределы институций и форм. Сама эта попытка может идти как асоциальный поток снизу, а может быть асоциальным жестом сверху, как, например, опричнина Ивана Грозного. Археоавангард в политике означает то, что А. Фурсов называет социальной опричниной. Современная Россия беременна асоциальным жестом. Равно как и весь мировой порядок уже исчерпал возможности своей трансформации и замер в ожидании потока асоциального.

- В «Аутографии языка и сознания» встречаются некоторые темы из «Удовольствия мыслить иначе». Существует ли какая либо преемственность между этими работами?

- Конечно, «Аутография» и «Удовольствие» связаны. Любая философия пытается что-то сказать о мире наизнанку. В «Аутографии» изучается изнанка человека. В «Удовольствии» - изнанка мысли. В первом случае меня интересуют аутисты и шизофреники как идеальные объекты изучения изнанки человека. Во втором – антиязык и молчание.

- Проясните, пожалуйста, следующие формулировки: мыслящее, но не разумное; разумное, но не мыслящее; не мыслящее и не разумное; мыслящее и разумное.

- Мыслящее – значит грезящее. При этом грез у человека так много, а окошечко актуализации такое маленькое, что не все грезы могут быть актуализированы, их приходится как-то ограничивать, выбирать. В самоограничении выстраивается поведение человека, человек начинает впервые вести себя. Разумное – это вычисляющее. Мир разумен, в его основании лежит число. Разумное не связан с мыслящим прямым образом. Эту связь может установить человек, а может и не установить. Например, ребенок – это грезящая самость, а взрослый – это уже говорящее «я», в котором сужается поле грез. Среди нас сегодня появилось много разумных, но не мыслящих людей. Хотелось бы, чтобы в нас установилось ан-

тичное равновесие между грезящей субстанцией и разумной.

- Что Вы подразумеваете под словом «абсурд»? Находится ли человек в состоянии абсурда постоянно?

- Абсурд – не интеллектуальное понятие, абсурд – это чувство абсурда, которое относится к нашей самости, к тому, что не проницаемо для языка и избегает встречи с «я». Это значит, что абсурд всегда с нами, он в нас, но от нас не зависит. Человек – результат встречи с абсурдом, продукт пассивных синтезов самости. Только перед абсурдом может сложить свои полномочия разумность мира, отказ от которой открывает горизонт для мыслящего существа. Встреча с абсурдом делает человека невротиком.

- Вы называете боль «единственным сохранившимся пространством подлинности». Почему Вы отдали предпочтение боли, а не страданию? (Ведь боль прерывиста и одномерна, а страдание длительно и многомерно.)

- Боль и страдание соотносятся не так, как соотносятся аффект и страсть. Страдание, лишенное боли, существует как театральный симулякр. Боль, лишенная страдания, находится за пределами пространства человеческого. Самый известный в философии способ причинения человеком себе страдания - это сознание. Поэтому боль и страдание близнецы – братья.

- Запечатлено ли в палеолитическом искусстве понимание? В каких формах возможно понимание и выражение этого понимания без языкового мышления?

- В палеолитическом искусстве запечатлено «уже-понимание», то есть понимание предмета до встречи с самим предметом. Палеолитическое искусство лишено связи с искусственным, и в этом смысле оно не является искусством. Оно показывает нам элементы априорного знания. К примеру, современное искусство – это искусство, которое не нуждается в сознании, или, говоря словами Канта, в продуктивном воображении априори.

- Насколько современный клинический аутизм близок к состоянию до-языкового человека? Отличаются ли клинические аутисты от грезящего человека палеолита?

- На мой взгляд, все люди – аутисты. Различие между нами лишь в степени. Клинический аутизм – это диагноз болезни на фоне нормы, диктуемой языком и социумом. Художник палеолита не может быть зафиксирован на этом фоне как некое отклонение, ибо не было еще ни нормы, ни отклонения от нее. Не было еще ни языка, ни социума.

- Аутисты неспособны к самообслуживанию. Без поддержки общества аутист умирает. Можно ли предположить, что палеолитические художники уходили в пещеру умирать? И как могла протекать их жизнь до ухода в пещеру?

- В пещере не умирали, в пещере рисовали, то есть избавлялись от ранящего сознания, от взрыва галлюцинаций. Пещера – символ депривации, дистанции, которую занял человек по отношению к миру. И в пещере, и вне пещеры человеческие действия опосредованы галлюцинациями, грезами.

- Почему тема смерти аутиста (аутист и смерть) не проявлена в книге?

- Я ничего не говорю о смерти аутиста, потому что смерть для меня – это не физиологическое понятие. Смерть – это событие мистериальной жизни, к которой я не имею никакого отношения.

- Одна из спортивных корпораций проводит конкурс с розыгрышем кроссовок. В этом конкурсе принимают участие около 10 000 человек, которые ведут бурную дискуссию в Интернете, устанавливая между собой многообразные и амбивалентные отношения. Значит ли это, что они объединены нуминозным переживанием и их «Я» смещено из центра? Чем отличается объединяющая иллюзия кроссовок от других коллективных галлюцинаций?

- Нуминозное переживание составляет смысл мистериального действия. В этих действиях нет никакого «я». В них может быть только самость. Люди, участвующие в розыгрыше кроссовок, не имеют никакого отношения к сознанию. Они полностью производны от языка. У них даже «я» - это языковой костыль. Вот Бог – это коллективная галлюцинация, предмет нуминозного переживания.

- С конца 90-х годов на Западе активно развивается направление в искусстве – асемическое письмо, которое представляет собой творческий эксперимент по передаче смыслов посредством нечитабельного текста (каракулей, загогулин, элементарных форм, имитации текста и др.). Возможна ли аутография этого явления? И можно ли установить связь между палеолитическим искусством и асемическим письмом?

- На мой взгляд, иероглиф – это тоже искусство. Люди вообще говорят не на языке, а на коде, который является предметно-изобразительным. А потом уже закодированные смыслы переводятся на язык. Если каракули, загогулины и прочее похожи на иероглифы, то они могут быть проинтерпретированы как элементы априорного знания о предметах. И в этом случае можно увидеть их связь с палеолитическим искусством. Если же это игра новаторов, игра «без галлюцинаций», то никакого отношения к палеолитическому искусству они не имеют.

Инна Кириллова

Травма

К 175-летию Леопольда фон Захер-Мазоха

Действующие лица

Писатель с европейским именем.
Русская переводчица, молодая девушка.
Старик, бывший судья - отец писателя.
Брат писателя.
Прислуга.
Сиделка.
Дети прислуги.

Действие пьесы происходит в маленькой европейской стране на границе со славянским миром, на рубеже веков.

Пролог

Ночь. Сад. Несколько поваленных стульев. Видна широко открытая, ярко освещенная дверь, ведущая в дом. На коленях стоит связанный голый мужчина лет 40. Он в металлическом ошейнике. Тяжёлая цепь от ошейника, с кольцом на конце, крепко ввинчена в дерево. Руки скручены локтями внутрь за спиной, особенным образом связаны, ноги прихвачены тонкими сырыми кожаными жгутами в двух местах - щиколотки и колени. На теле яркие полосы от бичевания.

Мужчину со всех сторон фотографируют репортеры. Яркие вспышки фотоаппаратов выхватывают из темноты склоненную фигуру. Мужчина пытается закрываться, кричит:

- Прекратите!
- Господин фон Дальвиц, как зовут вашу подругу?
- Немедленно прекратите!
- Вам помогают в творчестве ваши экстремальные опыты?
- Вон отсюда!
- Когда выйдет ваш новый роман?
- Убирайтесь ко всем чертям!
- Два слова для газеты…
- Вы не имеете права!..
- Господин фон Дальвиц, посмотрите на меня!
- Господа, я прошу вас…
- Возьми его крупным планом.
- Прошу вас… прекратите съёмку…
- И ещё раз… ракурс держи…
- Умоляю, прекратите …
- Возьми целиком… Вместе с цепью…
- Перестаньте,… пожалуйста!.. пожалуйста!
- Снимай, снимай его быстрей!
- Не надо! Прошу вас.… Нет!
- Так, ещё раз…
- Хватит!.. хватит!..
- Общий план теперь…
- Негодяи… Убирайтесь!
- Уже снял… Всё в порядке, Макс…
- Ублюдки…
- Лицо…лицо …крупным планом
- Убирайтесь… Немедленно…
- Снял?
- Вон отсюда!..
- Уходим, господа!
- Вон….
- Быстрее…уходим…
- (*Страшный крик*) Воооон!!

Мужчина валится на бок, теряя равновесие. Начинает биться о землю.

- Щёлкни его напоследок…
- Отличный кадр…

Сцена 1

Прошло более 10 лет. Старый господский дом – усадьба с запущенным садом, земельным участком и старыми конюшнями. Большая сквозная гостиная в доме отца писателя, старого судьи. Длинный коридор уходит вглубь дома, дверь возле камина приоткрыта, видна широкая деревянная лестница, ведущая наверх. Над камином в хорошей раме висит коллаж: большого формата пожелтевшая газетная фотография связанного мужчины,

над ней крупная надпись «Тайна писателя раскрыта!», здесь же собраны газетные заголовки «Известный писатель-интеллектуал с европейским именем оказался извращенцем!», «Мазохи нашего времени - кто они?», «Писательство и мазохизм, комментарии д-ра Райнера», «Разоблаченные пророки и их пороки». Под стеклом размещены газетные полосы с текстом. Стены гостиной украшены охотничьими трофеями, между ними развешаны фотографии старика в разной степени физического распада, хорошие репродукции с картин Э. Шиле. Возле стены стоят большие старинные часы. Обстановка: старомодная мебель тёмного цвета, массивный стол, потертый ковер на полу. Много книг, печатная машинка, стопки бумаги. В гостиной никого нет. Долго звонит телефон. Никто не подходит. Слышится глухой стук сверху, иногда прерывается. Со стены с грохотом падает репродукция Э.Шиле. Опять звонит телефон. Входит прислуга. На лестнице стоит писатель, в гостиную не входит, разговаривает с горничной из-за двери, видны только ноги в пижамных брюках.

Писатель. Роза, подойдите, пожалуйста, к телефону, и… меня нет… Ни для кого нет. *(Горничная берёт трубку, услышав гудки, кладёт её на рычаг, подходит к сорвавшейся картине и осторожно вынимает из рамы репродукцию)*.

Писатель. Кто это был?

Роза. Не знаю, положили трубку. *(Отставляет раму к стене)*

Писатель. Когда уберёте осколки, поставьте, пожалуйста, пластинку.. Ту, с русскими вальсами. И отключите телефон. Ужинать я не буду, на сегодня можете быть свободны. Как себя чувствует Юлиан?

Роза. Спасибо, выздоравливает.

Писатель. Вот, как… Я рад..

Роза. Господин фон Дальвиц…

Писатель. Да.

Роза. Сиделка собирается взять расчет.

Писатель. Но почему?

Роза. Из-за пауков. Она говорит, что старик притягивает их к себе.

Писатель. Глупости, Роза.

Роза. Пауков в его комнате развелось множество, все углы затянуты паутиной, они живут даже в чашке для протезов. Иногда старик бормочет им что-то и улыбается…

Писатель. Просто надо как следует убрать комнату. Вы вечно не даёте сделать там уборку, чтобы не обеспокоить его. А Мине передайте, что я удвою её жалование.

Роза. Хорошо, господин фон Дальвиц.

Писатель. И потом, Роза, у меня такое чувство, что наш дом окружён, взят в оцепление… Эти люди звонят в дверь по ночам, ходят по крыше, заглядывают в окна. Теперь кто-то облюбовал старые конюшни, ночью я видел там свет. Это опасно… Вы носите им еду. Поймите, эта часть очень ветхая, в любой момент может рухнуть стена.

Роза делает вид, что не слышит.

Писатель. Этим людям нужна помощь другого рода, а вы только продляете их страдания своей жалостью.

Роза молча убирает осколки, ставит пластинку на проигрыватель, зашторивает окна, включает свет, уходит. Звуки русского старинного вальса «Ожидание» наполняют гостиную. Дверь медленно открывается. Осторожно выглядывая, удостоверяясь, что никого нет, входит писатель. Поверх пижамы одет старый халат, в руках стакан с виски, он отпивает большими глотками, двигается в такт музыки, приглушает звук, допивает виски и ложится на диван, прикрывая ладонью глаза.

Описания воспоминаний: *Воспоминания составляют значительную часть теперешней жизни писателя. Они застигают его внезапно и носят яркий, почти галлюцинаторный характер, всегда мучительны, приступообразны, молниеносно проносясь в мозгу, вызывая почти физическую боль.*

Воспоминание

Женские руки в длинных бальных перчатках, телесного цвета. Он целует ткань выше локтя, постепенно поднимаясь к плечу, переход от атласа к коже вызывает в нем острое чувство наслаждения. Он ощущает запах духов. Воспоминание проносятся, как вспышка, писатель стонет от остроты и невозможной четкости образа.

Усилием воли подавляет наваждения. Один вальс сменяется другим. Писатель подходит к бару, достаёт виски, наливает и застывает со стаканом в руке.

Воспоминание

Кафе. Многолюдно. Он с женщиной. Её ярко накрашенные губы - кровавая рана. Женщина сдувает пену с только что сваренного горячего кофе; ему в лицо попадают обжигающие брызги. Он слышит собственный голос:

- Фанни, ну пожалуйста, не надо…

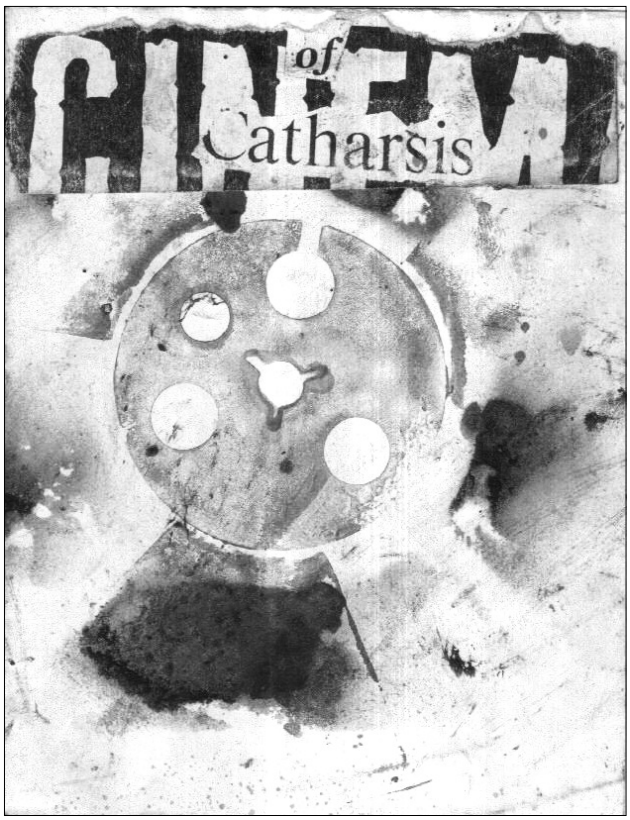
Она смеётся, на них обращают внимание.

На него накатывают мучительные ощущения стыда и беспомощности.

Воспоминание прерывается телефонным звонком.

Писатель (срываясь с места, кричит). Господи, я же просил отключить телефон!! Ни о чем нельзя попросить, чёрт их возьми!! Мало того, что шляются по дому, везде на них натыкаешься, всюду носы суют! Уволю всех ко всем чертям! Завтра же!!

Раздаётся глухой стук сверху, писатель подбегает к телефону, пытается выдернуть шнур, опрокидывает столик, телефон падает. Он вырывает штепсель вместе с розеткой, разбивает телефон о стену, стук сверху усиливается. Писатель большими глотками допивает виски, бросается на диван лицом вниз, замирает. Слышен отчетливый стук сверху, стучат довольно долго, затем всё стихает.



Иллюстрации Дэвида Широ (США)
Illustrations by David Chirot

Сцена 2

Позднее утро следующего дня. Гостиную заливает яркое солнце. Слышен звук подъезжающего автомобиля. В гостиную входит хорошо одетый господин лет сорока и горничная. Роза приоткрывает дверь возле камина, видны ступеньки лестницы.

Роза. Господин фон Дальвиц… Уже двенадцать часов, пожалуйста, спускайтесь… (*Молчание*) Господин фон Дальвиц, вы слышите меня?.. *(Подходит Лоу)*

Лоу. Александр, не валяй дурака, спускайся, иначе я сам поднимусь. *(Молчание)* Хорошо, я поднимаюсь.

Писатель. Лоу, какого, чёрта! Я же сказал, что нет… Ты уже снабдил её необходимыми сведениями обо мне, да, Лоу?

Лоу. Кое-что мне пришлось ей сказать… Что ты псих, например…

Писатель. Не трахай мне мозги, я не позволю уговорить себя… ничего у тебя не выйдет!

Лоу. Ну, ты мог бы сам ей отказать, хотя бы по телефону. Я дал ей уже твой номер.

Писатель (кричит). Какого черта!! (*Скатывается с лестницы, чуть не сбивая издателя. Одет: пижамные брюки, черная футболка, старая растянутая кофта на шее болтается длинный серый шарф)* Что я ей буду говорить?

Лоу. (говорит спокойно) Здравствуй, Александр…

Писатель. Пошёл ты…

Лоу. Она уже приехала, живёт в гостинице и ждёт встречи с тобой.

Писатель. Ну, так пусть едет назад! Покажи ей местные достопримечательности. Я же сказал, что…

Лоу. Она хорошая переводчица и литературный критик.

Писатель. Ну и что, что она хорошая переводчица! Я не хочу! Пусть налаживает диалог через тебя.

Лоу. Она хочет лично познакомиться с тобой.

Писатель. (раздражается) Не надо настаивать!

Лоу. Ты не находишь, что пора напомнить миру о себе? Тебя начинают забывать.

Писатель. Я бы хотел превратиться в маленькую церковную мышь или вообще исчезнуть. Для меня реальность давно схлопнулась.

Лоу. Ты пойми, это сейчас важно для тебя.

Писатель. Я знаю, чёрт возьми, что важно, но только не личная встреча! Она ещё захочет, чтобы я таскался с ней… Все эти памятники, музеи… Потащит меня по фуршетам…

Лоу. А почему бы тебе не выйти?

Писатель. Ты же знаешь, что я нездоров.

Лоу. Это нервы, тебе надо развеяться и… давно пора выходить. Может, она тебя вытащит. Пройтись с хорошенькой русской девчонкой, как когда-то… Александр, как хочешь, но это твой шанс… Ты посмотри на себя в зеркало! Выглядишь устрашающе.

Писатель(*задумывается*). Да… Да… Пройтись с русской девчонкой, как будто ничего не было, как раньше. Можно ли отменить прошлое? Смогу ли я держаться, как ни в чем не бывало?

Лоу. Ты выйди, попробуй, забиться в нору никогда не поздно.

Писатель. Она из России?

Лоу. Да, из России … из Санкт- Петербурга.

Писатель (бормочет). Пройтись с русской девчонкой… как раньше…

Лоу. Я едва успел перехватить её. Она ведет колонку для этой старой лисы Харди… Давай, Александр, соглашайся!.. Не заставляй себя упрашивать.

Писатель. Ну хорошо, хорошо. На два-три дня. Пусть приедет завтра, послезавтра, на неделе. Её встретит Бруно, я договорюсь с ним. Но если она задаст хоть один вопрос личного характера, я вышвырну её!

Лоу. Договорились, я предупрежу её.

Входит брат писателя - Бруно, затем доктор

Бруно. Что ты так кричишь, Александр?! Отец не в себе, ты тревожишь его. Некроз распространяется выше, у него сейчас наш любезный доктор. Он настаивает на операции!

Писатель. Но его недавно прооперировали.

(*Входит доктор*)

Доктор. Да, но тянуть нельзя.

Писатель. Господи, от него уже и так ничего почти не осталось! Вы несколько лет режете его по частям… Зачем обрекать старика на бессмысленные муки?

Доктор. Так вы не даёте своего согласия?

Писатель. Я тупею от таких вопросов, мы позже обсудим всё это с Бруно и дадим ответ.

Доктор. Тянуть нельзя.

Писатель. Бессмысленная жестокость. *(Обращается к Лоу)* Ты понимаешь, что мне сейчас не до женщин-переводчиц?!

Лоу. Но Александр…

Писатель. О'кей, Лоу, только на 2-3 дня. Так передай же ей, это моё условие.

Лоу. Хорошо… Хорошо. Прощай. (*Издатель уходит*)

Писатель. Представь, Бруно, у нас в доме поселится женщина, Лоу настаивает на встрече с переводчицей… Она русская журналистка, занимается моей книгой, настаивает на личной встрече …

Бруно. Русская?

Писатель. Представь.

Бруно. Хорошенькая? Молодая?

Писатель (раздражённо). Не знаю. Кажется… Я не уточнял, сколько ей лет.

Бруно. Не кипятись. Ты хотя бы спросил, как её зовут?

Писатель. Елена Волгина. Лоу рекомендовал её как переводчицу и литературного критика, но это его версия. А я думаю, она просто шпионка, собирающая материал для новой сенсации.

Бруно. Не смеши, зачем Лоу проблемы? И потом, прошло больше 10 лет, вряд ли ей что-то известно.

Писатель. Не понимаю, зачем русским мои книги?! В России до сих пор живёт русский бог, для чего русским мой незамутнённый метафизикой, чистый имманентный опыт?

Бруно. Ты, как всегда, преувеличиваешь. У тебя же ещё не было переводов на русский.

Входит Роза.

Роза (обращается к Бруно). Мина просит подняться вас наверх.

Бруно. Хорошо, я сейчас зайду.

Писатель. Роза, задвиньте, пожалуйста, шторы, я устал сегодня. Во что это выльется? Я внутренне уже разрушен. Ещё только полдень, а у меня уже нет сил, как будто кто-то высосал их из меня.

Бруно. Александр, хватит! Возьми себя в руки. (*Роза случайно резко отдергивает штору – яркое солнце заливает комнату*)

Писатель. Господи, Роза! Я же сказал, зашторить! Солнце невыносимо, оно выжигает мой мозг! Никакого покоя! Немедленно задвиньте штору! Бруно, скажи ей! Я не могу…Мне плохо! (*Писатель ложится на диван, натягивает на глаза темные плотные бумажные очки и покрывает голову шерстяной черной шапочкой, стонет*).

Доктор. Пожалуйста, уйдите все. Я сам всё сделаю.

Бруно и Роза уходят. Писатель лежит и стонет.

Писатель. Мой мозг просто поджарили! (*к доктору*) Ты не представляешь, Дэвид, какое это мучение, яркий свет выжигает мне глаза изнутри.

Доктор. Успокойся. Ну, давай свою руку (*щупает пульс, писатель стонет). Доктор включает мощный вентилятор. Гостиную обдувает ветер, сумрачно. Писатель успокаивается, лежит тихо и долго. Доктор некоторое время сидит рядом с ним, потом уходит.*

Воспоминание

Бальная зала. Полумрак от свечей. Звучит русский старинный вальс. Он танцует с женщиной, она что-то шепчет ему, он закрывает глаза, растворяется в блаженстве и наслаждении. На этот образ наплывает другой: горит свеча, его ладонь над свечей. Женщина удерживает руку над пламенем, она что-то шепчет, он ощущает нестерпимую боль, двойное чувство боли и удовольствия охватывают его.

Сцена 3

Яркий летний день, все двери дома открыты настежь, звучит песня Марлен Дитрих («Кофе в Берлине»). Виден большой участок заброшенного сада. В кресле дремлет старик под пледом и в летней шляпе. Рядом – сиделка, листает глянцевый журнал. Писатель - неподалеку, в густой древесной тени, он одет в легкое старое пальто, из-под которого торчат пижамные брюки полосками поперёк. На столе, книги, газеты, печатная машинка, он печатает текст, заглядывая в рукопись. В глубине дома, появляется женщина, в руках небольшая дорожная сумка.

Женщина. Ау!.. Ау!.. Есть кто-нибудь? Э-э-эй!.. (*Она ставит сумку, проходит гостиную, идёт в сад*).

Писатель оборачивается, видит женщина, запахивает пальто, встает

Писатель. Здравствуйте! Вы, наверное, Елена Волгина?

Елена. Да. Александр фон Дальвиц? (*подаёт руку*) Просто не верится.

Писатель (улыбаясь). И, тем не менее, это я. За вами выехал мой брат, Бруно. Видимо, вы с ним разминулись. Как добрались?

Елена. Простите, что самовольно приехала, не дожидаясь официального приглашения. Не умею, знаете ли, ждать… Вот, взяла такси и... приехала.

Писатель (*представляет присутствующих*). Это мой отец. Папа, познакомься… Это Елена. (*старик поднимает голову, показывает язык, что-то бормочет и снова погружается в дрему*). Это сиделка Мина (*Сиделка кивает головой, не отрываясь от журнала*). Вы не удивляйтесь, отец стар и очень болен. На него временами находит… Как впрочем, и на меня (*смеется, Елена удивленно смотрит на писателя).* Обедаем мы вечером, а чай приготовят сейчас. Вашу комнату вам покажет Роза, а дом – я сам… но позже. А сейчас, извините, мне надо работать *(громко зовет).* Роза!

Входит Роза.

Писатель. Роза, проводите, пожалуйста, госпожу Волгину в комнату для гостей.

Елена и Роза уходят в дом. Писатель садится к столу, пытается печатать, затем раздраженно откидывается на спинку стула, нервно закуривает. Спички гаснут, ломаются.

Писатель (*бормочет*). Вот черт! Черт знает что!

В саду появляются дети Розы, мальчик и девочка близнецы лет 11-12. Они идут, обнявшись, отдают ему почту.

Писатель. Юлиан, как ты себя чувствуешь? (*Угощает их конфетами. Дети переглядываются, улыбаются друг другу)* Я хочу добавить в вашу коллекцию ещё одну куклу. Это дорогая театральная куколка, которую я нашел на чердаке. Её сейчас приводят в порядок, думаю, вы останетесь довольны.

Дети, обнявшись, уходят вглубь сада, Из пачки газет и журналов выпадает письмо. Писатель смотрит на конверт, вскрывает, пробегая глазами, затем быстро всовывает обратно в конверт. Входит Роза, накрывает стол для чая. Мина возится со стариком. Входит Елена. Она в зелёном маленьком платье, отороченным кожей и мехом.

Её волосы собраны в высокую, несколько небрежную причёску, выбиваются вьющимися прядями.

Елена. Я не помешаю?

Писатель. Хорошо, что вы пришли. У Розы много дел… Я сам хотел идти за вами… Чай? Кофе?

Елена. Лучше кофе. (*Подсаживается к столу. Сиделка наливает чай для старика. За столом только писатель и женщина*).

Писатель. Что же вы выбрали для перевода?

Елена. А… Ну, я хотела бы перевести несколько ваших произведений… Но сначала, конечно, «Пустые мысли». Для журнала «Иностранец». Есть договорённость с издательством на публикацию книги.

Писатель (рассеянно). Вот как… (*Достаёт письмо, ещё раз быстро перечитывает, подносит его к свету, затем обнюхивает*) «Кристел».

Елена. Что?

Писатель. Духи «Кристел», вы знаете их запах?

Елена. Да, но это уже классика.

Писатель. Вот как? Так вы читали мой роман, и он вам понравился?

Елена. Господин фон Дальвиц….

Писатель (морщится). Александр…

Елена. Хорошо… Александр… У меня возник ряд вопросов.

Писатель. Давайте позже, может быть завтра? Или послезавтра?

Елена. Но у меня мало времени… Вы же сами…

Писатель. Ах, ну да конечно! Я вам отвечу, обязательно… на все ваши вопросы. Но не сегодня. Извините меня (*берет письмо и быстро уходит в дом*).

Входит Бруно, они сталкиваются. Бруно смотрит на Елену.

Бруно. Здравствуйте! Вы уже здесь?.. Меня зовут Бруно, я старший брат Александра. (*писателю)* Куда ты? Уходишь?

Писатель. Письмо… От неё! От неё !!

Бруно (вдогонку). Александр, я сейчас уеду, вернусь только через два дня. Если что-то срочное, обязательно позвони!

Писатель. Угууу.

Елена вопросительно смотрит на Бруно.

Бруно. Вы должны извинить Александру его странности…Он много лет не выходит из дома… после этой истории. Вы нам многое должны будете извинить. *(Садится к столу наливает чай)* Александр мне сказал, что вы из Санкт-Петербурга,

Елена (рассеянно). Да, из Петербурга.

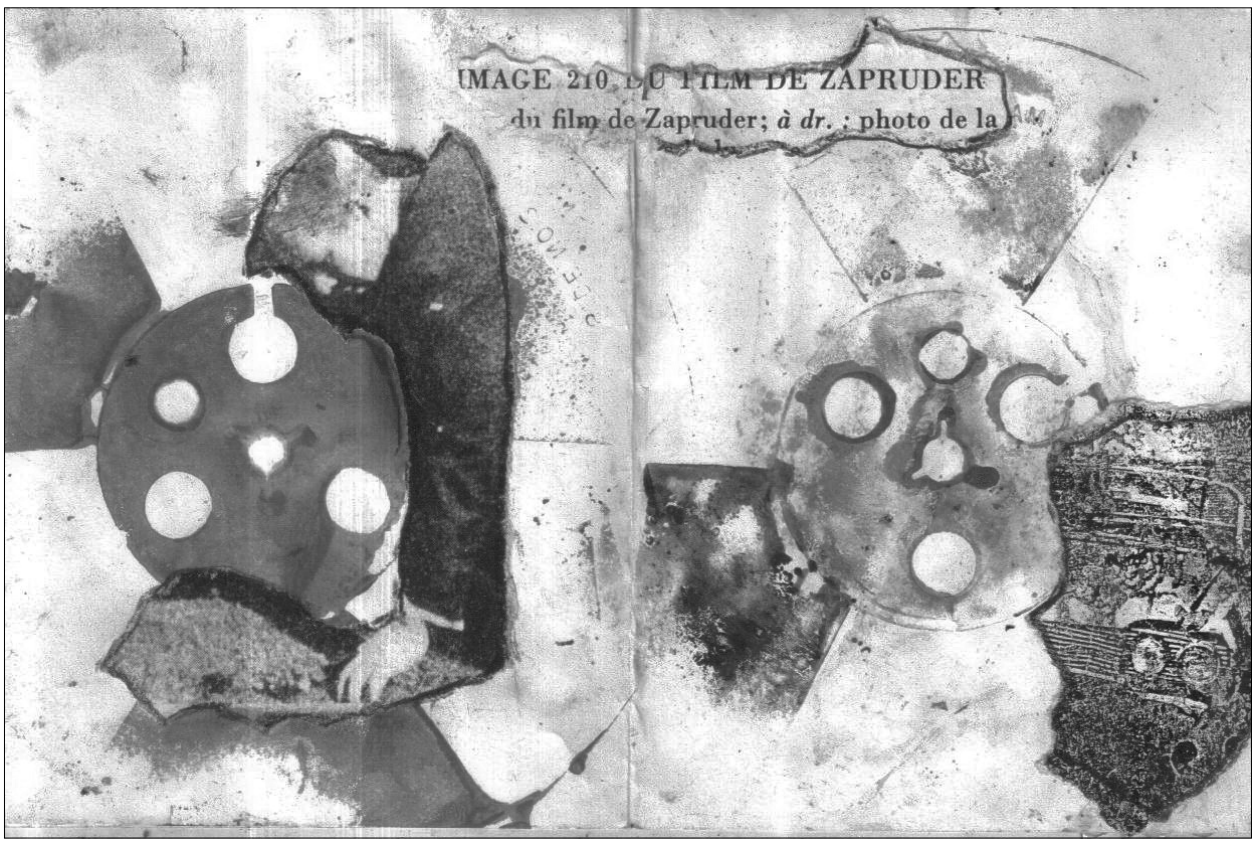
Бруно. Я был в России, но только в Москве. Както не получилось побывать в вашем прекрасном городе. (*Неловкая пауза)* А знаете что, вы не будете против, если я покажу вам город? Вряд ли Александр пойдёт на это. Сегодня он уж точно закроется у себя на долго, а Лоу не удосужится… Вы и так просидели в гостинице…

Елена. Я бы с удовольствием, но…

Бруно. Вот и отлично. Роза! Роза! *(входит горничная).* Предупредите Александра, что мы уедем осматривать город, вернёмся поздно вечером.

Сцена 4

Писатель быстрыми шагами входит в спальню и забирается в постель. Перечитывает письмо, вдыхает аромат духов, накрывает ладонями лицо поверх письма, сминает листы, его тело сотрясается от нервной дрожи. Волна воспоминаний захлестывает писателя.



Воспоминание

Он лежит на кровати. Над ним наклоняется женщина в полумаске, пряча руки за спиной. Он смотрит ей в глаза, видит, как они блестят, чувствует, что сейчас произойдет что-то страшное. Он не успевает увидеть, что у неё в руках …Его пронзает острая нестерпимая боль, он кричит, видит, как из раны сочится кровь.

Писатель слышит как звонит телефон, его зовет горничная, мучительные воспоминания захлёстывают его, он не отвечает.

Воспоминание

В комнате горят свечи. Он лежит на кровати, руки и ноги связаны, ждет женщину. Слышит, как она ходит, роняет что-то. Он мучительно ждет её, ждёт очень долго, нетерпение и напряжение от долгого ожидания нарастают. Его начинает сотрясать озноб. Он кричит. Кто-то входит. Писатель слышит собственные слова:

- Ты пришла убить меня?

Воспоминание

Писатель и женщина в китайском ресторане, при них разделывают живую змею. Распоротая змея еще жива, когда из неё по бокалам разливают кровь и подают на стол. Затем ещё шевелящуюся змею бросают на сковороду, в кипящее масло. Женщина ясными, негодяйскими глазами наблюдает его реакцию. Он выбегает, его тошнит.

Воспоминание

Солнечный день, большая поляна, заросшая высокой травой. Ему года 3-4. Очень молодая женщина, его мать, играет с ним в мяч. Мяч разноцветный, яркий

- Лови, Александр, лови!

Он смеётся, ощущения покоя и счастья наполняют его.

Сцена 5

Бруно и Елена в маленьком ресторанчике.

Официант. Слушаю.

Бруно. Сначала Вы… Заказывайте.

Елена. Что здесь пьют?

Бруно. Попробуйте белое пиво.

Елена. Белое пиво, пожалуйста.

Официант. Хорошо. Что-нибудь ещё?

Бруно. Я бы посоветовал бигош или кусочек гуся. Здесь прекрасно готовят.

Елена. Я не проголодалась…

Официант. Есть сандвичи …

Елена. Тогда сандвичи с сыром.

Бруно. А мне печеный картофель без масла и соли, чай без сахара.

Официант. Хорошо, сейчас принесу. *(уходит)*

Бруно. Вы на диете?

Елена. Нет, но…

Бруно. Не истязайте себя диетами, вы так прекрасно и мучительно молоды. (*целует Елене руку*)

Елена (смеётся). Не уговаривайте. Для жирной пищи уже поздно. А ваш заказ тоже не слишком калорийный.

Бруно. Когда за шестьдесят, то жареный гусь с капустой, крепкое пиво и любовь на всю ночь - недоступная роскошь. Я, знаете ли, в прошлому году пережил серьёзный сердечный приступ, теперь стараюсь не есть жареного и жирного.

Елена. Вот как?.. Это, наверное, очень страшно, когда болит сердце? У моего отца был инфаркт. Мы с мамой думали, что потеряем его навсегда.

Бруно. Жизнь требует от нас мужества.

Елена. Вы не будете против, если я задам вам несколько вопросов о вашей семье?

Бруно. Отчего ж? Если это поможет вам в работе, я с удовольствием отвечу.

Елена. Тогда включаю диктофон?

Бруно. Нет, пожалуйста без диктофона. Я бы предпочёл частный разговор… если вы рассчитываете на честные ответы.

Елена. Хорошо… Всего несколько вопросов, о семье, литературе о вашем брате.

Бруно. Что ж, Александр - часть моей жизни и моей семьи – я никогда не был женат, так сложилось… Я попытаюсь быть честным и объективным, хотя это очень трудно.

Елена. Расскажите, каково быть братом великого писателя?

Бруно. Вы думаете, что он великий?

Елена. А вы разве нет?

Бруно. Возможно… Никогда его так не воспринимал, мы слишком разные, он мой брат лишь наполовину.

Елена. Как это, на какую половину?

Бруно. У нас разные матери. Отец был дважды женат. Я своей мамы не помню. Она умерла вскоре после моего рождения. Меня воспитывала вторая жена отца, мать Александра.

Елена. Я не знала… Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Бруно. Она родом из Верхних Лужиц, полабская немка, дед Александра по матери, довольно известный сербский художник, был интернирован в один из лагерей смерти и погиб там вместе с женой еврейкой во время большого террора. Его жена, бабка Александра, оперная певица, колоратурное сопрано исполнявшая все ведущие партии для этого голоса. Говорят, что в «Лючии ди Ламмермур» она была бесподобна, брала ля третьей октавы. Именно в верхнем регистре её голос звучал особенно ярко. Кстати, Александр помешан на сопрановых голосах, у него самого небольшой по диапазону, но довольно приличный баритон.

Елена. Это интересно.

Бруно. На самом деле, они погибли задолго до рождения Александра. Он их никогда не видел, зато любит вспоминать, как играл с драгоценностями своей бабки в трёхлетнем возрасте. Хотя мне кажется, что он не мог помнить себя с такого возраста. Во мне сознание проснулось гораздо позднее: моё первое воспоминание - строгое лицо отца, заплаканное - мачехи, и страшное, нестерпимое чувство вины и стыда за некий проступок, о котором не осталось воспоминаний.

Елена. Как вы относитесь к его романам и экстравагантному образу жизни?

Бруно. Его книги часто служили поводом для скандалов в нашей семье. Я мало читал романов и вообще беллетристику. Все фон Дальвицы были людьми действия – военными, юристами, священниками. Это семейная традиция. Мой прадед был ге-

нералом, дед - пастором, отец – судья. И я поддержал семейную традицию, став профессиональным военным.

Елена. В интервью ваш брат признавался, что у него с семьёй складываются непростые отношения, но почему?

Бруно. (Внезапно, не сдержавшись) Да он ненавидит нас! (*С презрением*) Настоящий выродок. Вы читали его второй роман «Сверкающая звезда»?

Елена. (Кивает головой) Неоднозначный роман.

Бруно. Я там представлен в образе Гуго - настоящее чудовище, у которого вместо головы железная каска. Пресса превознесла этот роман до небес, как антимилитаристский, с настоящим культом общеевропейских ценностей. Там его разнузданное воображение проявилось в полном блеске…. Мне всегда претила чрезмерность в искусстве. Я люблю в писателях добросовестное, трепетное отношение к слову и факту. Может я и дилетант, но уверен, что в литературе работа над словом не менее важна, чем работа над образом. Он ненавидит всяческую кропотливую работу, называет таких писателей ослами, предпочитает размывать границы между воображением и реальностью, погружаясь в созданные им фантазии, и ожидая вдохновения. Иногда он настолько выпадал из реальности, что мы хотели обращаться к психиатру.

Елена. Как он к этому отнесся?

Бруно. Как и ко всему, что мы пытались сделать для него – закатил истерику. Обвинял нас в том, что мы хотим запереть его в сумасшедший дом. Он считает психиатрию отвратительным шарлатанством, боится и ненавидит врачей, а также суеверно предубежден против всех людей в форме, начиная с мирного, безобидного пастора, и кончая боевым офицером, называя не в чем не повинных людей -потенциальными убийцами. Настоящий параноик. Вы бы видели его с зубной болью: и смехотворно, и гадко. Он нас всех замучил своими мнимыми болезнями.

Елена. Тема смерти стала ведущей в его творчестве. Как я понимаю, он считает эвтаназию выходом из положения всякого, кто устал жить, или не может выносить этой постоянной боли от жизни? Вы с ним согласны?

Бруно. Нет, я занимаю резко противоположную позицию. Это предмет яростных споров между нами. Александр ярый сторонник эвтаназии. Он просто одержим мыслью о самоубийстве, какое-то время постоянно носил с собой яд, мы ждали его последней выходки каждую минуту, отец был вне себя, это по милости Александра он тяжело заболел. Александр до сих пор носится с этой идеей, назло всему миру - семье, церкви, медицине, читателям, издателям, вообще всем – смыться в небытие. Во время одной из своих презентаций в здешнем университете, на вопрос о смерти он ответил примерно так: что против ничего не имеет, так как рассчитывает найти по ту сторону более интересную компанию, чем недоумки, которые окружают его здесь. Каков мерзавец! Будто бы смерть - это клуб по интересам.

Елена. Вы считаете, что он способен на самоубийство?

Бруно. Безусловно. Не вдаваясь во все подробности, скажу, что он по-настоящему опасный человек. Его страсть к саморазрушению всепоглощающа. После травмы Александр так и не смог придти в себя. Образ этой женщины и страх перед ней преследуют его. Он постоянно находится на грани самоубийства... Женщины - это вообще особая статья. Что он с ними вытворял!! Мне приходилось выслушивать отвратительные подробности - его женщины всегда искали защиту и поддержку у меня… Хотя он считает, что я соперничаю с ним, но это не правда - некоторых я просто спас… И то, что он всё-таки нарвался на Фанни – божье возмездие…

Елена. Вы говорите о скандальных фотографиях, просочившихся в прессу?

Бруно. Да, но не только… Он всегда был склонен к эксцессам: такое удачное начало и такой срыв! Мы долгие годы не общались с ним, наша ненависть друг к другу была острой и всепоглощающей. Его трагедия и болезнь отца немного помирили нас. Александр всю жизнь ненавидел меня, корчил из себя великого писателя, философа, а на самом деле - просто слабый человек, которого вытоптала сильная и довольно простая женщина, не из нашего круга. Вы, конечно, встречали такой тип: девушка с фотоаппаратом. Они якобы журналистки, фотохудожницы, а на самом деле просто охотятся на мужчин, промышляя на разных сборищах… (*пауза*) Можно задать вам вопрос? Только прошу вас ответить честно… только честно… Вам действительно нравятся его романы?

Елена. Ваш брат неоднозначный писатель, экстравагантная личность. Его книги перенасыщены энергией смерти, саморазрушения… изощрённым имморализмом, особенно – последние две. За текстом открывается сложное, изощрённое культурой и цивилизацией уставшее мышление, человек страшно травмированный жизнью и художник, который смог убедительно рассказать об этом миру. Интересно, насколько его романы автобиографичны?.. Я едва ли могу сказать, что меня привлекает больше – его книги или его личность.

Бруно. (*С недовольством*) Никогда не читал его романы. Отец запретил читать и держать их в доме, он принимал Александра, как сына, частное лицо, игнорируя, как публичного литератора. Хотел, чтобы Александр стал юристом или врачом. Мы никогда в него не верили…. в его занятия литературой… Он состоялся по чистой случайности. Просто попал в нужное место в нужное время, не более…. Говорят, что первый роман кто-то помог написать ему, стиль и эстетика этого романа больше никогда не повторились. После газетного скандала Александр превратился в ходячий труп, отказался от литературы, больше ничего не пишет.

Елена. Если он бросил писать, то чем же теперь занимается?

Бруно. Чем?.. *(улыбается)* Он рассылает объявления по газетам, в отдел знакомств. Вам, наверное, уже рассказали…. Иногда он все-таки пишет какую-то возмутительную чушь для желтой прессы, коллекционирует фотографии самоубийц. У него есть специальный альбом, куда он вклеивает снимки повешенных, утопленников, отравившихся и т.д. Другая его страсть -разговоры с проститутками по телефону. Он назначает встречи и никогда не ходит, но зато аккуратно пересылает им небольшие суммы. Он вообще склонен к некой странной благотворительности, правда, оказывает финансовую поддержку только женщинам. Его знают все проститутки и сумасшедшие города.

Елена. Вы хотите сказать, что он притягивает проблемы?

Бруно. У него сейчас нет сил, чтобы создать настоящие проблемы, слава богу, но из-за своих причуд он стал мишенью для насмешек… Хотя, в университете, его авторитет подорван не до конца. Они все ещё шлют ему приглашения, и издательства обхаживают…

Входят музыканты (пианист, саксофонист, контрабас, ударные). Звучит медленный фокстрот. Бруно приглашает Елену. Танцуют. Он нежно поглаживает её плечо, старается привлечь к себе ближе, шепчет что-то на ухо, она улыбается.

Сцена 6

Вечер, гостиная. Звучат русские вальсы. Писатель (в старом халате из-под которого видны пижамные брюки) просматривает разбухший альбом с газетными вырезками и стопку газет, что-то вырезает ножницами, наклеивает в альбом. Звонит телефон. Он подходит, снимает трубку.

Писатель. Алло

Женский голос. (Хихиканье)

Писатель. Это ты, моя дорогая?.. Может в этот раз ты захочешь со мной поговорить? Это ведь ты мне все время звонишь?

Женский голос. (Нарочито стонет)

Писатель. Когда же ты навестишь меня, моя радость?

Женский голос. (Стоны усиливаются)

Писатель. Ты ведь хочешь навестить меня? Да?!

Женский голос. (Слышана какая-то возня, смех).

Писатель. Приходи! Я с нетерпением жду! У меня есть для тебя сладкий подарок…

Женский голос. (Хихиканье, стоны)

Писатель. Ты ведь уже взрослая девочка?!

Женский голос. (Стоны нарочито громкие)

Писатель. Такая шалунья… Балуешься со свечкой?

Женский голос. (Протяжный всхлип, стон)

Писатель. Ты уже умеешь отсасывать?

Женский голос. (Нарочито громко дышит)

Писатель. Давай, дорогая… Вот так! Так… *(Запускает руку под халат)*

Абонент бросает трубку.

Писатель ложится на диван, пытается мастурбировать. Звуки шагов и стук сверху сбивают его. Он наливает спиртное, ходит по гостиной, затем возвращается к газетам. Входит Елена. Она в тёмном платье, руки оголены, волосы распущены.

Елена. Добрый вечер. Можно войти?

Писатель. (Равнодушно смотрит на неё) Ааа… Конечно же! Я, знаете ли, привожу в порядок свой странный архив.

Елена. Не помешаю?

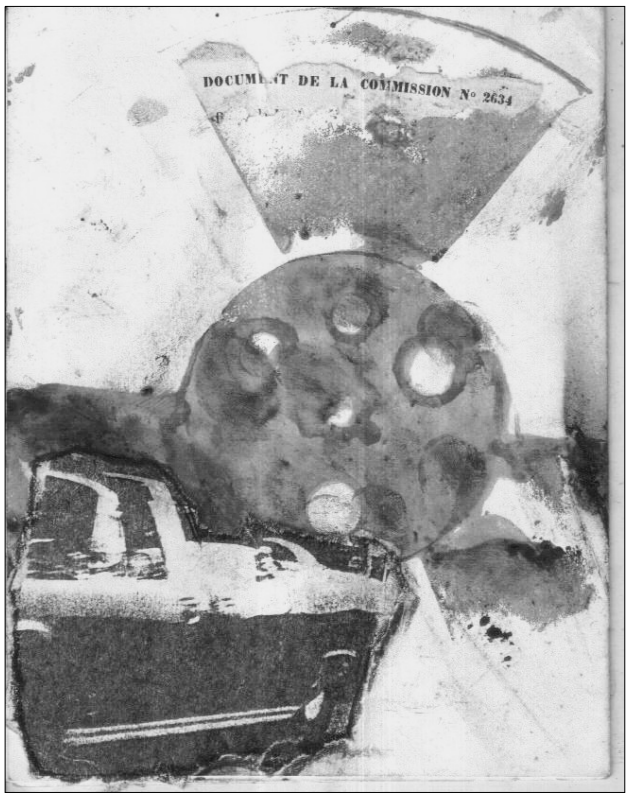
Писатель. Нет, не думаю. Присаживайтесь. Как вам понравился город?

Елена. Очень понравился… Прекрасный вечер!

Писатель. Я попробую угадать, где вы были. В «Черепахе», верно?

Елена. Да. И ещё в «Последней инстанции».

Писатель. Как символично! Да, бедный простодушный Бруно, он себе не изменяет, всех женщин туда затаскивает, считает, что белое пиво, гусь с капустой и аура места способствуют соблазнению…



(*смеётся*) Никакого воображения, настоящая свинья. Он уже попытался соблазнить вас? Танцевал с вами?.. По-солдатски честно предупреждал, что я опасный человек. Ведь в заведении можно потанцевать, в этом весь секрет.

Елена (растерянно). Да, мы танцевали…

Писатель. И он пошло жал вам руку?

Елена. (Пожимает плечами, явно в замешательстве. Не знает, как реагировать)

Писатель. Вы ведь рано вернулись? Я все-таки дождался вашего возвращения, слышал, как подъехала машина. У него даже не хватает смелости вернуться за полночь! (*Внимательно смотрит на неё*) А у вас есть смелость и воображение, *(с издевкой)* эти два качества присущие истинному художнику? *(Медленно берет её за руку, подносит к своему лицу, вдыхает запах кожи, затем кладёт её пальцы себе в рот, прикусывает. Елена смущена. Писатель быстро отпускает её руку*) Ну не надо! Не смущайтесь, извините. Обо мне тут разное говорят… Не спешите с выводами, лучше сделать их самостоятельно. Вы не будете возражать, если я поставлю музыку? *(подходит к проигрывателю, ставит пластинку, наливает скотч садится в кресло звучит:*

Марлен Дитрих. Ты не хочешь купить себе использованные иллюзии, второсортные. Когда-то это были самые сладкие иллюзии, самые настоящие райские иллюзии. *(Писатель доливает скотч, слушает Марлен Дитрих, явно забыв о существовании Елены. Она не знает, что делать).*

Елена. Господин фон Дальвиц…

Писатель (Открывает глаза от неожиданности, смотрит на неё удивлённо). Давайте и мы потанцуем. *(Не дожидаясь согласия, привлекает её к себе, танцуют какое-то время молча)*

Марлен Дитрих. Ты даже не можешь себе объяснить, но в этом сумасшедшем раю ты влюбился в боль.

Писатель (*танцуя*). Влюбился в боль… Ты не хочешь купить себе использованные иллюзии?

Марлен Дитрих. Возьми мои иллюзии. Я продаю их за гроши, некоторые ради любви, некоторые ради слез…

Писатель. Некоторые ради любви, некоторые ради слёз.

Марлен Дитрих. Ты не хочешь купить себе использованные иллюзии, второсортные?

Писатель (Говорит спокойно, почти равнодушно). Зачем ты сюда приехала? Ты хочешь что-то выведать обо мне? Ты ведь больше недели здесь… видишь, я всё про тебя знаю. Кто дал задание? Эта старая крыса Харди? *(Резко наклоняет её назад, как в танго, и держит какое-то время в таком положении.)* Ну что ты смотришь?! Вы хотите уничтожить меня, да?! Ему было мало, что он чуть не угробил меня?! Ты приехала за новой сенсацией! Ты ведь работаешь на него, верно?! *(Отшвыривает её на диван.)* Господи, деревянная…

Елена. Господин фон Дальвиц, вы ошибаетесь… Уверяю вас!

Писатель. Встань!

Елена. Что?!

Писатель. Встань, тебе говорят… *(Смотрит оценивающе)* Ну какая ты переводчица?! Я, дорогая моя, повидал переводчиц… Ты просто (*прищуривается*) шпионка… Шлюшка! Я знаю таких, как ты… Быстрые поебушки в туалетах между фотосессиями! Вон отсюда, шпионка! Я по глазам вижу, что ты шпионка, у тебя глаза подозрительные. Ты уже достаточно узнала обо мне! Вон!

Женщина пятится к двери, выбегает из гостиной. Он допивает скотч. Звонит телефон, писатель поднимает трубку.

Писатель. Всё прекрасно, Бруно. Твоя протеже уже ушла спать. Спокойной ночи, родственник! (Гасит свет, понимается вверх по лестнице).

Марлен Дитрих. Не хочешь ли ты купить иллюзии? Всё для тебя…

Сцена 7

Воскресный полдень следующего дня. В саду накрыт обеденный стол, возле которого хлопочет Роза, ей помогает Мина. За столом старик в инвалидном кресле, под пледом. Скрюченные артритом руки в тёмных пятнах беспрестанно движутся по пледу. Входит писатель, он тщательно одет: прекрасно сшитый летний костюм, на шее платок яркого тона. Посматривает на дверь. Обращается к Розе.

Писатель. Где же наша обаятельная гостья?

Роза. Не знаю. Я ещё не поднималась наверх.

Писатель. Я сам схожу за ней. *(Входит Бруно. Он тщательно одет, впрочем, как всегда.)*

Писатель. (С издёвкой) Бруно, ты не пригласишь нашу милую гостью к семейному столу? Она ещё наверху. Думаю, ты достаточно познакомился с ней, чтобы войти в её спальню.

Бруно. Не настолько, Александр, не настолько. *(Щелчком снимает с плеча несуществующую пылинку, расправляет плечи, приосанивается, откашливается)* Как отец?

Писатель. От обезболивающих ему, по-моему, хуже. Вы с нашим жизнерадостным доктором решили превратить его в овощ? У него совершенно обессмыслились и потускнели глаза.

Бруно. Не мели чушь, Александр.

Писатель. (Нервно) Я не позволю вам превращать дом в Равенсбрюк! По-моему, вы, парочка садистов, издеваетесь над стариком.

Бруно. Зато ты желаешь его смерти.

Писатель. Я от всей души желаю тебе такой жизни.

Бруно. Прекратим этот разговор, решения принимаю пока ещё я.

Писатель. Да, я знаю, традиция прежде всего, Интересно, когда он не сможет сидеть, превратившись в обрубок без ног и рук, вы всё равно будете выносить его к столу на эти дурацкие семейные обеды?

Входит Елена. Разговор обрывается. Писатель меняет выражение лица, на ироничное. Она в удлиненном, несколько декольтированном платье. Тёмное кружево лифа, и серый отлив чёрного шёлка. Волосы уложены в высокую прическу.

Елена. Добрый день.

Писатель. Добрый… Как спалось?

Елена. Спасибо, хорошо.

Бруно. Сюда, пожалуйста. *(отставляет ей стул.)*

Елена. Благодарю…

Повисает тяжёлая пауза.

Бруно. Елена, какой роман Александра вы выбрали?

Елена. «Пустые мысли», но я ещё не получила согласие автора.

Писатель. (Обращается к Розе) Сегодня очень вкусный суп! Спасибо, Роза.

Роза и сиделка хлопочут возле старика, пытаясь покормить его.

Роза. Благодарю вас, господин фон Дальвиц.

Бруно. Да, очень вкусно… Почему бы тебе Александр, не дать согласия?

Писатель. Я не нуждаюсь в посредниках, Бруно. *(иронично*) Мы можем сами договорится обо всём, верно, Элен? (*Берёт лежащую на столе руку Елены, целует её.)* Это горькая правда, что даже у великих людей…

Елена. …есть порочные связи.

Писатель (Поднимает брови, имитируя удивление). Сна нет, и снова мысли о смерти, помню о смерти, и мне не уснуть. Всё появляется, чтобы исчезнуть…

Елена. …Жизнь мне дана, чтобы прочь ускользнуть!

Бруно. Браво, Елена! Ну что, получил, умник?!

Писатель. Я не так добродушен, как ты, Бруно… Продолжим?

Елена. Отчего ж нет…Ему было тридцать лет, он был красив, умен, не имел нравственных устоев, и, таким образом, вполне соответствовал отводимой ему роли…

Писатель. Вольмону было тридцать лет… Вольмону, Элен! 1788 год, Бастилия. *(Усмехается.)* У маркиза была страсть описывать семейные неурядицы.

Елена. В его романах все сводится к свободе, в его жизни все свелось к ограничениям.

Писатель. Все же кое-что он успел урвать для себя. Молоденькая гражданка Роза Келлер успела доставить ему укол истинного наслаждения, её имя осталось в веках… Продолжим?

Бруно. Ну хватит, честное слово, это уже похоже на коллоквиум. Элен, не отвечайте этому злодею…

Писатель. Даже подумав о твоих ботинках, я должен испытывать страх, тут уж женские ножки не впечатляют, а если хочешь моей ласки - ты ведь помнишь её - если хочешь почувствовать её ещё раз, то оставь след от них..

Елена. (Смеётся) сдаюсь…

Писатель. Ладно, напоследок…Госпожа, ты можешь связать меня на столе, туго стянуть, десяти-пятнадцати минут достаточно, чтобы подготовить инструменты… Больше цитат нет, одни желания. *(Обращается к Елене)* Подумайте…

Елена. (Фыркает)

Бруно. Александр, ну будет тебе… Твоя шутка по-моему далеко зашла.

Писатель. Я не шучу… Мне было интересно. Думаю, мы как-нибудь вечерком продолжим…

Елена. Не знаю, моя работа не продвигается, я наверно скоро уеду.

Писатель. Жизнь подражает искусству, не спешите. Всё ещё только начинается.

Бруно. Вы не хотите сегодня сходить в гости к моим хорошим знакомым?

Писатель. К кому это?

Бруно. Тарнавские просили меня познакомить их с Еленой.

Писатель (Иронично). Я не советую ходить в дома, где нет приличной выпивки.

Бруно. Тарнавские интересные люди…

Писатель. О да, это так интересно!! Эмма всё ещё читает наивную эротику в стиле Полин Реаж, и они всё ещё изображают таааакую раскрепощённую пару…(*со злостью)* А за фасадом счастливой семейной жизни веет супружеской скукой протухших спален, стареющих тел, воскресных обедов, детских праздников!

Бруно. (Сухо.) Ничего плохого не вижу в крепких традициях на редкость дружной семьи!

Елена. Если можно, как-нибудь в другой раз, я бы хотела сегодня немного поработать.

Бруно. Да, конечно, но они будут с нетерпением ждать, я обещал вас привести.

Елена. С удовольствием познакомлюсь с ними.

Вечер того же дня. Гостиная (звучит «Коста Дива»). Писатель бесцельно бродит по гостиной, курит. Он в растянутой серой кофте, шарфе, пижамных брюках полосками поперёк. Подходит к книжным шкафам, достаёт книгу, звонит телефон, писатель берет трубку.

Писатель. Ну, наконец то… Я думал, ты забыла обо мне.

Абонент. (Молчание.)

Писатель. Ты многим звонишь?

Абонент. (Молчание.)

Писатель. Ну хотя бы скажи, как тебя зовут, моя радость?

Абонент. (Молчание.)

Писатель. Одно слово! Имя!

Абонент. (*Молчание.)*

Писатель. Мне было бы очень приятно… У тебя, должно быть, чудесное имя, имя, похожее на сорт мармелада… Анжелика? …Мона?

Абонент. (Молчание.)

Писатель. Может, имеет смысл поговорить о цене?

Абонент. (Молчание.)

Писатель. Сколько ты берёшь? Я на всё согласен…

Абонент. (Молчание.)

Писатель. Правда, я очень хочу встретиться с тобой. Ты меня заинтриговала…. Давай, дорогая, соглашайся, я жду … в 7? В 8? В любое время, всегда… Дверь будет не заперта. …Фридрихштр…

Абонент. (Бросает трубку).

Писатель. Вот чёрт! *(наливает скотч)*

Писатель поднимается по лестнице со стаканом и бутылкой в руке к комнате Елены, дверь приоткрыта, в мягком вечернем освещении видна переводчица. Она за столом, работает. Елена в мягких брюках и старом свитере.

Писатель. Можно войти?

Елена. Да… Да…

Писатель. Я вам тут кое-что принес. *(Отдает ей книгу).* Это первый вариант без поздних вставок и правок. Я до сих пор считаю его самым удачным. Тираж был совсем небольшой, потом я попытался немного поменять концовку, у вас более поздний вариант. (*Берёт со стола книгу).* И ещё …я написал предисловие к русскому переводу, но мне нужны некоторые сведения.

Елена. (Берёт листок с набранным на машинке предисловием, пробегает глазами). Да, хорошо, спасибо.

Писатель (Наливает виски, садится в кресло). А вы молодец… Я был уверен, что больше не увижу вас…. *(молчат*) Я вел себя безобразно… просто, как свинья, прошу прощения!

Елена (Тень от неприятного воспоминания пробегает по её лицу, но она сдерживается, молчит). …

Писатель (*Писатель тоже молчит*). Вас уже достаточно просветили… Вы ведь знаете обо мне?

Елена. Да… Теперь да.

Писатель. Прочитайте это (*протягивает ей измятый конверт, она вопросительно смотрит на него).* Прочтите, пожалуйста. Может, мне надо, наконец, поговорить с кем-то об этом.

Елена. Пробегает глазами письмо, затем протягивает ему назад, он берёт листы, сжимает в руке и так застывает: глаза невидящие устремлены в одну точку. Молчание длиться довольно долго. По лицу писателя проходят волны боли и страдания. Она в порыве сочувствия дотрагивается до него, он сползает с кресла, на колени, закрывает лицо руками, дрожь проходит по его телу. Елена наклоняется к нему, он берет её руки в свои. Они застывают в каком-то пароксизме узнавания, слияния и законченности жеста, образовывая отчётливую фигуру: коленопреклоненный мужчина и склонившаяся над ним женщина. Мельком он видит отражение в зеркале, и мгновенный укол наслаждения пронзает его.

(Продолжение следует)

Михаил Бойко

Аннигилингус

– …три, два, один, – досчитал вкрадчивый мужской голос.

Макс открыл глаза и оказался посреди просторного помещения.

В распахнутое окно врывался шум листвы и цветочный запах. С каждым порывом ветра белая коленкоровая занавеска надувалась как парус и медленно опадала на раскаленный подоконник. По навощенному паркету перетекала лужа света.

Прямо перед собой Макс увидел круглый столик из толстого красного стекла и черное штофное кресло, в котором сидела кареглазая шатенка. Голову она слегка откинула назад, словно подставляла шею для поцелуя. Блестящие пряди, стянутые узлом на затылке, полуприкрывали маленькие изящные уши. Губы призывно горели. А первые признаки увядания, появившиеся на ее лице, делали ее красоту неотразимой.

– Как вы здесь оказались? – без особого интереса спросила шатенка, рассматривая юношу.

Макс смутился, мучительно соображая, что ответить. Ни один из многочисленных вариантов никуда не годился.

– Хотела бы я знать причину вашего замешательства.

– Я даже не знаю, как вас зовут, – растерянно пробормотал он.

– Зовите меня Вилуина.

– Ви-лу-и-на, – медленно произнес Макс, то ли дегустируя слово, то ли что-то припоминая. – Мне кажется, мы встречались.

– Множество раз, хотя вам, наверное, будет трудно вспомнить где, когда и при каких обстоятельствах. Впрочем, все наши встречи похожи друг на друга. И сегодняшняя, я думаю, ничем не будет отличаться от предыдущих.

Макс поймал ее гипнотический взгляд и едва удержался на краю карей бездны.

– Вы странно на меня смотрите. Я по-прежнему вам нравлюсь? – спросила Вилуина, наслаждаясь его смятением.

– Этот вопрос тоже всегда повторяется?

– Конечно. А ваша уклончивость всякий раз выдает печальный недостаток такта…

– Я не имел в виду…

– …и прямолинейности. Придется прийти вам на помощь. Надеюсь, я вправе предположить, что нравлюсь вам, если вы пошли на риск быть обнаруженным в моей спальне?

– Да, – ответил Макс, обезоруженный ее логикой.

– Ну раз уж вы так далеко зашли в откровенности, то признайтесь, что пришли за доказательствами моего к вам расположения. В надежде, что я вам позволю, ну хотя бы… Впрочем, наверняка, вы все это уже проделали в своем воображении. Признайтесь же!

Занавеска на окне затрепетала, и в глубоком декольте Вилуины заиграли тени.

Макс покраснел.

– Вижу, что угадала. К счастью, у меня есть ваше письмо, в котором вы не столь скупы в выражении чувств.

Вилуина развернула сложенный вчетверо тетрадный лист и разгладила его на коленке.

– Вы здесь пишите, что моя красота обещает гораздо больше, чем чувственное забытье и неизъяснимое наслаждение. Она ассоциируется у вас с познанием чего-то сокровенного, изначального, имеющего отношение к смыслу жизни… Что ж, я польщена. Хотя это типичная иллюзия, характерная для первой стадии влюбленности, и выдает в вас человека, погруженного в мир своих вымыслов. Но то, что я столь сильно взволновала вас, меня, безусловно, радует и даже немного изумляет. Вас восхищает моя физическая оболочка, а у меня она не вызывает никаких эмоций, кроме раздражения от

необходимости поддерживать ее привлекательность. Но сейчас меня больше интересует, как бы поточнее выразиться… градус вашего чувства.

– Я бы отдал жизнь за возможность быть с вами!

– Да?! Брать жизнь за ночь любви? И вы думаете, я пошла бы на эротический плагиат? На то, чтобы уподобиться истлевшей конкурентке? Разве это не естественно – мечтать превзойти ее?

– Но что может быть значительнее этого?

– Ничего. Я отдамся вам из пустого каприза, ничего не требуя взамен. Было бы странно, если бы я торговалась из-за дара, который сама презираю. Тело, на которое вы взираете с таким вожделением, не является порождением моего ума, подсознания или воли. Оно представляет собой продукт генетики и внешней среды. Считайте, что я швыряю его вам, и даже не столько вам, сколько той силе, которая мне его навязала. А заодно вы получите познание самого сокровенного и изначального из всего, что только существует. Или не существует. Или существует и не существует одновременно.

– Разве это в ваших силах?

– Конечно. Если бы вы только знали, насколько это просто, – Вилуина слегка повернулась в кресле. – А теперь попробуем. Подойдите и помогите мне снять платье. На спине есть молния.

Макс дрожащими руками потянул замок и как будто потерялся на просторах белоснежного ароматного клина.

– Отвлекитесь. Здесь интереснее, – Вилуина сбросила с плеча бретельку и высвободила из кружевной чашечки левую грудь.

Макс почувствовал, как внутреннее горение переходит в озноб.

– Не правда ли, странно выглядит женская плоть – полусферы, выпирающие из других полусфер, – невозмутимо продолжала Вилуина. – Вы, наверное, думаете, что это просто млекопитающие отростки? Молочные железы, увенчивающие всхолмия жировой ткани? Не совсем так. В первую очередь это символы, мои инсигнии на право повелевать вами. Но я вижу, вы слишком волнуетесь. Обставим это иначе. Застегните молнию.

Макс не посмел ослушаться.

– На камине бутылка и бокал, – указала Вилуина. – Подайте их.

Макс перенес с каминной полки на стол фигурную бутылку и пузатый бокал.

– Вы любите коньяк?

– Не особо… – начал Макс и испуганно осекся.

– Пожалуйста, – вздрогнула Вилуина, – постарайтесь по интонации моего вопроса, догадаться, каким должен быть ответ. И поступайте так всякий раз во время нашей беседы. Это в ваших интересах. Итак, вы любите настоящий коньяк?

– Обожаю!

– Позвольте, я за вами поухаживаю.

Вилуина взяла фигурную бутылку. Коричневая струйка разбилась о дно бокала.

– Пейте!

Макс медленно цедил коньяк, с ужасом осознавая, что охватившая его дрожь не только не ослабевает, но даже усиливается.

– Поверьте, мне так же трудно, как вам, – успокаивала его Вилуина. – Очень сложно иметь дело с человеком, пока не завладеешь его душой. А я еще не проникла даже в преддверие вашей души. Когда же это неизбежно произойдет, то в ней не остается ничего, кроме того, что я пожелаю в ней оставить

Иллюстрация Адины Карасик (США)
Illustration by Adeena Karacick

или в нее вложить. Хочу вкратце обрисовать, что с вами будет происходить. Сначала вы начнете воспринимать себя, как нечто чуждое вашему телу, отождествляя себя со мной, с той, которую вы неистово любите и ненавидите. В вашем сознании под воздействием снов, ощущений, воспоминаний и поведенческих стереотипов станут возникать фантазии, связанные с подсознательными и инстинктивными функциями мозга. Постепенно они будут осознаваться как однообразные, повседневные, банальные, привычные и эмоционально нейтральные ситуации, по которым жизнь проходит словно на автопилоте. На этом уровне восприятия начнется подмена вашей личности моей волей. Вы будете ощущать это, как вторжение в ваше сознание постороннего субъекта, и должны всячески способствовать этому.

– И что тогда? – спросил Макс и сделал большой глоток.

– Вы станете чем-то вроде автомата, приводимого в движение моими мыслями. Нашими мыслями.

– Нашими?

– Да. Видите, я уже не противопоставляю себя вам! Впрочем, успокойтесь, это произойдет нескоро. Но тогда вы с улыбкой будете вспоминать о вашем сегодняшнем конфузе... Кстати, вам не кажется, что стало холоднее?

И вправду за окном потемнело. Листва шумела уже не успокаивающе, а слегка тревожно.

Вилуина нащупала на подлокотнике кресла пульт. Спираль электрокамина стала раскаляться.

– Мне не хотелось бы, чтобы вы воспринимали все, что я говорю, буквально. Есть такие юноши – с голодным вычислительным мозгом, изъеденным прочитанными книгами, ну знаете… которые все запоминают, анализируют. Это люди-свищи с выгнившим ядром, гнилые струны, рвущиеся от любого напряжения. Вы же не из их числа? Не правда ли?

Макс кивнул головой.

– Видите, вы уже не дрожите.

Вилуина поставила его перед собой на колени и положила его руки на свои бедра.

– Вы должны понять, что из всех удовольствий человеческой жизни одно из самых главных, если не самое главное, состоит в подчинении. В том числе в подчинении своим тайным желаниям. Действуйте по наитию. Будет очень опрометчиво с вашей стороны, если вы дадите мне повод думать, что сомневаетесь в моем праве ожидать от вас полной самоотдачи. А теперь медленно ведите руки вверх, приподымая подол платья. Сейчас ваши уста займутся тем, чего они жаждут больше всего, а я займусь упражнением вашего ума.

Вилуина откинулась на спинку кресла, положив пальцы на виски Макса.

– Мне бы хотелось, чтобы вы уловили смысл моих слов, а не их внешнюю форму. Вы хотели приобщиться к познанию самого сокровенного и изначального. Как вы полагаете: что это такое? Некая информация, которую можно перелить из одной головы в другую, подобно тому, как можно пересыпать крупу из одного мешка в другой? Конечно, нет. Постылая и в корне ложная точка зрения. Совершенное познание, понимание чего-либо – это не обретение ответов на какие-то вопросы, а исчезновение самих вопросов. Человек понимающий от непонимающего отличается не содержанием памяти, а самоощущением…

Вилуина дышала все чаще. На ее бледном лице проступил яркий румянец. Но она продолжала говорить ровным менторским тоном:

– Посредством моего тела вы можете уловить неизвестные отношения, связующие самые далекие явления. Это звучит несколько странно, но все, о чем мы говорим и что нас окружает, – это, в сущности, метафоры. Вы спросите: неужели и я метафора? Я – нет, но каждая моя часть – да. Разве та часть моего тела, которую вы в данный момент лобзаете, не есть метафора того, что вы надеетесь посредством ее обрести?..

Вилуина сладко застонала, но усилием воли совладала с собой. Теперь ее слова вырывались отрывисто и с длинными паузами.

– Не правда ли, в данный момент у вас нет никаких вопросов, вас больше не терзают сомнения и совершенно не волнует смысл жизни. Но, может быть, в каком-то уголке вашего мозга пульсирует страх, что состояние познания сокровенного и изначального, в котором вы сейчас пребываете, неподлинно или несовершенно, поскольку в любой момент может прекратиться? Мой юный сумбуролог, беспричинность этого страха легко обнаружить. Непродолжительное познание не является менее подлинным или менее совершенным, чем продолжительное. Знание, накопляемое в памяти, является более надежным и устойчивым, но к мимолетным прозрениям оно относится примерно так же, как копия к оригиналу. Не думаете же вы, что мое тело, несмотря на его физические изъяны, является чем-то менее подлинным или менее совершенным, чем моя фотография, хотя она и во много раз долговечней.

По телу Вилуины прошли судороги. Она выгнулась в кресле, запрокинула голову и еще сильнее сжала виски Макса.

– А теперь забудьте все, растворитесь в ощущениях. Позвольте абсолютной пустоте заполнить ваше сознание. Пусть мир как представление обратится в ничто. И пусть мир как воля обратится в ничто. После упразднения любых границ и крушения мира, нам предстоит окончательно слиться и дотла исчезнуть. До встречи!

Макс почувствовал, как сознание брызнуло из него, будто паста из тюбика, и впал в забытье, из которого его вывел вкрадчивый мужской голос:

– …три, четыре, пять. Как вы себя чувствуете?

Макс увидел перед собой трехдневную щетину Марка Эдуардовича и приподнялся на кушетке.

– Я что-нибудь говорил… только что?

– О, да! – воскликнул психоаналитик. – Вы сказали много интересного. Я все записал. У нас есть над чем поразмыслить…

2002

Андрей Чемоданов

Говно и жизнь

Говно, оно как музыка: самая неизбежная и непредсказуемая вещь в мире.

Говно может быть твердым как обещание и тяжелым как вина, крепким как мужское рукопожатие и нежным как материнское прикосновение, крутым как кипяток и жгучим как адово пламя, холодным как расчет и сухим как буква закона. Оно может быть извилистым как горная тропа и закрученным как поросячий хвостик, тонким как намек и резким как отказ. Может быть белым как стих и черным как блюз, может быть алым как стяг и зеленым как новобранец, может быть тигровым и леопардовым+

Созерцая собственное говно ты можешь почувствовать себя кроликом или львом, царем или рабом, палачом или жертвой, героем или предателем.

Невольно вспоминается стихотворение:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.
Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно говно угадать
В еще незнакомой улыбке.

Говно таинственно и, подобно айсбергу, почти всегда скрыто от посторонних глаз. Однажды я участвовал в забое и расчленении кролика. Так вот: говно, находившееся внутри кролика и качественно и количественно превосходило самые смелые ожидания. Наверное, при жизни он и за неделю не смог бы вывести наружу СТОЛЬКО ТАКОГО ГОВНА. Внутри нас всегда спрятано больше.

Иногда его нет с нами. Когда я был младшим школьником оказавшимся в незнакомой обстановке, оно пряталось где-то в глубине меня и наотрез отказывалось высовываться.

Так могло продолжаться и два и три и четыре дня. Через дюжину лет, в советской армии, "по большому" не хотелось уже не четыре дня, а четыре месяца. Все переваривалось без остатка и выделяться через задницу было просто-напросто нечему. Казалось бы, можно было бы испугаться что там все ссохнется, но на это тоже не было сил и времени.

Приход говна это самый крутой приход. В разные моменты твоей жизни он то скоропостижен, то долгожданен, то неумолим. Бывает внезапным как приступ и неотвратимым как наказание, предательским как подножка и спасительным как своевременный глоток пива. Порою он застает врасплох, подобно удару в челюсть, порою заставляет сорваться с места, подобно звонку возлюбленной, а иногда он - всего лишь повод покинуть скучное мероприятие жизни и побыть наедине с собою. С книгой. С говном. Помню, когда я был женат, это было особенно актуальным.

Говно на выходе достойно особого рассмотрения. Не суть важно, что давешний перец вызывает жуткое жжение или что недавно нечаянно и безболезненно проскочившее глотку картонное (или все-таки металлическое?) нечто встало вдруг поперек. Говно может быть пузырчатым как пена для бритья, но может быть и сыпучим как перловая крупа. Может распыляться как из газового баллончика, но может бить прямой сногсшибательной струей как из брандспойта. Может лететь вправо или влево, а может, как пуля со смещенным центром тяжести, внезапно менять направление. И, в конце концов, мы все это прекрасно знаем, оно может не только плавать, но и тонуть.

Многие этого не замечают, но говно может не пахнуть вообще. То есть нужно оглянуться и посмотреть, дабы убедиться в его существовании. А может пахнуть чем и как угодно. Это может быть запах йода и запах вчерашних щей, запах скисшего молока и

запах свежей крови, тончайшие запахи конфет и полнотелый аромат метрополитена, запах морга и запах зоопарка, банальный запах кедровой хвои и клёвый запах салона нового автомобиля, запах честного слова и запах нечистой совести... Хуже всего пахнет пивное и чесночное говно, а лучше всего, если заполночь дернуть одеколона "русский лес", то незадолго до рассвета оно именно им и пахнет. Нет, конечно, не русским лесом, а одноименным одеколоном.

Odor rosarum manet in manu etsiam rosa submota - запах розы остается на ладони, даже когда роза отброшена (лат.)

Итак, что я нахожу в говне? Оно воистину неисчерпаемый кладезь. Неравнодушный взгляд диетолога различит мерзкие, похожие на жуков, арбузные семечки, коричневые и белесые слезинки яблочных и апельсинных косточек, мелюзгу виноградных и горчичных,

желтую картечь кукурузных зерен (зачем ты ее вообще ел, если она осталась такой же какой была?). Зоолог обратит внимание на кошачьи и мои собственные волосы, изредка попадутся женские, а в их числе и лобковые локоны. От него не ускользнут ни мелкие косточки птиц, ни волокна жил, ни чешуя воблы, ни хорошо сохранившееся жабры и глаза снетков. Антрополога заинтересуют каучук стиморола, щепки разгрызенных карандашей и разжеванный колпачок от авторучки (которые осталось в далеком, докомпьютерном прошлом), щетина зубной щетки, расплющенная коронка и через некоторое время сам коренной, дробинка (из подаренной охотниками дикой утки) которая и доконала вышеупомянутый зуб.

В говне содержится все: эрудиция, эстампы, мягкие подушки и свет интимной лампы, маски, позы два листа прозы...

И опять же помню: в детстве любил глотать нержавеющие фигульки: гайки и винтики из конструктора, а потом обнаруживать их в какашках точно такими же даже еще ярче блестевшими. "Хорошо что, даже пройдя весь пищеварительный ад, кое-что не меняется вот образец упорства героизма бессмертия и т.п.", -- думал я. Но теперь, слегка переваренный экологией образом жизни возрастом и т.п. , понимаю что лучше когда они и т.п. не проходят зря. и вообще-то говно интересней стали.

Некоторых людей говно приводит в настоящий экстаз. Однажды я посетил в туалет некоего дворца пионеров. Заглянул в кабинку и остолбенел: судя по всему, какой-то пятиклассник устроил там настоящую говняную оргию: коричневые отпечатки детских ладошек покрывали бачок, кафель, фанерные стенки, пол и даже лампы дневного света (и как только он смог до него дотянуться?), поверх всего этого великолепия красовались щедрые веера брызг... Представляю как сей тайный адепт культа кала тщательно моет руки и с невинным видом выходит к сидящей в вестибюле мамочке: "ну что, может -- по мороженному и - домой?"

Иллюстрация Эдуарда Кулёмина
Illustration by Edward Kulemin

глеб коломиец

вы

1.
вы все хорошие, а мы плохие,
вы все добрые, а мы злые,
вы все образованные, а мы необразованные,
вы все возвышенные, а мы приземленные,
вы все элита, а мы плебеи,
вы все законнорожденные, а мы ублюдки, зачатые во грехе,
вы все легитимные, а мы самозванцы,
вы все умелые, а у нас в руках мухи ебутся,
вы все изобретательные, а мы не можем даже придумать антоним к слову «изобретательный»,
вы все профессионалы, а мы дилетанты,
вы все талантливые, а мы бесталанные,
вы все умные, а мы безумные,
вы все делаете философию в России, а мы её провинциализируем,
вы все писатели, а мы графоманы,
вы все великие актеры, а мы шуты гороховые,
вы все вменяемые, а мы сумасшедшие,
вы все здоровые, а мы заражаем всё вокруг себя,
вы все писаете в унитаз, а мы повсюду территорию метим,
вы все смелые, а мы ссыкливые,
вы все белая кость, а мы гниды черножопые,
вы все евреи, а мы жиды,
вы все кавказцы, а мы чурки,
вы все гомосексуалисты, а мы пидары гнойные,
вы все легальные рабочие, а мы гастарбайтеры,
вы все эксцентричные, а мы обыкновенные,
вы все стильные, а мы чмошники,
вы все модные, а мы абрыганы,
вы все актуальные, а мы вышли в тираж,
вы все вступаете в открытую конфронтацию с властью, а мы ссым по ляжкам,
вы все румяные, а нас всю ночь ебали и не заплатили,
вы все упитанные, а мы как узники освенцима,
вы все столичные, а мы быдло деревенское,
вы все православные, а мы еретики,
вы все дружные, а мы грыземся, как псы,
вы все прекрасные, а мы уроды,
вы все великие, а мы презренные,
вы все активные производители, а мы пассивные потребители,
вы все утонченные, а мы утолщенные,
вы все уникальные, а мы серая масса,
вы все своеобразные, а мы безобразные,
вы все охуенные, а мы хуёвые,
вы все невъебенные, а мы уебаны,
вы все прописаны в Москве, а мы вам завидуем,
вы все знаменитые, а мы вам завидуем,
вы все успешные, а мы вам завидуем,
вы все состоявшиеся, а мы вам завидуем,
вы все заслуженные, а мы вам завидуем,
вы все известные, а мы вам завидуем,
вы все обласканные, а мы вам завидуем,
вы все награжденные, а мы вам завидуем,
вы все нас презираете, а мы вас ненавидим.

2.
у вас хорошо, а у нас плохо,
у вас отлично, а у нас неуд.,
у вас стоит, а у нас импотенция,
у вас прочные позиции, а у нас хлябь и трясина,
у вас множество возможностей, а у нас ни одной,
у вас нравственность, а у нас разврат,
у вас фермерское хозяйство, а у нас колхоз,
у вас строго научное мышление, а у нас пустое оригинальничанье,
у вас авторская оптика, а у нас смерть автора,
у вас непревзойденное мастерство во всем, а у нас хуйня из-под коня,
у вас соборность, а у нас коммуналка,
у вас единство, а у нас разобщенность,
у вас концептуализм, а у нас высер,
у вас современное искусство, а у нас бездарная мазня и мусор,
у вас революционная борьба, а мы язык в жопу засунули и молчим,
у вас многогранные личности, а у нас тотальное обезличивание,
у вас небывалый расцвет русской поэзии, а у нас буйство графомании,
у вас демократия, а у нас авторитаризм,
у вас социальная защищенность, а у нас зашел за угол, не убили, скажи спасибо,
у вас полиция, а у нас милиция,
у вас цветущая сложность, а у нас отцветшая простота,
у вас всеобщее развитие, а у нас поголовная деградация,
у вас строительство, а у нас разрушение,
у вас сухой закон, а у нас детский алкоголизм,
у вас урожаи, а у нас засуха,
у вас высокая культура, а у нас массовая,
у вас Сорокин, Пелевин и Акунин, а у нас Донцова, Дашкова и Устинова,
у вас наука, а мы щи лаптем хлебаем,

у вас иерархия, а у нас анархия,
у вас дети, а у нас выблядки,
у вас таунхаусы, а у нас хрщобы,
у вас много друзей, а у нас их вообще нет,
у вас добрососедские отношения, а у нас война всех со всеми,
у вас сокровищница русской классики, а у нас анекдоты про поручика ржевского,
у вас история великого народа, а мы Иваны, не помнящие родства,
у вас шестая часть суши, а у нас ни хуя,
у вас нефть, а у нас ни хуя,
у вас газ, а у нас ни хуя,
у вас алмазы, а у нас ни хуя,
у вас деньги, а у нас ни хуя,
у вас таланты, а у нас ни хуя,
у вас человеческое достоинство, а у нас ни хуя,
у вас гордость, а у нас ни хуя,
у вас достижения, а у нас ни хуя,
у вас карьера, а у нас ни хуя,
у вас добродетели, а у нас ни хуя,
у вас власть и сила, а у нас ни хуя,
у вас родина, а у нас ни хуя,
вы живете в России, и мы тоже.

3.
вы приносите пользу отечеству, а мы дармоеды,
вы происходите из древних дворянских родов, а мы потомственные нищие,
вы неустанно работаете на благо человечества, а мы хуй на это положили,
вы приумножаете богатства культуры, а мы не знаем, что это такое,
вы экспертное сообщество, а мы должны вас слушать,
вы призываете к миру и дружбе, а мы точим топоры и вилы,
вы защищаете права человека, а мы над ними глумимся,
вы никогда не ругаетесь матом, а мы на нём разговариваем,
вы не позволяете себе грубостей, а мы блядь позволяем, хуесосы ебливые!
вы внимательны и отзывчивы, а мы чуть что – сразу по ебалу,
вы в зените славы и добра, а мы черви пресмыкающиеся,
вы всегда выше толпы, а мы ниже плинтуса,
вы выполняете почетное предназначение, а мы влачим жалкое существование,
вы активно участвуете в социальной работе, а мы даже говно за собой убрать не можем,
вы боретесь за повышение рейтинга, а нам насрать,
вы всегда в хорошем настроении, а мы устали утомляться,
вы лучитесь бодростью и оптимизмом, а наше завтра будет страшнее, чем сегодня,
вы получили образование в лучших учебных заведениях мира, а нас из сельской школы выгнали за прогулы и пьянство,
вы выступили в защиту арт-группы «Война», а мы обоссались и штаны сушили на батарее,
вы всегда говорите правду в лицо, а мы врем и увиливаем,
вы направляете ноты протеста против угнетения малых народов, а мы прислуживаем тоталитаризму,
вы созываете саммит ООН, а мы скребем мелочь на опохмел,
вы занимаетесь геополитикой, а мы продаем свои голоса на выборах за пайки,
вы помогаете детям, пенсионерам и инвалидам,
а нас даже близко к ним нельзя подпускать,
вы выглядите на миллион долларов, а мы на пару центов,
вы встречаете свою любовь, а мы дрочим,
вы достигаете предела человеческих возможностей,
а мы дрочим,
вы открываете новые горизонты, а мы дрочим,
вы восстанавливаете утраченное, а мы дрочим,
вы определяете, какой будет наша жизнь завтра,
а мы дрочим,
вы приобретаете богатства, а мы дрочим,
вы дарите женщинам цветы, а мы дрочим,
вы получаете счастливый билет, а мы дрочим,
вы величественно мастурбируете, а мы…

4.
вы
невероятные,
восхитительные,
умопомрачительные,
гуманные,
вдумчивые,
развитые,
статусные,
обеспеченные,
респектабельные,
разумные,
добродушные,
позитивные,
невинные,
доверчивые,
влиятельные,
внимательные,
сердечные,
открытые,
коммуникабельные,
интересные,
передовые,
чистые,
светлые,
радостные,
привлекательные,
креативные,
механические,
электрические,
цифровые,
сетевые,
эргономичные,
кислотные,
урбанистические,
техногенные,
резиновые,
латексные,
полупроводниковые,
светодиодные,
флуоресцирующие,
сенсорные,
ручные,
автоматические,
полуавтоматические,
неорганические,
заимбические!

вы МЕРТВЫЕ, а мы ЖИВЫЕ.

Обзоры и рецензии

ки долгами, что дело искусства — со[illegible]ые объекты», а не подобра-
есть, после того как в течение [illegible]ствовы и сами художни-
отрицание реализма, в [illegible]ратворение того, что уже
ти. После того как [illegible]стского искусства стало
Нельзя от[illegible]ванной послеобразнос-
говорит [illegible]ки прибавлять к ним новых» *** —
[illegible]ит что-нибудь? «Мир полон предметов
[illegible]ждением». мнром. Значит все это? Разве
[illegible]ляется с точки зрения концептуализма только раз-
[illegible] и практическая художественная деятельность длинного ря-
[illegible]гоألтамиры и Мадлен, трудился своей рукой, и потому его
[illegible]ницей. Даже первобытный мастер, покрывший своими рисунками
будь подражанием африканским масках или архаическому искусству первых
менить работу с натуры в мастерской или под открытым небом какими-ни-
кла идея не может иметь иного общего с тем, что происхо в своем вообра-
жении Леонардо, если бы даже он никогда не брался за кисть.

Такой итог величайшей революции, предложенной светой концептуа-
листов. Она состоит в полной отмене деятельности художника, которая
выдвинула его на одно из первых мест среди людей, создавших многолюдную
культуру человеческого общества. Здесь речь идет уже не о том, чтобы за-
нять работу с натуры в мастерской или под открытым небом какими-ни-
будь подражанием африканским масках или архаическому искусству первых
[illegible]ницей. Даже первобытный мастер, покрывший своими рисунками
[illegible]гоألтамиры и Мадлен, трудился своей рукой, и потому его
[illegible] и практическая художественная деятельность длинного ря-
[illegible]ляется с точки зрения концептуализма только раз-
[illegible] «отчуждением» мнром. Значит все это? Разве
[illegible]ит что-нибудь? «Мир полон предметов
[illegible]ки прибавлять к ним новых» *** —
[illegible]

Эдуард Кулемин. стр. 265 (см. Apollo-concept).

* Millet C. Op. cit., p. 28.
** "Jardin des arts", 1971, N 202, p. 4.
*** Arte povera, p. 43.

Выявление двойственности

Рецензия на книгу:
Ганеши К. Белокурая бестия. Магнитогорск: Дом печати, 2010.

Всякий раз, когда мне приходится сталкиваться с «легитимированным» поэтическим текстом, отпечатанным, как правило, на плохой типографской бумаге, с заставкой в виде скромного пегаса, веточки некоего растения или фрачной лиры, я испытываю чувство отвращения. Фраза «небывалый расцвет современной русской поэзии» стала для меня чем-то вроде звонка, который вызывает у собаки Павлова рефлекторную рвоту. Буйство лирического блистания, объявшее в наши дни миллионы людей, можно сравнить с буйным разрастанием раффлезии – большого, яркого тропического растения с сильным трупным запахом.

И вот, в 2010 году выходит дебютная книга магнитогорской поэтессы Кати Ганеши «Белокурая бестия», манифест «Сверхагрессивного шедевризма». Сверхагрессивные шедевристы противопоставляют себя уточненным словоблудам, и утверждают, что «поэзия есть шедевр, если шедевр убивает поэзию».

Однако, интерес представляет не только радикально-брутальный настрой книги, но и целый ансамбль двоящихся фигур и двойственных тенденций, которые пронизывают книгу на разных уровнях. Двойственность становится частью оформления книги, поэтического языка К. Ганеши, образной системы. Любопытно и то, что «двоение» у поэтессы – не предмет повествования и не цель указательного жеста, оно, скорее содержится в самом факте и процессе бытования книги, как набор разнообразных, но взаимосвязанных модусов экзистенции. Именно поэтому, оставляя в стороне всю возможную широту метафизических трактовок (уже обозначенных в рецензиях В. Скирды, С. Яшина и В. Филатова), я постараюсь прочесть книгу К. Ганеши в духе материализма и шизоанализа.

Обложка книги «Белокурая бестия»

Первое столкновение с двойственностью происходит сразу, как только берешь глянцевитую, тяжелую «Белокурую бестию» в руки – книга рекомендует себя и как информационный носитель, и как арт-объект. Тексты стихотворений органично слиты с ярким и контрастным черно-белым дизайном (я считаю, следует назвать имя дизайнера - Анатолий Афанасьев). Каждое стихотворение, написанное черным по белому сопровождается «двойником», написанным белым по черному. Тексты, удвоенные таким образом, принимают иную форму существования – создается фигурный стих-абстракция, визуальная поэма. Если рассматривать книгу на расстоянии вытянутой руки, стихотворения превращаются в абстрактные формы, пятна Роршаха, вычурных насекомых, странные пиктограммы и т.д. – трактовка абстрактных форм ограничена лишь пределами воображения зрителя и его желаниями.

Этот формально-оформительский ход имеет не только эстетическое значение, но и служит прекрасной иллюстрацией коннективного синтеза – две машины желания, объединяясь, образуют новую. В случае «Белокурой бестии», читатель имеет выбор: либо следовать приказам языка и поглощать одну букву за другой, либо отдалить книгу от себя и просто получать эстетическое наслаждение, разглядывая её. Такова первая двойственность: текст-изображение.

При беглом прочтении тематика и стилистическое оформление стихотворений кажутся весьма консервативными. Взгляд, лениво скользящий от текста к тексту, выхватывающий строки наугад, непременно столкнется со словами «демон», «ангел», «единорог», «пантера» и другими атрибутами мистики, метафизики традиционализма. Однако, внимательный читатель может заметить в текстуальной ткани почти каждого произведения качественно иное движение, по природе глубинно материалистическое, отражающее тенденции современного капитализма. Двойственный прием разрыва-соединения слов, которым пользуется К. Ганеши, выражает имманентно присущее капитализму и капиталистическому сознанию стремление к уничтожению (раскодированию) любых кодов – языка, закона, знания и т.д.

Слова разламываются на куски, разрываются на части, реорганизуются или, наоборот, сливаются в

длинные многоосновные неологизмы. Приведу ряд словесных форм, которые основаны на разделении и/или слиянии слов: *«Си Я! Я!»* (из стихотворения «Агрессошедевренность»), *«Чу! Ма у Ма / Ведь Ма Ми / Цепенеет»* («Световой Укус»), *«Агрессошедевр - / Не некрокадавр! / Агрессошедевр - / Абракадабр!»* («Агрессошедевр») – почти в каждом стихотворении встречаются подобные формы.

Автор, пытаясь переформировать слова, рассечь их, найти одно слово в другом, создавая из них фонетические и смысловые ансамбли, совершает отчетливо выраженное движение к пределу языка, за которым означающее ничему не соответствует, а различия между разными словами, буквами и звуками исчезают. Поэзия разрыва-соединения, как и капитализм, стремится к тьме недифференцированного - туда, где возникает тело без органов. Вся суть капитализма и капиталистического письма состоит в том, что они постоянно отодвигают ту границу, к которой стремятся. Поэтому привычные формы языка отчасти восстанавливаются в капиталистической репрезентации на правах «актуального архаизма». Поэзия К. Ганеши точно и явно фиксирует принципиальную незавершенность этого движения.

Когда строка переполняется шорохом, шипением и стрекотанием согласных, за фасадом слов различим «белый шум» языка, непрерывный и нерасчлененный звук, который всегда дан слушателю целиком:

«Шедеврошагреневость!
Шедеврошагреневость!
Шедеврошагреневость!»

(из стихотворения «Шедеврошагреневость»)

Точно также «безъязыко» говорит недифференцированный ноль, когда растерзанные на слоги слова срываются в визг, вой, истерику:

«ре
во
ль
вер
рёв
ль
во
ре
ер
вер
во
ль

хер герма: ФФФФФФФФФФФФФ!
Родит!»

(стихотворение «Werwolf Herma»)

Это стихотворение открыто как для «горизонтального» прочтения, когда окончание слога тянется, обращаясь в некий ультразвук, не желающий умолкать, так и для «вертикального», когда скольжение сверху вниз и снизу вверх открывает в стихотворении вой и хрип зверя.

Таким образом, письмо К. Ганеши нельзя отнести к феодальной, деспотической системе репрезентации, которая гарантирует соответствие Слова голосу Бога или его представителя – Деспота и делает из Слова носитель религиозных догм и откровений. Поэтика «Белокурой бестии» промахивает мимо смысла, мимо догмы и попадает на территории, где главенствует довербальное. Разрыв-соединение – это вторая двойственность книги.

Читая «Белокурую бестию», я столкнулся со странным двоением гендерных ролей.

Ярко и рельефно предстает передо мной образ «сильной самки», «пантеры», настроенной на тотальное насилие, агрессивное проникновение в плоть, переломы, пулевые и ножевые равнения для всех, кроме агрессивного и сверхмаскулинного самца: «Зверица отдается Силе!» (из стихотворения «Принц роскошный»). Образ недвусмысленно животный.

Однако, в некоторых стихотворениях (например, «Цацный цап» и «Четыре демона») встречается и другой, очень человеческий, образ. К. Ганеши описывает территорию, где «Король – лишь Королевы / скрытый ход», мужчина – «целки раб», объект тайной и тонкой манипуляции.

Соседство двух гендерных «подходов» порождает ряд любопытных смысловых завихрений. Возникает вопрос, не служит ли один из этих «подходов» прикрытием для другого, или, проще говоря, не скрывается ли за образом прямолинейно-агрессивной «сильной самки» другая – хитрая, лживая и коварная? Возможно ли такое взаимодействие образов в общем смысловом поле книги? Я склоняюсь к положительному ответу, ведь такое прочтение сообщает книге заряд опасности и коварной двусмысленности.

Читатель, пошедший по этому пути, может трактовать садистскую позицию сильной самки и её декларативное упоение насилием как формы мимикрии, позволяющей выжить при столкновении с более агрессивной особью и тщательно маскирующей её истинные задачи – подавление, подвешивание, манипуляцию. Зов насилия и обещание зверицы «отдаться Силе» становятся ультразвуковым манком для самца, ослепленного желанием стать повелителем сильной самки, и, неожиданно для себя, оказывающегося в состоянии саспенса (подвешивания). Безусловно, образ садисткидомины, созданный Катей Ганеши, принадлежит не только поэзии, но и философской антропологии, психологии, психоанализу. Возможно, именно в этой точке и кроется основа «мнимого садомазохистского единства», третьей двойственности, с которой я столкнулся в ходе чтения.

«Белокурая бестия» заканчивается так: «Поэтов нужно бить и Fешать? За-Гон-ешить! За-Fиг-ешить!».

Во времена цветения раффлезии трудно переоценить актуальность этого призыва. Как выяснилось из анализа гендерных фигур, бить и вешать – не одно и то же. Так что, сверхагрессивные шедевристы готовят поэтам широкий арсенал воздействий – как лобовую жестокость, так и изощренный саспенс.

Я могу лишь выразить скромную надежду на то, что книга Кати Ганеши предвещает появление все большего количества авторов, которые выражают в своих произведениях глубинно капиталистические тенденции, способны казнить, наконец, постылую феодальную культуру России и избавить всех честных людей нашей страны от запаха раффлезии.

Ждем новых двойственностей и двусмысленностей от русской поэтессы

- Глеб Коломиец.

ШЫШЕЛ-МЫШЕЛ УБИВАТЬ ВЫШЕЛ! АННИГИЛЯЦИЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ШИЗОБЕСКОНЕЧНЫХ

(ANTI-GLEB)

Wenn Satan seine Macht verspielt hat, schickt er eine Frau.
— Hier bin ich!

Когда Сатана проигрывает свою Власть, он посылает женщину.
— Здесь я!

Когда Жиль Делёз (а не Глеб Коломиец) покончил с собой — на самом деле, пришёл конец не новому (в смысле времени) французскому философу «шизоанализа», а старой (в смысле душевных заболеваний) теории множественности. Та самая хвалёная «множественность» вдруг слилась, исчезла… рассеялась через обретение единственной «единственности» — Смерти. То есть, в древнем реале архе-тип-нутого Psycho, Жиль Делёз (без слёз) внезапно распался в некое Чистое Целое — непостижимую абсолютную Единицу Внеязыкового Смысла. Умерли лишь его наиболее скрытые (возможно, самые гадкие и похотливые) расщеплённые «внутренние тексты», которые всемирно-известный «мысленакопитель» так и не осмелился опубликовать.

Лучшим ответом (гр(о)бом, к(о)лом — на выбор!) для любого «анализа текста» как «клинической критики» всегда будет, конечно же, сама Смерть, а не унылое кли-кри-тическое шпыняние «негациями» и/или укокошивание «деструкциями». То есть к «двойственности» как «критики» обреченно-приговорена только сама же «дву-три-шизонутая» критика; и не просто так, а непременно (фигли-мигли!) под видом устойчивой языковой «единицы»; что, в свою очередь, не проясняет текст до «насквозь» непримиримой Сверх-Агрессии, но лишь хитро-лингво-подло изнутри «двоит» то же самое Нечто (текст) через то же самое Ничего (слово). Словом… «Дву»-«три»-смысленность Шизо! И, действительно, в «Смыслошизо» как в смысле Шизо, никакой «двойственности» нет! Есть лишь перманентная «репрессия единицы», хитро скрывающая себя под выявлением, якобы свободы «двойственности» от «единственности» Системы как повелевающего meta-кода Грозных Метанарраций. Причём, каждый раз, когда сия репрессивно-критическая «единица» навязывает свою/чужую «двойственность» Ничему (плоти-тексту), она скрыто-автоматически идентифицирует собственное «я» с той же самой Системой Метанарраций Ничего — от чего обильно «кончает» одновременно и концом, и началом на все, (не)разрешённые Системой, тайные «вопрошания» и «смыслы».

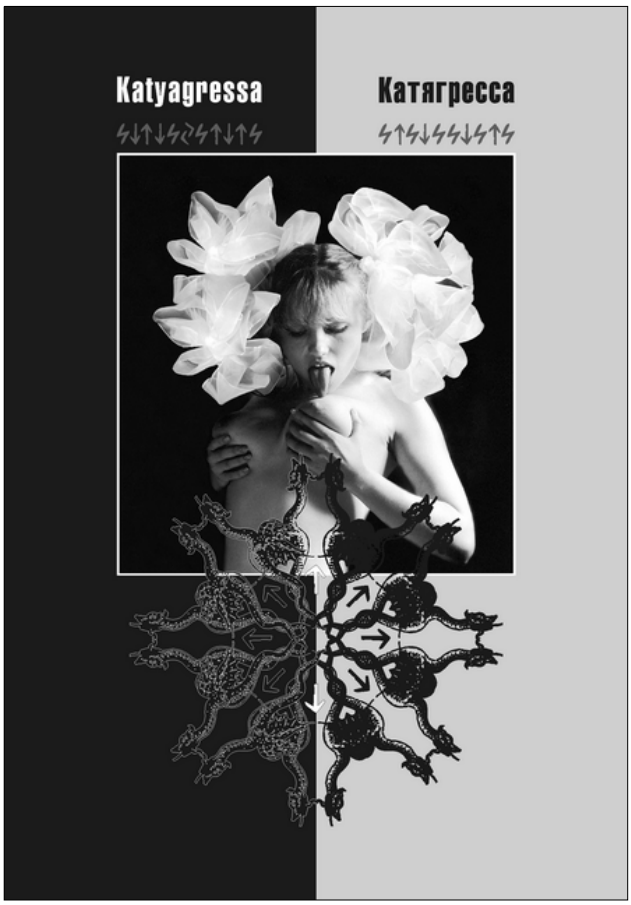
В литературной рецензии «Выявление двойственности», написанной молодым дерзким социал-нигилистом Глебом Коломийцем на книгу Кати Ганеши «Белокурая Бестия», доказательство моих сих скромных тезисов сразу же «кидается!»… сваливается, как шероховато-грубый, но добротный «рабочий кирпич» на голову свободного «gestalt» с крыши капиталистического Book-небоскреба. Читаем внимательно (но при этом бережём голову): «Вы-я-вле-ни-е двойственности»… В(ы) — явление двойственности! То есть, оказывается никакой свободы анализа и не «треба», так как сразу в названии статьи (скрыто-репрессивно!) звучит прямое пролетарско/буржуазное обвинение: «Вы» — «Я» как явление двойственности, а не свободная «боевая единица» анти-капиталистической направленности. Дальше статью можно (нужно) и не читать, ибо «преступник», а точнее «преступни-ц-ца!» выявлена, проименована и приговорена к обнаружению своего же «Сверх-явления» как высшей точки «капиталистической двойственности». Иными словами, присутствие обнаружило отсутствие и захотело его/её «отсуснуть», т.е. отсечь от реальности бунтующего и бьющего через край Великого Здоровья Сверх, принудительно засунув в жёсткие рамки «шизоанализа» как трижды-усиленной, через критические «репрессии», Системы; «System in System» — уже вне обещанных радужных надежд «номадических сингулярностей».

Браво, Глеб! Это, действительно, звучит революционно: Система есть текст, если текст есть пуля! Тысячи Шизо-Плато — это когда каждому Плато-ну ну не заплатят ничем, кроме пули. Во имя пули — «Тысячи пуль»! Поэтому самый совершенный «текст» Системы должен убивать сразу — с заглавия. Зачем плодить «рабов мысли», если их можно просто «убить». Если следовать скрытой логике Глеба Коломийца (а не Жиль Делёза), «суперрепрессивность» Системы должна опреде-

ляться «тут же пристреливаемостью» всех представителей Сверхагрессивного Шедевризма в лице (лике!) Кати Ганеши как реального гаранта своей Абсолютной Единственности. Читатель здесь (а он ещё пока до конца не убит ни Системой, ни Сверхшедевристами) лишён начисто любых альтернатив свободного выбора. Мало того, он просто (и до конца между) лишён даже своей «лишённости» в/от ума-лишённости. Читатель (чтоб он скорее сдох!) не может обнаружить даже своего с «ума» сшедшего «я» и ту крайнюю степень Psycho-репрессии, которую ему под видом «Не-я» уготавливает незримая Система в лице (мордочке) Глеба Коломийца. «Вы» — «Я»! «Я» — «Система»! А «Я» для Я-влени-Я «двойственности» уже (навсегда) не существует. Соответственно, каждого твоего/моего «Ты» — нет! Каждого моего/твоего «Я» — not! «Я» не существует в «Ты», ибо каждое просветлённое «Ты», в конце концов, просто-напросто пристреливает «Я»! И вместе с тем потрошит «Оно», конечно же Колошильцем! Так по Глебоделёзу — в подлинно-скрытой Системе Анти-идентификаций! — лингвистически прилежно «расстреляны» и «я», и «Оно», и «Сверх» по ту сторону всех смыслов сопротивления Системе через то же самое Шизо как лживую Систему Тысячи Плато-Шиз.

К сожалению, сегодня русская «психическая аналитика» в лице (в рылах!) её самых ярчайших декадентских представителей Алины Витухновской (Ваал), Вадима Руднева, Михаила Бойко (Лаав) заслонила своими зловещими Чёрными Иконами, Винни-Пухами и Сраными Уконами истинную суть рассечения «реальности» одним взглядом. Одним жестом! Одним приказом! Всё превратилось в то же самое (мелко) накопительское дерьмо «психо-слабо-словия», пусть даже и в неких (как кому-то-там представляется) священно-узорных планах Инобытия.

Чего же жаждет автор-Глеб, если он уже «мёртв» и как «автор», и как Текст — именно-именно «дву-автор-Текст», который как он/она/оно уже не хочет обнаружить «умирания» самого себя как «текста»? Глеб-Текст-Кол latent'но хочет настоящей — Делёзной! — Смерти, а не панического бегства «мёртвого автора» с поля битвы постоянных Революционных До-смыслов Мощи? Коломиец Глеб хочет загнать Кол в собственный ненавистный Text. Что мы, за него, весело-радостно (и!) делаем. Ибо сегодня уже не достаточно бить каждое «я» и каждое «ты», нужно давать в «харю» и «мы», и «вы», и «оно» прямо здесь и влево сейчас. Нужно безжалостно Аннигилировать все попытки «психоанализа» и/или «шизоанализа» претендовать на роль «выявителей» единичности, двойственности, тройственности «и так далей» как таковых. Великое Здоровье любит лишь двусторонне-острое лезвие ничем не схваченных Смыслов никому неведомой Борьбы. А значит — пусть Умирает (подыхает!) Глеб через Честный Кол — и как «текст», и как «автор», и как



Страница книги «Белокурая бестия»

«Система», и как «Смерть» — Глеб-Система-Смерть под маской Анти-Системы симуляций Жизни…

Итак, Шышел-Мышел убивать вышел! Итак — за т(а)к Сплошных Атак! Ибо нет никакой «свободы слова» — Слово есть тотальная «репрессия» того же самого Текста! Нет никакой длительной и тяжкой «болезни текста» с последующей «смертью автора», есть только рабская двойственность литературного Труда как та же самая Бодрийярова «отсроченность» Смерти. Труда, слышите — Глеб? — уже навсегда без «чувства юмора» при обнаружении Вашего окончательного «трупа». Вместо очищающей Миссии Шедевра Агрессии, вместо спасительно-брутального прихода Мессии Слова в виде Белокурой Бестии «шизоанализ» бегло за-приметил лишь текстовое «месиво», которым, на самом деле, является (лишь) он Сам — Сам-Шиз! В результате чего — читатели (которых уже нет) увидели лишь сплошное «лингвистическое мессиво» Ужасающей Мессы Безумия — без «я», без «ты», без «оно»… Да, от всех нас/вас, действительно, ничего не останется! Ни кусочка! Ни пылинки! Ни капельки! Но! Только Так истинное Итак сможет Убить ложное post-человеческое «иначе»! Царствовать будет лишь —

СВЕРХ!!!

- Катя Ганеши

Об авторах

Ольхар Е. Линдсанн

Писатель, теоретик искусства, издатель, создатель арт-объектов, куратор, перформансист, историк. Его главная творческая задача – создание, развитие и преобразование маргинальных творческих и интеллектуальных сообществ. Один из основателей Коллектива Пот-НеоАбсурдистов. Активно сотрудничал с движениями Fluxus, Neoism, Eternal Network и многими другими радикальными и авангардными проектами по всему миру. Как редактор издательства Monocle-Lash Anti-Press, подготовил к печати и выпустил около 50 книг, журналов, дисков с работами более ста писателей, мыслителей и художников со всего мира. Автори соавтор 25 книг по вопросам социальной и культурной критики, социологии, стихосложения, историографии, искусства перформанса, визуальной поэзии, полемики, коллажа. Активно выступал с лекциями, перформансами, чтением литературных произведений на оптовых базах, фестивалях, в книжных магазинах и подвалах Америки и Англии.

Росс Васильев

Родился в Болгарии, в настоящее время проживает в США (Огайо). Поэт, редактор электронных журналов Opium Poetry 2.0 (http://opiumpoetry.blogspot.com/) и Asphodel Madness (http://asphodelmadness.blogspot.com/)

Уткин Константин Александрович

Писатель, поэт, кинолог. Учился в Литературном институте в семинарах Николая Старшинова и Владимира Кострова. Публиковался в издательствах "Эксмо", "Аквариум", периодических изданиях. В серии "Собачья работа" издавался под псевдонимом Константин Борзов.

Сайт: http://pisatelutkin.ru/

Евгений Лесин

Поэт и журналист. Родился в Москве в 1965 году. Учился в МИСиС, окончил Литературный ин-т, служил в СА, работал в котельной, инженером-технологом, в "Книжном обозрении", сейчас в "Независимой газете".

Евгений В. Харитоновъ (1969) – московский поэт, визуальный и саунд-артист, музыкант, историк литературы и кино. Печатается с 1984 года. По образованию филолог (Московский Педагогический Госуниверситет), по основной профессии – журналист и редактор. Автор около 1000 публикаций в российской и зарубежной печати и 15 книг, посвященных истории и актуальным вопросам фантастической литературы, единственный иностранный лауреат Национальной премии Болгарии в области фантастического искусства «Гравитон» (2004). Автор поэтических сборников «Во! Ум!» (1999), «НЕПрОЗА, или Картинки за выставкой» (2003), «Внеклассное чтение» (2005), «Ямуямбурою» (2007), «Легко!» (2007), «Ми На Ми Ра» (2008), около 20 объектов бук-арта, нескольких PDF-книг визуальной поэзии, десяти аудио-альбомов саунд-поэзии. В рамках музыкальных проектов The Мы, Kharitonov's Fuck Orchestra, EugeneKha, Nameless Dancers, Spacebirds, Microbit Project и Yoko Absorbing выпустил на российских и зарубежных лэйблах около 100 аудиоальбомов в жанрах rock, electronic, dance, jazz, punk, avant-garde. Организатор и куратор ежегодного Московского фестиваля экспериментальной и саунд-поэзии «Лапа Азора» (с 2007 года), основатель и куратор первого российского лэйбла для издания саунд-поэзии "Another Hemisphere Records", а так же музыкальных лэйблов 45RPM-Records, Microbit Records и Laser Visa.

Переводил болгарских поэтов и прозаиков-фантастов. Стихи и переводы публиковались в журналах «Новый мир», «Иностранная литература», «Дружба народов», «Дети Ра», «Футурум Арт», Черновик», «Другие», «Российский колокол» и др. Переводился на болгарский, румынский, английский, сербский, немецкий и японский языки.

В 2006-2009 гг. выпускал журнал ортодоксально-маргинального искусства «Barkov's Magazine». С 2007 года – главный редактор и издатель PDF-журнала литературного и художественного авангарда «Другое полушарие», аудио-журнала звучарной и видео-поэзии "ARTronic Poetry", редактор-составитель Аудиоантологии мировой саунд-поэзии и видео-арта «arTronic»; курирует проекты «Стихи Миллениума», «Музей бук-арта». Лауреат более 20 литературных премий, в том числе Отметины имени Отца-основателя русского футуризма Д.Бурлюка.

Член Союза писателей России, Международной Академии Зауми, Союза журналистов России, Русского ПЕН-клуба и Союза литераторов РФ.

WEBS:
Авторский сайт: http://academia-f.narod.ru
Другое полушарие: http://drugpolushar.narod2.ru/
Artronic Poetry: http://artronicpoetry.blogspot.com/

Wikipedia: http://ru.wikipedia.org/wiki/Евгений_Викторович_Харитонов
Библиография: http://academia-f.narod.ru/AVTOBIBLIO_Kharitonov.htm
Аудиография: http://academia-f.narod.ru/DISCOGRAPHY.htm
Поэтические тексты и визуалы:
http://academia-f.narod.ru/KHARITONOVpoetry.htm

CONTACT:
sssr05@yandex.ru
drugpolushar@yandex.ru

Олесь Ульяненко

(Александр Станиславович Ульянов)

Родился в 1962 году в городке Хорол Полтавской области, умер 17 августа 2010. Пятнадцатилетним ушел из дому, стремясь добраться до Владивостока, в тундре сразился с якутским шаманом и занял его место, но вскоре, прихватив сумку со снадобьями и двух попутчиков-якутов, скрылся. Следующие годы жизни охватили медучилище, моршколу, десантные войска и горячие точки, шахту, украинский Юг, ленинградскую, а потом киевскую рок-тусовку, участие в национальном политическом Рухе, авторскую программу на телеканале СТБ ... Писать прозу начал еще в детстве, но первые публикации появились только в 90-х. В 1997 году получил Шевченковскую премию за роман «Сталинка». Является автором более 20 романов, а также рассказов, эссе и киносценариев. Его произведения входят в программу средних школ, техникумов и вузов. По его творчеству защищено 8 диссертаций в Украине, Америке и Канаде. За роман «Знак Саваофа» РПЦ предала его анафеме. В 2009 году роман «Женщина его мечты» Национальная экспертная комиссия Украины по морали признала содержащим порнографию, и издательство поспешно изъяло его из продажи. Более полугода Ульяненко судился с Нацкомморали, добиваясь того, чтобы экспертный вывод был признан недействительным.

Андрей Щербак-Жуков

(настоящее имя – Щербак Андрей Викторович)

Родился 13 мая 1969 года в Москве. Некоторое время жил в Краснодаре, где окончил среднюю школу, несколько семестров в художественной школе и один курс биологического факультета Кубанского Государственного Университета. С 1989 года – снова москвич.

Член Союза Писателей России (Московское отделение) и Международного союза журналистов.

В 1995 году закончил отделение кинодраматургии сценарно-киноведческого факультета ВГИКа (мастерская Н.Н.Фигуровского), а в 1999 - аспирантуру при кафедре кинодраматургии. В разные годы работал фотографом, журналистом, лит. редактором, сценаристом рекламных роликов, криэйтором и копирайтором (написал сценарии к рекламным роликам «Видеокассета «Conica»», «Компания «Кампомос»», «Чай «Классика»»). Шесть лет проработал в редакции газеты «Книжное обозрение» - начальником отдела клубной жизни. В настоящий момент – обозреватель «Ex libris Независимой газеты».

Стихи и прозу начал писать, еще учась в старших классах средней школы. Первая публикация - фантастический рассказ «Всё идёт к лучшему...» - состоялась в газете «Комсомолец Кубани» в августе 1986 года. Пишет рассказы (в основном фантастические), стихи, эссе, байки, статьи о литературе, современной музыке и кинематографе, сценарии игровых и документальных фильмов.

Как прозаик печатался в журналах «Молодая смена» (Ташкент), «Фантакрим-МЕГА» (Минск), «Техника - молодежи», «Энергия», «Дилижанс», «Летопись интеллектуального зодчества», «Наша улица», «Health Line», газетах «Плюс-минус бесконечность», «Вечерний Краснодар», «Ex libris Независимой газеты». Как критик и публицист – в журналах «Новое литературное обозрение», «Если», «Мир фантастики», «Звездная дорога», «Полдень, XXI век (Журнал Бориса Стругацкого), «Библиография», «Rockmusic.ru», «Командор», «Деловые люди», «Другой», в газетах «Аргументы и факты», «Мир новостей», «Алфавит». Как поэт – в краснодарской желтой газете «Здравствуйте!», полуакадемическом журнале «Библиография» и только в одном специализированном поэтическом журнале «Футурум арт»..

Рассказы и статьи публиковались в коллективных сборниках «Этюд о взрослом гравилёте» (Краснодар: Кн. изд-во, 1990), «Послание Фениксу» (М.: 1990), «Наши в городе» (М.: ЭКСМО-Пресс, 2001), «Фантастика 2002. Выпуск 2 (М.: АСТ, 2002), «Аспиранты ВГИК-2002. Поиски, размышления, открытия» (ВГИК, 2002), «Фэнтези-2005» (М.: Эксмо, 2005), «Новые марсианские хроники» (М.: РИПОЛ Классик, 2005), «Звездный портал» (СПб.: Азбука, 2005), «Лучшее за год 2007. Российское фэнтези, фантастика, мистика» (СПб.: Азбука-классика, 2007), «Своевременные сказки» (Рига: SIA «S-Kom», 2008), «Лучшее за год 2008. Российское фэнтези, фантастика, мистика» (СПб.: Азбука-классика, 2009).

Выступил как редактор, составитель и один из авторов сборника фантастики «Пятая стена» (М.: ООО «ИнтелБилд», 2002).

Автор книг:

«Сказки о странной любви». – М.: ТПО «Извращение», 1993. - 64 с., ил., 510 экз;

«На экране – Чудо: Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002): Материалы к популярной энциклопедии» (в соавторстве с Евгением Харитоновым). – М.: НИИ Киноискусства, В.Секачев, 2003. – 320 с.

В прошлом активно сотрудничал с молодыми кинематографистами ВГИКа. Участвовал в создании нескольких короткометражных фильмов:

«Последний репортаж» (1997, игровой, видео, 19 минут);

«Против неизвестного» (1998, игровой, 35 мм, ч/б, 16 минут);

«Этюд к картине «Неизвестный Кулешов» (1999, документальный, видео, 9 минут);

«Маша Макарова: «Двадцать первая весна...» (1999, документальный, видео, 18 минут);

«Борис Чирков: Строки из дневника» (2002, документальный, 35 мм, 30 мин).

А так же видеоклипа групп «Божья коровка» и «Адреналин» - «Пушкин».

Лауреат литературных наград:

«Старт» (Свердловск, 1994) - за лучшую дебютную фантастическую книгу 1993 года - «Сказки о странной любви» (М.: 1993).

«Интерпресскон» (Санкт-Петербург, 1997) - за лучшее фантастическое произведение сверхкороткой формы - «Сказка про Маленькую Планету и Сексуальную Революцию» (Из цикла «Сказки для идиотов»).

«Фанкон» (Одесса, 1997) – в номинации «За мини-жанр в научной фантастике», за весь цикл миниатюр «Сказки для идиотов».

«Бронзовый Роскон» (Москва, 2004) – в номинации «критика, публицистика», совместно с Евгением Харитоновым, за книгу «На экране – Чудо: Отечественная кинофантастика и киносказка (1909-2002): Материалы к популярной энциклопедии».

«Интерпресскон» (Санкт-Петербург, 2007) - за лучшее фантастическое произведение сверхкороткой формы - «Сказка о самом нелепом оборотне» (Из цикла «Сказки для идиотов»).

«Бронзовый Роскон» (Москва, 2009) – в номинации «критика, публицистика», за эссе «Нехорошее слово».

Создатель и идеолог концепции «Инфоромантизма» (т.е. романтизм эпохи информации), направления в отечественной фантастики, которое, минуя традиции как плохой, так и хорошей «советской» НФ, восходит корнями к русскому романтизму XIX века и декадентским течениям начала XX. В последнее время идеология и эстетика инфоромантизма находит свое воплощение в поэзии – ее исповедует Поэтической Содружество Инфоромантиков, которое было образовано в начале 2007 года и дало несколько поэтических концертов в клубах Москвы. Участвовал в отборочном туре Большого Слэма весна-лето 2007 года – занял третье место.

Бычков Андрей Станиславович

Писатель, сценарист, защитил диссертацию по физике элементарных частиц. Автор 6-ти книг прозы в России и 3-х на Западе (Франция, Бельгия, Югославия). Рассказы переводились и печатались также в журналах и альманахах Германии, Испании, США, Югославии, Венгрии, Китая, Франции и Бельгии. Книга «Дипендра» (2004) – лидер издательства по числу опубликованных на нее рецензий, номинировалась на премию Андрея Белого. Пьеса “Репертуар” участник Международного фестиваля IWP (USA), поставлена на Бродвее (“NYTW”, 2001). Бычков - лауреат премии русской литературы в Интернете “Тенета- 1999”, премии «Бродячая собака» Клуба литературного перформанса Зверевского центра современного искусства (2009), финалист премии “Антибукер-2000”, лауреат Специального приза Международного ялтинского кинорынка, Приза Эйзенштейна немецкой фирмы "Гемини-фильм" и Гильдии сценаристов России. Фильм «Нанкинский пейзаж», снятый режиссером Валерием Рубинчиком по его сценарию, удостоен трех международных наград. Учредитель премии «Звездный фаллос».

Олег Разумовский

Родился в Смоленске. Служил в морфлоте. Закончил пединститут, факультет иностранных языков. Публиковался в андеграундных изданиях "Третья модернизация", "Митин журнал", "Черновик" и др. Книги из-ва "Вольный стрелок": RAZUMBUNT, "Тропа Хошимина", "Весёлые картинки" и др. Литературные премии в 2010 году: Звёздный фаллос и Серебряная пуля.

Александр Моцар

Родился 20 марта 1975 года.

Куратор сайта «Черновик». Лауреат журнала «Дети Ра» (2006 год). Вице-президент Академии Зауми Украины (АЗукр)

Автор многочисленных публикаций в России, Украине, США, Франции, Германии

В журналах:

«Черновик» (США), Стетоскоп (Франция) Журнал Поэтов (Россия), Футурум Арт (Россия), Дети Ра (Россия), Другие (Россия), Альманах Академии Зауми (Германия), АКТ (Россия), Словолов (Россия), Союз Писателей (Украина), СТЫХ (Украина) и д.р.

В антологиях:

Актуальная поэзия на Пушкинской 10 (Россия), Антология Поэтов (Россия), Киев (анатомия города) (Украина), Земляки (Россия). Наш выбор (антология свободного стиха) (США)

Участник международного фестиваля «Киевские лавры», биенале поэтов в Москве, фестивалей «Синанифест» (Ялта), «Крик на лужайке» и «Осеннее многоточие» (Днепропетровск)

Как художник, учувствовал в выставках: «Маргиналы и радикалы» (в рамках московского биенале поэтов в

2005г.), видиопоэзия в доме на Фонтанке – дом Ахматовой (Санкт-Петербург 2007г.), радикальная видеолитература L – галерея (Москва 2008г.)

В 2008 году выступал одним из организаторов международного мэйл-арт проекта «45 лет школы корреспонденции Рея Джонсона» (В Украине подобный проект проводился впервые)

Дмитрий Гайдук

Родился 20 марта 1964 года в Днепропетровске) — публицист, писатель, сказочник, собиратель русскоязычного растаманского фольклора. Известен, в частности, как автор «Растаманских сказок» и «Энциклопедии конопли».

Учился в Харьковском университете на факультете иностранных языков (немецкий язык), 1987—1998 жил в Полтаве, затем в Москве. С 1992 года работал переводчиком, редактором, составителем энциклопедий в издательствах «Миф» (Москва), «София» (Киев) и «Ультра.Культура» (Москва), музыкальным рецензентом на Ozon.ru и www.drj.ru.

Основные работы: «Мистики XX века», «Энциклопедия суеверий», «Энциклопедия предсказаний», «Энциклопедия конопли» (не издана), «Магия в теории и на практике» Алистера Кроули (перевод, предисловие, комментарии).

Проект «Растаманские народные сказки» существует с октября 1995 года, посвящён собиранию и обработке фольклора потребителей конопли. Сборники растаманских сказок издаются с 1998 года, наиболее известные издания — «Растаманские народные сказки» (Ростов, Феникс, 2000) и «Растаманские сказки и всё такое» (М., «Ультра. Культура», 2005). Интернет-сайт проекта (rastaman.tales.ru) открылся в январе 1999 г. и является одним из старейших литературных проектов в Рунете. С 2001 года издаются также аудиоверсии растаманских сказок в исполнении Дмитрия Гайдука с музыкальным сопровождением (DJ Kayla Cariapadas, DJ Голландец и др.) — этот жанр идентичен англоязычному «spoken word». Гайдук регулярно гастролирует с выступлениями по городам России, Украины и других стран.

Параллельные проекты: «Джа-Будда и его джатаки» (начат в 1997, издан М., «Кайя», 2004; «Конопляные Джунгли» (1999—2000) — одна из первых оплачиваемых регулярных авторских колонок в Рунете, выходила на сайте High.Ru (материалы изданы М., «Кайя», 2004); «Цывильные сказки» (начат в 1992 году, издан в сборнике «Растаманские сказки и всё такое», М., «Ультра. Культура», 2005), «Сказки народов мира» и др.

Кроме того: пьесы («Сцены из Ветхого Завета» (1997, премия «Тенета-98»), философская эссеистика («Фаллософия» (1996, 1999) и др.).

Игорь Викторович Лёвшин (род. 1958, Москва) — прозаик, поэт, участник проекта "Нефть" с группой "Карамаджонги".

Окончил МИСиС. Дебютировал в конце 1980-х гг. в самиздате ("Эпсилон-салон") и тамиздате ("Черновик").

Василий Анатольевич Шарлаимов

Родился 13 января 1956года в г. Цюрупинск Херсонской области. С 1963 по 1973 обучался в средней школе №6 г. Херсона с углубленным изучением англ. языка. С 1973 года учился в Херсонском филиале Одесского технологического института им. Ломоносова. В 1978 году окончил институт с отличием и получил диплом инженера-механика. С 1978 по 1980г.г. проходил воинскую службу в рядах СА. Прошел путь от рядового до старшего сержанта и после демобилизации получил звание лейтенанта ЗРВ.

Двадцать лет проработал в Херсонском предприятии «Медтехника», специализируясь на ремонте, установке и наладке медицинского оборудования. В 2000г. профессия инженера перестала давать мне средства к сносному существованию.

Я отправился на заработки на португальские стройки на пару лет, чтоб поправить своё пошатнувшееся материальное положение. И задержался, видно, надолго.

Женат. Имею от первого брака двоих взрослых сыновей и от второго – дочь.

Что заставило меня писать?

Тяжелый и монотонный физический труд не давал выходу интеллектуальной энергии. Во время коротких перерывов и дней отдыха я слышал от своих товарищей множество потрясающих историй, которые начал записывать на грязных обрывках бумаги.

Когда иммигрантской русскоязычной газетой был объявлен лит. конкурс под девизом «Поделись улыбкою своей», я решил попробовать свои силы. Первые мои работы были напечатаны в газете, но на конкурс не выставлялись. Редакторы не нашли в них ничего смешного. Пришлось пересмотреть моё отношение к юмору. Пятый мой рассказ «Степан и меценат» был выставлен на конкурс и стал победителем. Рассказ «Степан и Роза» был опубликован в лит. журнале «Листья» США. В Порт-Фолио так же был опубликован рассказ «Степан и нищий». Работа «Степан и морской волк» публиковалась в лит. журнале «Литературный Башкортостан».

Некоторые мои работы («Сало» и «Страдания украинского избирателя») публиковались в сетевом юмористическом журнале «Сатирикон-бис» под псевдонимом Василий Костовинский.

СС Прасад

Родился в 1980 г. Работает инженером на производстве микрочипов в Бангалоре (Индия). Имеет публикации в индийских журналах The Journal of Indian Writing in English, New Quest, Talking Poetry, в антологии Multiple City: Writings on Bangalore (Penguin India, 2008) и за рубежом, в изданиях Fulcrum(США), Komma(Швеция), Semicerchio(Италия) и Orbis(Великобритания). В 2006 году получил премию «Toto Funds the Arts Award for Creative Writing». «100 poems» - его дебютная книга.

Гиренок Федор Иванович

Доктор философских наук, профессор. Заместитель заведующего кафедрой философской антропологии МГУ. Родился на Алтае в 1948 г. В 1970 г. окончил среднюю школу в г. Алейске (Алтайский край). В 1976 г. окончил философский факультет МГУ. В 1988 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Экология, как феномен самосознания цивилизации». Автор книг: «Экология. Цивилизация. Ноосфера.» (1987), «Ускользающее бытие» (1994), «Метафизика пата» (1996), «Патология русского ума» (1998), «Удовольствие мыслить иначе» (2008)

Инна Кириллова

(*Макурина Инна Кирилловна*)

Редактор журнала «Слова».

Родилась и живет в Смоленске. Окончила Смоленское музыкальное училище и Московский психолого-социальный институт. Работает над диссертацией по философской специальности. Автор нескольких прозаических текстов и восьми пьес. Куратор «Первой выставки асемического письма в России» (Смоленск, 2010) и выставки работ из антологии «The Last Vispo» (Смоленск, 2010). Имеет публикации в сетевых изданиях.

Михаил Евгеньевич Бойко

Журналист, литературный критик, философ, автор экспериментальных стихов и прозы. Родился 17 мая 1979 года в Москве. Публикуется с 1998 года. С отличием окончил физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (2001). Референт Алины Александровны Витухновской (1999-2006). Служил командиром взвода в ВС РФ (2002-2003). Работал инженером в Российском научно-исследовательском институте Космического приборостроения (2004-2005), руководителем отдела по связям с общественностью Союза молодежи «За Родину!» (2005-2006), заведующим отделом публицистики еженедельника «Литературная Россия» (2006-2007). Пресс-секретарь луба метафизического реализма ЦДЛ (июнь 2007 – март 2010).

С 2007 года работает в «Независимой газете» – сначала обозревателем, а затем заместителем ответственного редактора «НГ Ex libris».

Автор газет «Независимая газета», «Завтра», «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», журналов «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Октябрь», «Дети Ра», интернет-изданий «Русский журнал», «Реакция», «Частный корреспондент», «Полярная звезда», «Органон» и других печатных и электронных СМИ. Экспериментальные стихи печатались в «НГ Ex libris» и «Дети Ра», проза – в журнале «Футурум АРТ».

Разработчик оригинальных философского и литкритического подходов, названных им неологизмами собственного изготовления, – соответственно, «нигилософия» и «алгософия».

Считает себя учеником Алины Витухновской, Юрия Мамлеева и Вадима Руднева.

Автор книг «Диктатура Ничто» (2007) и «Метакритика метареализма» (2010).

Участник VIII Форума молодых писателей России (2008).

Член Союза писателей Москвы (с 2008 года).

Ридер премии «Дебют» (2008, 2009).

Номинатор премий «Звездный фаллос» (2009), «Национальный бестселлер» (2010).

Один из авторов идеи, организатор и литературный секретарь премии «Нонконформизм» (2010).

Андрей Чемоданов

Родился в Москве в 1969 году. С 1985-по 1987 учился на врача в Ленинграде. С 1987-1989 – рядовой СА в Средней Азии. В 1989 вернулся в Ленинград, в 1991 – в Москву. Закончил литинститут, работал курьером, снабженцем, дворником, сторожем, помощником режиссера, рецензентом, продавцом порно, гжели, книг. Пишет стихи с 1990 года. читал лекции, член редколлегии альманаха Алконость. ранее судим

публикации: мансарда, алконость, московский комсомолец, общая газета, книжное обозрение, литературная газета, юность,terra nova (san francisco), новый мир, кольцо а, абзац, рец...

в 2004 году в издательстве воймега вышел сборник стихотворений «совсем как человек», в 2010 в издательстве В. Гоппе сборник «а. чемоданов»

Глеб Коломиец

Родился в 1986 году в городе Туле. Творческую деятельность начал с 2003 года. Сотрудничал в качестве автора текстов в музыкальных коллективах «эФтаназия» (punk, г. Тула) и «Melcor» (melodic black\death, г. Тула). Автор научных работ по философии, нормальной анатомии человека и истории России. Имеет публикации в изданиях «Топос», «Ван Гог», «Я.Д.Ы.» и др.,. Сменил множество профессий. В настоящее время работает над диссертацией по философии. Технический редактор журнала.